

Б 81
Б17

В. Н. Базылев

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Г А Р Д А Р И К И

Б 81
Б 17

В . Н . Б а з ы л е в

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

*Допущено Министерством образования
и науки Российской Федерации
в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений*

МОСКВА
ГАРДАРИКИ
2007

УДК 81(075.8)
ББК 81я73-5
Б17

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *М. Е. Алексеев*;
доктор педагогических наук, профессор *Ю. Е. Прохоров*

Базылев, В. Н.

Б17 **Общее языкознание : учеб. пособие / В. Н. Базылев. — М. :
Гардарики, 2007. — 285 с.**

ISBN 978-5-8297-0312-7 (в пер.)

Агентство СІР РГБ

555229-

В учебном пособии рассматривается общее языкознание как научное направление, освещается ряд вопросов, касающихся языка как предмета филологических и гуманитарных исследований, обсуждаются современная структура знаний о языке и принципы описания языков мира. Автор уделяет внимание проблемам научной парадигмы в современном языкознании при разделении парадигмы-доминанты и парадигмы-маргиналии. Коротко изложены основные понятия генеративной лингвистики, интерпретационной семантики, логического анализа языка, лингвистики текста, гендерной лингвистики.

Адресовано студентам высших учебных заведений, обучающимся по специальностям направления «Лингвистика и межкультурная коммуникация», а также по иным гуманитарно-социальным специальностям: философам, теологам, историкам, журналистам и т.д.

УДК 81(075.8)

ББК 81я73-1

С.Торайгыров
атындагы ПМУ-дін
В оформлении переплета использован фрагмент картины
Гербрата ван ден Эйка «Ученый в кабинете» (XVII в.)
атындагы фильм

КІТАПХАНАСЫ

ISBN 978-5-8297-0312-7

© «Гардарики», 2007
© В.Н. Базылев, 2007

Предисловие

Предлагаемое учебное издание — первое такого рода дидактическое пособие для системы высшего профессионального образования. Оно создано на принципах междисциплинарного подхода и методологически базируется на основополагающих парадигмах научного знания второй половины XX в., в том числе на синергетической и когнитивной.

В книге системно излагается весь информационный комплекс, связанный с современным уровнем эволюции гуманитарного знания о языке и развития языкознания как науки, как междисциплинарной антропоориентированной дисциплины: основы интерпретационного подхода, семиотика, языковое моделирование, теория общения, вопросы эффективности коммуникации, описание и объяснение языковых феноменов, история и современное состояние искусственных языков и многое другое. Теоретические положения сопровождаются богатым иллюстративным материалом.

Учебное пособие предоставляет студентам уникальную возможность познать мир языка, который не только лежит в основе современного научного знания, но и формирует это знание. Структурировано оно в соответствии с образовательными и воспитательными задачами, решаемыми системой высшего профессионального образования в нашей стране. Его содержание пересекается с проблематикой культурологической, антропологической, поэтической, психологической, философской, социологической, литературоведческой, поскольку опирается на тезис о языке как специфическом способе существования культуры, средстве ее функционирования, как отражении и выражении опосредованной культурой действительности и основном — наряду с усвоением культурной информации — факторе формирования культурных кодов. Таким образом, в центре внимания всех разделов учебного пособия и его отдельных глав и параграфов остается язык. Тем самым оно не повторя-

ет, а органично дополняет, с акцентом на сугубо языковедческую проблематику, все иные пособия гуманитарного цикла, предлагаемые студентам в настоящее время. Концептуальный стержень издания составляют: идея о связи языка и народа, впервые оформленная в качестве научной теории в работах В. Гумбольдта; тезис Ф. де Соссюра о том, что обычаи нации отражаются в ее языке, а именно язык в значительной мере формирует нацию; гипотеза «лингвистической относительности» Сепира — Уорфа; идеи Лейденской школы, школы когнитивной антропологии и школы «вторичных моделирующих систем», или Московско-Тартуской школы семиотики.

Структурирование материала в пособии отвечает требованиям современной зарубежной и отечественной методики. Все разделы строятся по следующей дидактической схеме: 1) собственно информационная часть, отличающаяся реферативно-аналитическим характером и предназначенная для самостоятельной работы студента, для повторения и самообразования; эта часть содержит большое количество как явных, так и скрытых цитат, что обеспечивает сохранение исследовательской традиции, отсылку к авторитетам, а также наглядность поступательного развития идей; задача автора в этой связи сводится к правильной и выразительной аранжировке основных направлений развития человеческой мысли; 2) контрольные вопросы, стимулирующие саморегулятивную деятельность студента; при этом вопросник, основанный на материале издания, создает предпосылки для самостоятельной работы студента с первоисточником; 3) проблемные задания, которые могут послужить материалом для дискуссий, докладов и рефератов; 4) литература для текущей работы и самообразования. Такая структура учебного пособия позволит использовать его как при очной форме обучения, так и при заочной и дистанционной.

Помимо сугубо информативно-образовательной целеустановки книга призвана способствовать реализации в учебном процессе важных воспитательных функций: структурированию у молодого поколения адекватной социальной ориентированности, обеспечению саморегуляции личности в процессе социализации, формированию адекватного понимания как «своих», так и «чужих» культурных структур.

Автор просит помнить о том, что содержание работ классиков языковедения бесконечно богато и неисчерпаемо, а любое учебное издание является всего лишь частной и субъективной интерпретацией его как фрагмента мирового духовного наследия.

Раздел I

Языкознание как гуманитарная
дисциплина и его место в системе
научного знания о человеке

Во второй половине XX в. в мировой научной мысли вообще и в комплексе наук о языке в частности происходит пересмотр классической схемы эпистемологического акта, который имплицитно содержит в себе противопоставление субъекта и объекта. Данный пересмотр связан с учетом представления о коллективном субъекте познания, языковых и культурных предубеждений субъекта, их влияния не только на процесс и результат познания, но и на специфику видения самой его предметности. Рассмотрение субъекта гуманитарного познания предполагало с этого времени учет встроенности в мышление и познавательную деятельность человека представлений о «другом».

В первом разделе речь пойдет об эпистемологическом статусе, предпосылках и основании современного гуманитарного познания, об объекте, предмете и субъекте науки о языке.

Глава 1

Общее языкознание: теория и эмпирика

§ 1. Общее языкознание: статусная характеристика

Общее языкознание — один из эмпирически сложившихся к настоящему времени раздел науки о языке; занимается свойствами, присущими любому языку, и отличается от частных языковедческих дисциплин, выделяемых либо по своему предмету, либо по отдельному языку (русский язык — русистика, японский язык — японистика), либо по группе родственных языков (романистика, изучающая романские языки), либо по географической области, внутри которой группируются ареально или типологически близкие языки (балканистика, кавказоведение); устанавливает общие или статистически преобладающие черты всех языков как эмпирически — индуктивно, так и дедуктивно, исследуя общие, значимые для всех людей закономерности функционирования языка, особенности любого речевого акта, текста и т.д.

Общее языкознание как наука о естественном языке. Общее языкознание изучает естественный человеческий язык вообще и все языки мира — индивидуальные его представители. Поскольку язык является важнейшим средством коммуникации в обществе и тесно связан с мышлением и сознанием, языкознание входит в качестве одной из центральных наук в круг гуманитарных и социальных научных дисциплин, исследующих человека и человеческое общество. Из них с общим языкознанием теснее всего связана этнография и ее различные области, разрабатывающие, в частности, основные принципы функционирования языка в обществах разного типа, в том числе и в архаичных, или «первобытных», коллективах.

Разные виды коммуникации в обществе исследуются не только в языкознании, но и в теории коммуникации, культурной антрополо-

гии и семиотике. Естественный язык — наиболее важная и лучше всего изученная знаковая система, поэтому языкознание часто рассматривается как ведущая семиотическая дисциплина. Языкознание здесь оказывается центральной наукой, поскольку язык служит средством для построения целого ряда текстов (в частности, в художественной литературе) и «надъязыковых» систем (семиотических моделей мира), изучаемых семиотическими дисциплинами.

Для исследования языковых текстов, служащих знаковым задачам «надъязыковых» систем (мифологии, ритуала, религии, философии и т.д.), соответствующие научные дисциплины обращаются за помощью к языкознанию и ряду научных дисциплин, пограничных с ним, — к филологии, исследующей тексты, герменевтике, занимающейся их пониманием, и т.д.

Общее языкознание в кругу других наук. Соотношение между языкознанием и другими науками можно исследовать в зависимости от характера знаковой или незнаковой природы предмета каждой из этих наук. Теснее всего с языкознанием из семиотических дисциплин сближается **грамматология** — наука о письме.

Ключевая роль языкознания для многих смежных гуманитарных наук состоит в том, что выводы, сделанные в языкознании, воспринимаются как важнейшие для гуманитарного знания в целом. По используемым методам языкознание сближается с историей и другими науками, исследующими изменение во времени социальных структур, содержание которых в ряде случаев определяет и ход языковой эволюции, и развитие культуры, литературы, искусства.

Многообразие функций языка в обществе и тесная связь с мышлением и с психической деятельностью человека определяют весьма гибкое взаимодействие языкознания с социальными и психологическими науками. Особенно тесно языкознание связано с психологией. В 1950-х гг. образовалась новая, пограничная с языкознанием наука — психолингвистика. Развитие идеи порождающей грамматики привело к ее органическому слиянию с когнитивной психологией и к постепенному включению языкознания в круг фундаментальных когнитивных наук и их приложений, объединяемых общим термином «искусственный интеллект». Считавшиеся общими для языкознания и психологии вопросы соотношения языка и мышления интенсивно изучаются современной логикой и философией языка и одновременно составляют содержание лингвистической семантики.

Связи языкознания не только с социальными науками и науками о человеке, но и с естественными науками, особенно с биологией,

наметились еще в XIX в. Некоторые предложенные еще А. Шлейхером аналогии между сравнительно-историческим языкознанием и дарвиновской теорией эволюции нашли поддержку в современной науке. Дешифровка генетического кода во многом основывалась на усвоении биологами опыта языкознания и на типологии, аналогиях со структурой естественного языка, которые продолжают изучаться и генетиками, и лингвистами. Методы сравнительно-исторической реконструкции праформ и определения времени расхождения между потомками одного праязыка в языкознании оказались аналогичны сходным процедурам в молекулярной теории эволюции. Контакт языкознания с биологией осуществляется также при исследовании наследственного характера основных языковых способностей человека, что связано и с проблематикой глоттогенеза, и с разработкой идеи моногенеза языка. Более четко определился в конце XX в. статус нейролингвистики, изучающей на основании лингвистических данных функции и зоны центральной нервной системы, связанные в норме и патологии с языком. На границе языкознания и психиатрии находится исследование особенностей речи при разных видах психических расстройств. При психоанализе сосредоточивается внимание на бессознательных речевых ошибках и на неосознаваемом содержании монолога пациента, произносимого в присутствии врача. По мере развития нейролингвистики ставился вопрос о соотношении разных частей теории языка с характеристиками работы соответствующих зон центральной нервной системы. Для понимания особенностей физиологии человека именно язык играет особенно важную роль, что постепенно начинает учитываться и в теоретических работах по психофизиологии, и в практике психотерапии, имеющей аналоги в народной медицине (заговорные тексты и т.п.).

Технические задачи, связанные с увеличением эффективного использования каналов передачи речевой информации и «общением» с компьютером, представляют собой практически наиболее важные области прикладного языкознания, где проводится исследование речи и вычисление ее статистических характеристик методами математической теории информации.

За свойственным некоторым направлениям языкознания XX в. сосредоточением на изучении языка только как «предмета в себе» следует сближение языкознания с физико-математическими науками, в частности с математикой. Во второй половине века появилась особая область математики — математическая лингвистика, которая строилась на математической формальной (алгебраической) теории

грамматик и статистической теории языка, использующей методы математической статистики, теории вероятностей и теории информации. Методы математической логики применялись для формального описания категорий естественных языков. Языкознание стало той гуманитарной наукой, которая, не порывая связей с другими науками о человеке и его культуре, первой решительно стала использовать не только инструментальные методы наблюдения (в фонетике) и экспериментальные приемы (в психолингвистике), но и математические способы для получения и записи своих выводов.

Многие традиционные области языкознания вообще существенно изменили методику исследования благодаря использованию компьютеров. Стало возможным, например, построение программ, реконструирующих разные альтернативные варианты фонологических и грамматических уровней праязыков; машинное определение времени разделения родственных языков методом лексикостатистики; составление машинных словарей для обширных корпусов древних письменных текстов и проведение на компьютерах вспомогательных работ для их дешифровки.

§ 2. Кардинальные вопросы общего языкознания

С и м в о л — в науке (логике, математике и пр.) то же, что знак. В отличие от аллегории смысл символа неотделим от его образной структуры и характеризуется неисчерпаемой многозначностью своего содержания.

Вопросы-символы общего языкознания. Лингвистика, как и любая другая наука, ставит и решает огромное множество самых разнообразных вопросов — от весьма широких и общих до предельно специализированных и узких, распределяемых по некоторой мысленной шкале максимальных и минимальных значимостей. В целях лучшей обзорности все эти вопросы можно свести в пять основных групп, присвоив каждой из них краткое условное обозначение в виде вопроса-символа: 1) группа проблем «что?»; 2) группа проблем «как?»; 3) группа проблем «когда?»; 4) группа проблем «какие условия?»; 5) группа проблем «почему?».

Следует сразу подчеркнуть, что все эти проблемы взаимосвязаны и действительно научное решение любой из них зависит от того, насколько успешно решены все остальные проблемы. Названные группы проблем являются существенными и для частного языкознания

(германистики, романистики, славистики и т.д.), и для общего языкознания, хотя, разумеется, общелингвистическая постановка вопросов не может не иметь специфики по сравнению с постановкой аналогичных вопросов в любом частном исследовании. Кроме того, значительная группа проблем ставится и решается только в рамках общего языкознания. К этой группе относится, например, проблема связи языка и мышления или проблема классификации языков.

Группа проблем «что?». В данную группу входят, например, такие проблемы: 1. Что является непосредственным объектом языкознания? 2. Что составляет область совместных интересов лингвистики и других наук? 3. Что такое единица языка (фонема, морфема, слово и т.д.)? 4. Что понимается под инвариантами и вариантами? 5. Что представляют собой методы и приемы, используемые языкознанием? 6. Что понимается под научными школами (направлениями) в истории языкознания?

Группа проблем «как?». Эту группу составляют, например, такие проблемы: 1. Как устроен язык в целом? 2. Как устроены отдельные элементы языка (слова, предложения и т.д.)? 3. Как связаны отдельные элементы языка друг с другом? 4. Как связан язык с судьбами народа, общества, которому он служит? 5. Как связан язык с мышлением? 6. Как часто употребляются отдельные элементы языка (фонемы, морфемы, слова и т.д.)? 7. Как осуществляется связь языкознания с другими науками?

Группа проблем «когда?». Среди таких проблем можно назвать, например, следующие: 1. Когда возникла членораздельная речь? 2. Когда возник тот или иной конкретный язык (диалект)? 3. Когда сформировались отдельные (фонетические, грамматические, лексические) элементы языка? 4. Когда возникли отдельные школы (направления) в истории языкознания?

Группа проблем «какие условия?». Назовем некоторые из таких проблем: 1. От каких условий зависит успех коммуникативного акта? 2. В каких условиях осуществляется процесс коммуникации? 3. От каких условий зависят отбор и употребление языковых средств? 4. Какие условия являются наиболее благоприятными для возникновения и существования местных диалектов? 5. Какие условия способствовали возникновению натуралистического направления в языкознании?

Группа проблем «почему?». К проблемам такого рода, например, относятся: 1. Почему данное языковое явление возникло? 2. Почему тот или иной элемент языка вышел из употребления? 3. Почему данное явление сохранилось в языке? 4. Почему разные стороны языка изменяются с разной скоростью? 5. Почему совершается тот или иной акт

коммуникации? 6. Почему сравнительно-историческое языкознание могло появиться только в XIX в.? 7. Почему в исследованиях порой появляются ошибки?

Мы намеренно представили каждую группу кардинальных проблем науки раздельно. Но нужно помнить, что все они теснейшим образом между собой связаны. В языке (и в науке о языке) нечто всегда проявляется каким-то образом в определенное время и в определенных условиях, причем все это причинно обусловлено.

§ 3. Поиски определения языка: цитатные цепочки

О п р е д е л е н и е — установление смысла незнакомого термина (слова) с помощью терминов (слов) уже знакомых и уже осмысленных (номинальное определение), или путем включения в контекст знакомых слов (контекстуальное определение), или явного формулирования равенства (явное, или нормальное, определение).

О классификации и систематизации научных концепций. В естественных и точных науках считается хорошим тоном, как полагал В.В. Налимов, начинать учебные материалы, предназначенные для студентов, с обзора, классифицирующего и систематизирующего имеющиеся научные концепции. Но в случае науки о языке этого, к сожалению, сделать нельзя. Высказывания о языке в истории европейской научной мысли столь многообразны, а подчас и противоречивы, что не представляется возможным их упорядочить в четкую схему, логически развивающуюся в исторической ретроспективе. Это, безусловно, связано с тем, что в отличие от других отраслей гуманитарного знания в языкознании нужно описать объект, используя сам этот объект в качестве языка описания, т.е. мы описываем язык при его изучении самим этим языком. Все осложняется еще тем, что языкознание — одна из самых древних наук: ее истоки можно найти не только в Древней Греции, но и в Древней Индии, и на Ближнем Востоке. К тому же, что особенно важно, древние высказывания о языке и сегодня представляют своеобразный интерес, поскольку еще не стали исключительно достоянием истории науки.

В данном параграфе приводятся основные определения языка, представляющие интерес с позиций общей его теории. «Коллекция высказываний» о языке, принадлежащая в своей основе А.В. Ярхо и В.В. Налимову, призвана показать, что изучение языка в XX в. имело следствием не окончательное решение вопроса о том, что такое язык, а лишь его усугубление. Попытка любого одностороннего исследова-

ния сущности языка может быть интересна своей парадоксальностью (см. приводимые ниже высказывания Л. Витгенштейна), но не разрешает, а только обостряет проблему. Именно в этом отношении любопытны и поучительны крайние суждения. Мы сознательно отказываемся пока на этом этапе от комментария острых суждений, лишь помогая студенту найти правильный путь в предлагаемой «коллекции». Обратим внимание только на то, что главные проблемы общей теории языка в обсуждаемом аспекте формулируются так: как связан языковой знак с тем, что он обозначает; как язык используется в человеческой деятельности; как и почему люди в разной степени понимают друг друга; как иные знаковые системы, появляющиеся в культуре, связаны с языком.

Языковеды и философы XX в. о языке и языковых проблемах

И.А. Бодуэн де Куртене (1845—1929) — русский лингвист, основатель Казанской лингвистической школы.

Не вдаваясь в более подробный разбор и критику того положения, что язык есть организм, я замечу только, что организм, подобно и неорганическим веществам, есть нечто осязаемое, напоминающее собой известное пространство, а с другой стороны — питающееся, размножающееся и т.д. Организм всегда весь налицо, он существует непрерывно со времени своего рождения до начала его разложения, называемого смертью. Язык как целое существует только *in potentia*. Слова не тела и не члены тела: они появляются как комплексы знаменательных звуков, как знаменательные созвучия только тогда, когда человек говорит, а как представления знаменательного созвучия они существуют в мозге, в уме человека только тогда, когда он ими думает.

...Мы признаем справедливость утверждения Вильгельма Гумбольдта, что «язык является творческим органом для мыслей», но только с оговорками можем принять другие утверждения того же мыслителя, такие, как: «нет мыслей без языка; человеческое мышление становится возможным только благодаря языку» или язык состоит из «постоянно повторяющейся деятельности духа, имеющей целью сделать голос выразителем мысли» — ведь мышление возможно без языка, а у глухонемых выразителем мысли никогда не может быть голос. Зато без всяких оговорок можно согласиться с мнением Гумбольдта, что каждый язык есть своеобразное мировоззрение...

Строго говоря, термин «язык» в значении чего-то однородного и нераздельного можно применять только к языку индивидуальному. Однородный племенной язык представляет фикцию.

Г. Пауль (1846—1921) — немецкий языковед, представитель младограмматического направления в языкознании.

Из сравнения языковых организмов [каждого индивида] получается нечто среднее, чем и определяется норма в языке, языковой узус. Это среднее устанавливается, естественно, тем точнее, чем больше индивидов охвачено наблюдением и чем полнее проведено наблюдение каждого из них.

<...> Узус, на описание которого почти исключительно бывают направлены усилия грамматистов, определяет язык индивида лишь до известной степени; многое не только не определяется узусом, но и прямо ему противоположно.

<...> Грамматика и логика расходятся между собой прежде всего потому, что становление и употребление языка происходит не на основе строго логического мышления, а в результате естественного и неупорядоченного движения представлений, которое в зависимости от одаренности и образования следует или не следует логическим законам.

Ф.Ф. Фортунатов (1848—1914) — русский лингвист, основатель Московской школы языкознания.

Язык состоит из слов, а словами являются звуки речи как знаки для нашего мышления и для выражения наших мыслей и чувствований. Отдельные слова языка в нашей речи вступают в различные сочетания между собой, а с другой стороны — в другие части слов; поэтому фактами языка являются не только отдельные слова сами по себе, но также слова в их сочетании между собой и в их делимости на те или другие части.

Ф. де Соссюр (1857—1913) — швейцарский языковед, основатель структурализма в языкознании.

Язык есть нечто вполне определенное в разносистемной совокупности фактов речевой деятельности. Его можно локализовать в определенном отрезке... кругового движения, а именно там, где слуховой образ ассоциируется с понятием. Он есть социальный элемент речевой деятельности вообще, внешний по отношению к индивиду, который сам по себе не может ни создавать язык, ни его изменять. Язык существует только в силу своего рода договора, заключенного членами коллектива... Язык, обособленный от речи, составляет предмет, доступный обособленному же изучению... это система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти элемента знака в равной мере психичны. Связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна, или, иначе говоря, поскольку под знаком мы разумеем целое, вытекающее из ассоциации означающего и означаемого, мы можем ска-

зать проще: языковой знак произволен... Этот принцип подчиняет себе всю лингвистику языка; последствия его неисчислимы.

Б. Рассел (1872—1970) — английский логик и философ, один из основоположников направления логического позитивизма.

В обыденной речи нет различия между идентичностью и большим сходством. Слово обычно приложимо не к одной частности, а к группе связанных частностей, которые в обыденном мышлении или речи не воспринимаются как множественные... Многие понятия кажутся глубокими, потому что они неясны и путаны. Неясность [vagueness] и точность — важные понятия, которые необходимо усвоить. Оба являются вопросом степени. Все мышление до некоторой степени является нечетким, и точность — это практически недостижимый теоретический идеал.

Значение слова нечетко, когда оно приложимо к ряду различных объектов из-за того, что в силу некоторого общего свойства они оказались неразличимыми для индивида, употребляющего это слово.

Слово — это не что-то единственное [unique] и определенное, но набор употреблений [occurrences].

Сущность языка состоит не в употреблении какого-либо способа коммуникации, но в использовании фиксированных ассоциаций (как бы они ни образовались), т.е. в том, что нечто осязаемое — произнесенное слово, картинка, жест или что угодно — могло бы вызвать в ответ «представление» о чем-то другом. Когда это происходит, то осязаемое может быть названо знаком или «символом», а то, о чем должно появиться представление, — «смыслом» (значением).

Если мы говорим, что слово имеет значение, то отсюда не следует, что те, кто употребляет слово правильно, думали когда-либо о том, что такое значение. Сначала идет употребление слова, а его значение можно извлечь из наблюдения и анализа... В утверждении, что человек, правильно употребляющий слово, должен уметь раскрыть его значение, не больше логики, чем в утверждении, что правильно движущиеся планеты должны знать законы Кеплера.

Л. Витгенштейн (1889—1951) — австрийский логик и философ, один из основоположников школы аналитической философии.

Имеется один и только один полный анализ предложения. Предложение выражает то, что оно выражает, определенным, ясно указуемым способом: предложение членораздельно произносится. Имя не разлагается далее никаким определением; оно — первичный знак. То, что не может выражаться в знаке, выявляется при его применении. То, что скрывают знаки, показывает их применение. Значения первичных знаков можно разъяс-

нить. Разъяснения суть предложения, которые содержат первичные знаки. Они, следовательно, могут быть поняты только тогда, когда известны значения этих знаков. Только предложение имеет смысл; только в контексте предложения имя обладает значением. Человек обладает способностью строить язык, в котором можно выразить любой смысл, не имея представления о том, как и что означает каждое слово, — так же, как люди говорят, не зная, как образовывались отдельные звуки. Разговорный язык есть часть человеческого организма, и он не менее сложен, чем этот организм. Для человека невозможно непосредственно вывести логику языка.

...Термин «языковая игра» предназначен для того, чтобы привлечь внимание к тому факту, что *говорение* на языке есть некоторая деятельность, или форма жизни. Ниже дан обзор разнообразия языковых игр: отдача приказаний и подчинение им; описание внешнего вида объекта или представление его размеров; построение объекта на основе описания, рисунка, отчет о событии; формирование и проверка гипотезы; представление результатов эксперимента в таблицах и диаграммах; придумывание сюжета (рассказа), его чтение; игра на сцене; пение в хороводе; отгадывание загадок; рассказывание анекдота, проделывание шуток; решение задачи в практической арифметике; перевод с одного языка на другой; вопросы, благодарности, ругательства, приветствия, молитвы.

Можно также представить себе, что кто-то научился играть в игру, не выучив и даже не сформулировав правил. Для большого класса случаев — хотя и не для всех, — в которых мы употребляем слово «значение», оно может быть определено следующим образом: значение слова — это его употребление в языке. При возникновении подобной трудности всегда спрашивайте себя: «Как мы узнали значение этого слова (например, «хороший»)? На каких примерах? В каких языковых играх?» Тогда вам будет легче понять, что это слово должно иметь целую семью значений. <...> Вопрос «Что такое в действительности слово?» аналогичен вопросу «Что такое фигура в шахматах?» ...Мы понимаем значение слова, когда мы слышим или произносим его; мы схватываем его мгновенно, а то, что мы схватываем таким образом, безусловно, отличается от «употребления», которое является протяженным во времени... Язык — это лабиринт тропинок. Вы подходите с одной стороны и знаете дорогу; вы подходите к тому же месту с другой стороны и дороги уже не знаете. <...> Обыденное поведение людей является системой соотнесения, при помощи которой мы интерпретируем незнакомый язык. <...> Подход философа к проблемам подобен лечению болезни. <...> Когда я думаю на языке, «значения» не проходят через мой мозг вместе с вербальными выражениями; язык сам по себе является средством выражения и распространения мыслей. Нельзя угадать, как функционирует слово. Нужно взглянуть на его упо-

требление и узнать это оттуда. <...> Понятие «боль» вы узнали, когда выучили язык. <...> Грамматика не говорит нам, как должен быть построен язык, чтобы достигать своей цели, чтобы влиять каким-то образом на людей. Она только описывает и никоим образом не объясняет употребление слов.

Л. Блумфилд (1887—1949) — американский лингвист, представитель школы дескриптивной лингвистики.

Вся совокупность высказываний, которой может пользоваться данная языковая общность, является языком этой языковой общности.

С.О. Карцевский (1884—1955) — русский лингвист, представитель второго поколения Женевской школы, позже — член Пражской школы функциональной лингвистики.

Знак и значение не покрывают друг друга полностью. Их границы не совпадают во всех точках: один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками. Всякий знак является потенциально «омонимом» и «синонимом» одновременно, т.е. он образован скрещением этих двух рядов мыслительных явлений...

Если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы простым собранием этикеток. Но также невозможно представить себе язык, знаки которого были бы подвижны до такой степени, что они ничего бы не значили за пределами конкретных ситуаций.

Э. Сепир (1884—1939) — американский лингвист и антрополог, один из авторов гипотезы, известной как «гипотеза Сепира—Уорфа».

Язык есть чисто человеческий, не инстинктивный способ передачи мыслей, эмоций и желаний посредством системы произвольно производимых символов. <...> Язык есть вполне оформленная функциональная система и психической, или «духовной», конституции человека. Мы не можем определить его сущность одними лишь психофизическими терминами... Сущность языка заключается в соотношении условных, произвольно артикулируемых звуков или их эквивалентов к различным элементам опыта.

...На вопрос, можно ли думать без слов, от большинства людей мы, вероятно, получим ответ: «Да, но это нелегкое дело; и все-таки это возможно». Итак, язык только внешний покров. Но не лучше ли сказать, что язык не покров, а скорее заранее приготовленный путь или шаблон?

Язык есть некая структура, по своей внутренней природе — форма мысли.

Нет более разительной общей характеристики языка, чем его универсальность... мы не знаем ни одного народа, который бы не обладал вполне развитым языком.

Первое наше побуждение — определить слово как языковой символ, соответствующий отдельному понятию. Но... подобное определение немислимо. В действительности не представляется вообще возможным определить слово с функциональной точки зрения, ибо отдельное слово может выражать и единичное понятие, конкретное, абстрактное или чисто реляционное... и законченную мысль... В последнем случае слово становится тождественным предложению. Слово есть только форма, есть нечто определенным образом оформленное, берущее то побольше, то поменьше из концептуального материала всей мысли в целом в зависимости от духа данного языка.

...Слово есть один из мельчайших вполне самодовлеющих кусочков изолированного смысла, к которому сводится предложение.

К. Бюлер (1879—1963) — представитель немецкой психологической школы в языкознании.

Теперь краткое разъяснение о двуединстве слова и предложения. Никому из лингвистов не придет в голову, что возможны предложения без слов, хотя это звучит не более парадоксально, чем предположение о существовании слов без предложений. В действительности слово и предложение — два коррелятивных фактора в построении речи. На вопрос, что такое слово, удовлетворительно может ответить только тот, кто держит в уме предложение, когда он произносит данное слово, и обратно... Слово должно быть звуковым символом, способным включиться в поле.

И.И. Мещанинов (1883—1967) — русский лингвист, ученик и последователь Н.Я. Марра.

Эти две основные единицы речи [слово и предложение] неразрывно связаны. Слово практически не существует вне предложения.

Б.Л. Уорф (1897—1941) — американский этнолингвист.

Языки обладают грамматикой, которая представляет собой просто нормы конвенциональной и социальной правильности, однако предполагается, что употреблением языка управляет не она, а правильное, разумное мышление... Мы воспринимаем природу так, как она отражена в нашем родном языке... Мы кромсаем природу, организуем ее в понятия и приписываем значимость в большой степени потому, что мы являемся участниками договора поступать именно так — договора, в котором участвует все языковое сообщество, которое закодировано формами нашего

языка. Этот договор, конечно, имплицитен и нигде не оговорен, но выполнение его условий совершенно обязательно.

В. Матезиус (1882—1945) — чешский языковед, создатель Пражского лингвистического кружка.

...Язык предстает как сложная система неразрывно связанных, взаимозависимых фактов, которые даже самая точная лингвистика не может распределить по независимым категориям.

Ч.У. Моррис (1901—1979) — американский исследователь в области семиотики.

Предлагаются следующие пять критериев, которые должны входить в определение языка.

Первое — язык состоит из множества знаков.

Второе — в языке каждый знак имеет обозначение, общее для ряда интерпретаторов. Разумеется, кроме обозначения языковых знаков, общего для интерпретаторов, могут быть обозначения, несколько различающиеся для индивидуальных интерпретаторов, но такие различия в лингвистике не рассматриваются. Тот факт, что знак в какой-то мере индивидуален, вполне совместим с требованием, чтобы знак был понятен для группы индивидов, поскольку все, что требуется, — это чтобы знаки языка были в некоторой степени понятны для группы индивидов.

Третье — знаки, составляющие языки, должны быть *comsigns*, т.е. они должны быть воспроизводимы интерпретаторами и иметь то же значение для воспроизводящих, что и для интерпретаторов. *Comsigns* — это либо действия самого организма (например, жесты), либо результаты такой деятельности (такие, как звуки, следы, оставляемые в материальной среде, и сконструированные объекты). Запах, например, может одинаково интерпретироваться несколькими организмами в определенной ситуации, а значит, быть понятным группе индивидов, и, однако, он не будет *comsigns*. Запахи были бы языковыми признаками, если бы, кроме того, что они понятны группе индивидов, они были еще воспроизводимы их интерпретаторами.

Четвертое — знаки, составляющие язык, многоситуационны, т.е. это знаки с относительной константностью обозначения в каждой ситуации, в которой появляется знак данной семьи знаков. Если бы, например, слово «запах» имело новое значение при каждом появлении этого знака, это не был бы знак языка, если бы даже он и был на этот раз понятен группе индивидов. Следовательно, знак языка — это семья знаков, а не просто односитуационный знак, т.е. это сродство выражения [*sign—vehicle*], единица речи.

Пятое — знаки в языке должны составлять систему взаимосвязанных знаков, комбинируемых одним образом, но не комбинируемых другим, с тем чтобы образовать множество сложных знаков — процессов.

Объединяя эти требования, мы достигаем определения языка: язык — это набор многоситуационных знаков с понятными группе индивидов обозначениями, общими для интерпретаторов, причем эти знаки воспроизводимы интерпретаторами и могут сочетаться при помощи одних, но не других способов, формируя сложные знаки. Или, более просто, язык — это набор многоситуационных comsigns с ограниченными способами их сочетания. Если мы обозначим ограничения, накладываемые на сочетания словом «система», мы можем сказать, что язык — это система многоситуационных comsigns. А поскольку с е м ь я з н а к о в многоситуационна, самое простое определение будет: язык — это система comsigns.

Л. Ельмслев (1899—1965) — датский лингвист, основатель парадигмы глоссематики.

[Новое и плодотворное в труде Ф. де Соссюра] — это... его понимание языка как чистой структуры соотношений, как схемы, как чего-то такого, что противоположно той случайной (фонетической, семантической и т.д.) реализации, в которой выступает эта схема.

<...>языковый знак имеет две стороны — сторону содержания и сторону выражения, причем обе эти стороны могут быть предметом чисто структурного анализа.

<...>де Соссюр ясно понимал, что структурное определение языка должно привести к тому, что структуры, до сих пор не признававшиеся традиционным языковедением как языки, будут признаны как таковые и что те языки, которые рассматривались как таковые традиционным языковедением, будут признаны только как разновидности языков вообще.

Было бы чрезвычайно интересно изучить [языковые структуры, не являющиеся языковыми в традиционном смысле этого слова] с помощью чисто лингвистического метода первым делом потому, что такие структуры дали бы нам простые образчики — модели, показывающие элементарную языковую структуру без всех тех осложнений, которые характерны для высокоразвитой структуры обыкновенных языков.

<...>[А. Сеше в 1908 г. указывал], что язык можно представлять себе в виде алгебраической записи или геометрических изображений и что можно изобразить элементы языка любым произвольным образом, лишь бы сохранялась их индивидуальность, но не их материальный характер.

Язык — это иерархия, каждая часть которой допускает дальнейшее членение на классы, определяемые посредством взаимных отношений,

так что каждый из этих классов поддается членению на производные, определяемые посредством взаимной мутации.

В. Скаличка (1909—1991) — чешский языковед, член Пражского лингвистического кружка.

Лингвистическая теория должна стремиться к познанию языка не как конгломерата неязыковых (т.е. физических, физиологических, психологических, логических и социологических) явлений, а как замкнутой в себе целостной структуры, как структуры *suī generis* (особого рода). <...> Ельмслев не допускает в язык ничего, что не является чистым отношением. Таким образом, от языка у него ничего не остается, кроме множества отношений, которые он называет функциями...

<...>Проблематика языка — вещь сложная. Если принять во внимание положение, занимаемое языком, можно увидеть три типа отношений и три разные проблемы: 1. Прежде всего отношение языка к неязыковой действительности, т.е. проблему семасиологическую. 2. Отношение языка к другим языкам, т.е. проблему языковых различий. 3. Отношение языка к его частям, т.е. проблему языковой структуры.

Ш. Балли (1865—1947) — швейцарский языковед, представитель Женевской школы, ученик Ф. де Соссюра.

В системе все взаимосвязано; в отношении языковой системы это правильно в такой же мере, как и в отношении всех других систем. Принцип этот, провозглашенный Ф. де Соссюром, сохраняет для нас все свое значение... Однако было бы грубой ошибкой, если бы этот общий взгляд привел к представлению о языке как о симметричной и гармонической конструкции. Стоит начать разбирать механизм, как тебя охватывает страх перед царящим в нем беспорядком, и ты спрашиваешь себя, каким образом могут столь перепутанные между собой системы колес производить согласованные движения.

Общие взгляды на языки проникнуты ошибками, порой вековыми, подкрепляемыми не только нашим невежеством, но также во многих случаях и нашим стремлением (бессознательным или обдуманном) скрыть или исказить действительность.

Н. Винер (1894—1964) — американский математик, основоположник кибернетики.

Естественно, что никакая теория сообщения не может избежать рассмотрения языка. Язык фактически является в известном смысле другим названием самого сообщения, а также тем термином, который мы употребляем для обозначения кодов, посредством которых осуществляется сообщение... Сообщения, имеющие место между людьми, отличаются от сообщения

между большинством других животных следующим: а) утонченностью и сложностью применяемого кода; б) высокой степенью произвольности этого кода; <...> язык не является характерным свойством исключительно живых существ, он является свойством, которое живые существа могут до известной степени разделять с созданными человеком машинами.

Б.А. Успенский (р. 1937) — русский лингвист, представитель Тартуско-Московской школы семиотики.

Система допущений. Принимается, что исследователь в области структурной типологии языков обладает знанием сравниваемых языков; это выражается в следующих общих допущениях:

1. (Определение грамматической правильности)

он может определить предложение языка как грамматически правильное или нет.

2. (Классификация элементов)

он может определить грамматический контур предложения, т.е.:

а) разбить предложение на элементы;

б) выделить служебные и корневые элементы; разбить служебные элементы на классы и выделить категории; определить слова, разбить их на классы.

3. (Отношение эквивалентности)

ему известны отношения эквивалентности между элементами и сочетаниями элементов данного языка, и он может производить соответствующие операции.

Считается, что для сравниваемых языков все эти сведения заранее определены оптимальным образом.

Язык тогда можно представить, задав какую-то структуру (последовательность классов элементов) и ряд правил (эквивалентности), посредством которых эту структуру можно преобразовать в бесконечное количество сочетаний элементов.

Ю.С. Степанов (р. 1930) — русский лингвист.

Семиотика — наука о знаковых системах в природе и обществе.

Она близка к кибернетике, которая исследует процессы связи и управления в живом организме, природе и обществе.

Семиотика близка к лингвистике, поскольку последняя изучает самую полную и совершенную из систем связи — человеческий язык.

Наша подборка, конечно, не заменяет очерка по истории языкознания XX в. и не претендует на полное и адекватное отображение развития науки о языке этого периода, тем более на философскую ин-

терпретацию природы языка. Мы отобрали лишь некоторые высказывания, наиболее ярко и контрастно выражающие основную контроверзу, «преследующую» науку о языке: взгляд на язык как очень жесткую структуру, каким-то безусловным образом связывающую знак с обозначаемым, противопоставлен в истории и теории языка взгляду на язык как мягкую структуру, столь сложную, что правила приписывания смыслового содержания знакам или их комбинациям не поддаются четкому упорядочению в привычных для европейского мышления логических схемах. Нельзя сказать, что к концу XX в. в результате споров, контроверз и дискуссий не сложилось некоторого достаточно единого представления о языке. Напротив, оно создавалось. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В.Н. Ярцевой (2002) А.Е. Кибрик, автор статьи «Язык», резюмирует его следующим образом:

Термин «язык» имеет по крайней мере два взаимосвязанных значения: 1) язык вообще, язык как определенный класс знаковых систем; 2) конкретный, так называемый этнический, или «идиоэтнический», язык — некоторая реально существующая знаковая система, используемая в некотором социуме, в некоторое время и в некотором пространстве. Язык в первом значении — это абстрактное представление о едином человеческом языке, средоточии универсальных свойств всех конкретных языков. Конкретные языки — это многочисленные реализации свойств языка вообще.

Язык вообще есть естественно... возникшая и закономерно развивающаяся семиотическая (знаковая) система, обладающая свойством социальной предназначенности, — это система, существующая прежде всего не для отдельного индивида, а для определенного социума. Кроме того, на эту знаковую систему наложены ограничения, связанные с ее функциями и используемым субстанциальным (звуковым) материалом.

Именно эта контроверза предопределила, как мы увидим в следующей главе, серию «лингвистических поворотов» в XX в. — от когнитивного до синергетического — и создала изменчивый образ языка в современной науке.

Глава 2

Язык как предмет философских и гуманитарных исследований

§ 1. «Лингвистический поворот» второй половины XX в.

Язык — 1) естественный язык, важнейшее средство человеческого общения; язык неразрывно связан с мышлением, является социальным средством хранения и передачи информации, одним из средств управления человеческим поведением; реализуется и существует в речи; 2) любая знаковая система, например язык математики, язык кино; 3) то же, что стиль.

Язык как ключевое понятие культуры XX в. Во второй половине XX в. язык становится ключевым понятием, определяющим европейскую культуру в целом, подобно тому как «атом» был таким понятием в XVIII в. и «развитие» — в XIX в. Даже главные научные открытия в молекулярной биологии того периода не обходились без таких понятий, как «код» и «транскрипция»; выходили книги о «языке архитектуры». Волна увлечения языком была столь мощной, что большинство ученых начали говорить если не о новой науке, то по крайней мере о видоизменении лингвистики, впитавшей в себя многое такое, что прежде считалось философией. Где заканчивалась такая лингвистика и начиналась философия, представлялось неясным. Однако именно на этой спорной территории по большей части и размещаются сейчас наиболее влиятельные современные лингвистические парадигмы. Научная программа большинства существующих сегодня лингвистических школ и направлений с самого начала была основана на технической версии очищенного языка, проекте единого языка, общей лингвистики, общей семиотики и науке о знаках любого типа. Лингвистика и семиотика, занимая центральное положение в гуманитарных науках, обрели с начала 1960-х гг. мощную всеохватывающую власть, поглотившую все соци-

альные и культурные феномены с точки зрения их «значения» и «значимости». Таким образом, взаимодействие философских и частнонаучных исследований языка само по себе представляло довольно сложную проблему, решение которой во многом было найдено при помощи историко-философского и историко-научного анализа.

Существующие подходы к анализу природы языка распределяются в зависимости от их отношения к трактовке проблем знака, значения, смысла.

Как таковой «лингвистический поворот» означал более четкое разделение предметных областей философских и научных (лингвистических, семиотических, междисциплинарных) исследований.

Предпосылки «лингвистического поворота». Предтечей «лингвистического поворота» в культуре XX в., по мнению Н.Е. Колосова, явился Г. Фреге, который постулировал, что самый правильный метод для анализа мысли заключается в анализе языка. Изменению приоритетов основных понятий, через которые раскрывается природа языка, — значения, понимания, объяснения значения — способствовала концепция Л. Витгенштейна, который, пересмотрев традиционное соотношение значения и понимания, объяснил понимание как способность, аналогичную владению техникой. Витгенштейновский метод привел к широкому распространению в современных культурологии, этнологии, антропологии, лингвистике и социологии тенденции, объективно описывающей жизненные взаимосвязи в целом, с тем чтобы благодаря сознательному отчуждению получить объективные критерии, которые можно было бы использовать против предубеждений и издержек фантазии «вчувствования».

Новый поворот в исследованиях проблемы языка произошел в связи с появлением теории речевых актов Дж. Остина. Сформировавшееся в результате интерпретации и углубления остиновских идей направление — концептуальный анализ — перенесло центр тяжести исследований с формальных, глубинных структур языка в область межчеловеческой коммуникации, изучения ситуации речевого общения и взаимодействия. Под влиянием концепции речевых актов лингвистика и целый комплекс наук о языке обретают новое проблемное поле исследований. Постепенно начинается переход к коммуникативно-когнитивной парадигме в изучении языка. Исследователей все больше привлекает феномен речевой деятельности, естественной коммуникации.

Интерес к прагматическим, коммуникативным, дискурсивным аспектам языка сопровождался переносом приоритетов исследования с языка на речевую деятельность. Существенные изменения в понимании

таких базисных понятий, как «смысл» и «значение», неизбежно повлекли за собой важные методологические следствия. Все бóльшая «популярность» лингвистических исследований в общегуманитарном пространстве привела к тому, что многие авторы всерьез стали считать лингвистику основой «науки наук», методологической базой для гуманитарного знания вообще. При этом было очевидно, что каждый лингвистический подход предусматривает совершенно особенные эпистемологические построения. Так, в рамках подхода к языку, разрабатываемого М. Б. Гаспаровым, каждый случай употребления какой-либо языковой формы в речи каждого отдельного говорящего уникален и никогда в точности не повторяется, потому что меняются контекст, среда, физическое и эмоциональное состояние говорящего, его прошлый опыт и опыт всех тех людей, с которыми он вступает во взаимодействие; все это влияет и на понимание формы, и на ее физическое воплощение. При таком видении языка и связанной с ним исследовательской установки именно коммуникативные фрагменты, т. е. целые готовые выражения, являются первичными, целостными, непосредственно узнаваемыми частицами языковой материи, составляющими основу нашего обращения с языком в процессе языкового существования, — а не отдельные слова в составе этих выражений, тем более не компоненты их морфемной и фонемной структур. Именно коммуникативные фрагменты служат для говорящих первичными единицами, из которых состоит их мнемонический «лексикон» владения языком.

Фактически такой подход очень близок к концепции Р. Барта, вводящего понятия денотата и коннотата. Коннотации, «паразитирующие на денотате», выражают отношение субъекта речи к ее предмету, раскрывают коммуникативную ситуацию, указывают на тип употребляемого дискурса и т. д. Таким образом, Барту удалось провести разграничение текста и произведения, во многом определившее, в частности, развитие современного литературоведения.

Прагматика и постмодернизм в языкознании. Прагматические тенденции в понимании различных аспектов языка начинают перекликаться в 1980—1990-е гг. с некоторыми постмодернистскими построениями. Достаточно точно выразил суть современных поисков в области проблем языка Ж. Деррида. По его мнению, проблема языка никогда еще не захватывала столь глобального горизонта крайне разнообразных областей исследования, гетерогенных дискурсов, сфер различного и разнородного, намерений, методов и идеологий. Это отражает реальный процесс «перемешивания» трех различных измерений понимания языка, каждое из которых имеет свою проекцию как в область философии, так и в область гуманитарных наук, связанных

с исследованием проблем языка. Понимание языка как употребления, как определенного словаря (структуры) и как процесса вербализации концептов образует разнонаправленные векторы многомерно-целостного феномена. Взаимодействие философского и научного подходов здесь представляется не только возможным, но и насущно необходимым. Объединение подходов и соответственно сопряжение этих парадигм становится одной из основных задач современного гуманитарного познания.

§ 2. Языкознание: описательное – объяснительное – проективное

О п и с а н и е — функция научного исследования, состоящая в фиксации результатов опыта (эксперимента или наблюдения) с помощью определенных систем обозначения, принятых в науке; описание предшествует объяснению.

Объяснение — функция научного исследования, состоящая в раскрытии сущности изучаемого объекта; осуществляется через постижение определенного закона, которому подчиняется данный объект.

Проектирование — процесс создания прототипа (прообраза) предполагаемого или возможного объекта, состояния.

Науки описательные и объяснительные. Деление, представленное в заголовке данного параграфа, совпадает с делением наук на описательные (эмпирические, конкретные) и теоретические (абстрактные). Такое деление мы находим уже у О. Конта. Но Конт считал, что всякая наука, в том числе и теоретическая, может отвечать только на вопрос «как?», а не «почему?». Эта позиция характерна как для классического позитивизма, так и неопозитивизма. Вопросы «что?» и «как?» оба относятся к сфере описательной науки. Абстракция — важный шаг в работе познающего разума, но сама по себе она — не объяснение. Объяснительная наука призвана отвечать на вопрос «почему?», т.е. раскрывать с возможной глубиной причинные связи. Человеческий разум никогда не довольствуется наблюдением и описанием окружающих явлений. Он ищет им объяснения. Для объяснительной науки характерна постановка вопроса о происхождении изучаемого круга явлений или объектов.

К содержанию научного знания можно отнести, с одной стороны, опыт, наблюдение и описание, с другой — выяснение генезиса и причинных связей.

Объяснительная наука — это наука высшего класса. Чтобы подняться на этот уровень, объяснительное языкознание должно прежде

всего осознать себя, свою специфику, свои задачи, свое коренное отличие от описательной науки. Речь идет о двух разных науках. Их можно было бы назвать, по предложению В.И. Абаева, «глотнографией» и «глоттологией». При этом не следует смешивать соотношения: «описательный» — «объяснительный» и «синхронный» — «диахронный». Диахронное (историческое) исследование может оставаться чисто описательным, т.е. описывать разные хронологические этапы или срезы. Объяснительное языкознание должно не просто описать разные хронологические состояния, но вскрыть механизм причинных связей и движущих сил, породивших эти состояния.

Обратимся к задачам каждого из названных направлений.

Описательное языкознание. Перед описательным языкознанием сейчас, как сто и двести лет назад, стоит задача оптимального по методике описания лексики, грамматики и иных уровней конкретных языков в синхронном и диахронном плане. Обобщенный опыт таких описаний используется на теоретическом уровне для построения формально-типологических, семантических, классификационных и других моделей с охватом максимального числа языков.

Несмотря на почтенную историю этого направления в исследовании языка, способы описания и классификации языков мира по сей день остаются одной из актуальнейших проблем общего языкознания. Сложность этой проблемы состоит в том, что она фактически представляет собой комплекс отдельных проблем, обусловленных необычайным типологическим различием языковых структур, представленных в языках мира. Можно ли все эти языки описать каким-либо одним способом без существенных нарушений их специфики — или такая попытка не даст никаких положительных результатов; применимы ли к различным языкам мира установленные общие лингвистические понятия, общеизвестные категории и определения — или применение их к языкам различных структур нуждается в существенных коррективах? Если в каждом языке есть особая специфика, то как ее учитывать при описании языков? Вот некоторые из перечня вопросов, которые ставят перед собой лингвисты, приступая к описанию языка. Не менее важной является проблема предназначенности описания языка, допускающего множество самых различных аспектов и этапов. Описание языка может быть узкоспецифическим, когда оно выдерживается в определенном аспекте, в более или менее ограниченном плане. Например, составление атласа говоров Московской области. Совершенно естественно, что такое описание будет интересовать далеко не всех и может оказаться совершенно непригодным, скажем, для решения учебно-методических (в практике преподавания

русского языка в средней школе) или врачебно-терапевтических (в практике нейролингвистического программирования) задач. Общее языкознание на современном этапе стремится ответить на два основных вопроса: какими способами можно описывать языки мира и как преодолеть при этом наиболее существенные трудности.

Объяснительное языкознание. Проблематика объяснительного языкознания несколько иная: возникновение и формирование человеческой речи, движущие силы и этапы ее развития; генезис лексики и грамматики; язык как идеология и как техника; распределение языковых типов во времени и пространстве. Эти проблемы ставились в первой половине XIX в. — романтический период в истории языкознания — в трудах В. Гумбольдта, Я. Гримма, А. Шлейхера. Но они, как известно, отошли на второй план в младограмматической школе, уступив место формальному анализу. Формализация языкознания достигла предела в структурализме. Тезис Ф. де Соссюра о необходимости изучать язык «в себе и для себя» в конечном итоге оказался применим только к описательному, но не объяснительному языкознанию. Язык сам себя описывает, но он сам себя не объясняет. Для объяснения надо выйти за его пределы. Это является законом для всех объяснительных наук без исключения. В любой науке переход от описательной стадии к объяснительной всегда связан с вовлечением в свою орбиту данных тех или иных смежных наук. Как только астрономия перешла от описания к объяснению космического мира, она сомкнулась с физикой (астрофизика). Геология как объяснительная наука обязательно включает биохимию и биофизику. Биология — биохимию и молекулярную биологию. Физиология как объяснительная наука немыслима без органической химии. Не иначе обстоит дело и в гуманитарных науках. История смыкается с этногенетикой, социологией и экономикой, социология — с этнографией и т.д.

Аналогичным образом перед объяснительным языкознанием встают научные проблемы, которых не знает языкознание описательное, например: происхождение языка; язык и мышление; язык и объективная действительность; язык и общество; язык и история; язык и материальная и духовная культура.

Объяснительным можно назвать только такое исследование явления языка, которое имеет выход к перечисленным выше фундаментальным проблемам или к некоторым из них. А каждый такой выход — это выход в смежные науки: антропологию, философию, психологию, социологию, историю (включая археологию), культурологию, фольклористику, литературоведение. Широкий охват смежных дисциплин не должен удивлять. Язык — явление уникальное по своей универсаль-

ности, поэтому так необъятно широки и универсальны его связи с так называемым «экстралингвистическим» миром.

В современном языкознании, как и в некоторых других областях знания, пока еще нет ясного понимания, что речь, в сущности, идет о двух разных науках — описательной и объяснительной, — традиционно носящих общее название. Любопытно, однако, что в некоторых разделах лингвистики чисто интуитивно такое размежевание уже проведено: рядом с фонетикой, наукой описательной, имеем фонологию, науку объяснительную; рядом с лексикографией — историческую лексикологию и этимологию.

Проективное языкознание. Как известно, каждая наука в своем развитии проходит этапы накопления и классификации материала, создания истории объекта, выработки теории, объясняющей поведение объекта и на этой основе осуществляющей прогнозирование его изменений в тех или иных условиях. Наличие у науки прогностической функции свидетельствует о ее развитости, из чего следует, что путь, ведущий к обретению наукой такой функции, является генеральным путем ее развития. Прогностика невозможна без познания законов развития, «самодвижения» объекта, что, в свою очередь, требует знания его истории. История же объекта пишется на основании сравнения его синхронных состояний по данным хронологически близких источников. Так выстраивается цепочка: источники — синхрония — история/типология — теория — прогностика.

Новое направление лингвистики — лингвистическая прогностика открывает новые перспективы развития как языкознания в целом, так и отдельных его отраслей. Появление лингвистической прогностики, как считает А.А. Кретов, вполне закономерно: во-первых, на внутреннюю необходимость указывает наличие лингвистической палеонтологии, обращенной к прошлому языка, при отсутствии аналогичного научного направления, обращенного к будущему. Во-вторых, формирование такого раздела, как лингвистическая прогностика, позволяет по-новому взглянуть на теорию развития и эволюцию языка, подтвердить теоретические данные практическими, проверенными математическими, статистическими и другими методами. В-третьих, преследуя определенные цели и располагая достоверными прогнозами, можно сознательно формировать будущую языковую действительность.

Прогностика предвидения и предсказания образует различные направления лингвистической прогностики в зависимости от направленности на различные хронологические слои. В настоящее время можно говорить об онтогностике (экспликация) — системном восстановлении отсутствующих звеньев, — ориентированной на современное со-

стояние системы; футурогностике (экстраполяции), занимающейся экстраполяцией тенденций развития объекта и ориентированной на будущее состояние системы; ретрогностике (реконструкции), осуществляющей анализ пережитков, внутреннюю реконструкцию и ориентированной на прошлые состояния системы.

Отдельные попытки составления прогнозов в сфере языка предпринимались постоянно на протяжении XX столетия, но системный подход к формированию лексико-семантической прогностики был предпринят только в последнее десятилетие. На необходимость прогнозирования в сфере языка указывают многие авторы. Перед языкознанием теперь стоит задача научного прогнозирования, даже планирования развития языка. В этой связи изучение прошлого — не самоцель. Оно необходимо для того, чтобы видеть перспективу и хотя бы отчасти приоткрыть завесу будущего. В качестве примера приведем высказывание В.В. Колесова, через проблему наблюдения за развитием языка сближающее нас с теорией прогностики:

Язык является системой знаков. Между тем теория систем говорит, что каждая замкнутая система, действуя во внешней среде, истощается качественно и энергетически (это т.н. энтропия). Осуществляя свою функцию, система подчиняется своим собственным законам развития. Значит, язык, являясь системой, развивается помимо наших желаний, амбиций и вкусов, не сворачивая на заманчивые тропы своевольной свободы. Нужно внимательно следить за направлением его движения, чтобы не вслепую пользоваться энергией его смыслов.

Приведем еще мнение К.С. Горбачевича по поводу необходимости прогнозирования в сфере языка и трудностей, которые могут встретиться на пути составителя прогнозов:

Прогнозирование развития языка, установление продуктивных тенденций — это не гимнастика ума, не отвлеченная схоластика, а живое, нужное дело, подсказанное практикой нормализаторской деятельности. Языкознание делает пока первые шаги на этом тернистом пути, и оно еще не в силах дать долговременный прогноз языковых изменений. Но даже ограниченные задачи прогнозирования, попытки «заглянуть» в будущее языка лишь на ближайшие десятилетия вперед таят в себе немалые сложности и, помимо анализа фактического материала, требуют выработки общей тактики этой работы. Необходимая игра воображения и фантазии должны быть подкреплены точными сведениями и строгим расчетом.

В современной лингвистике вопросы прогнозирования рассматриваются как компонент изучения языковых изменений. При об-

суждении фактов языковых изменений могут встать четыре вопроса: изменяется что? как? почему? зачем? Распространенными в сфере историко-лингвистических достижений являются обычно ответы на первые два вопроса. Но мыслимо ли объяснение процесса без понимания его механизма? Мыслимо ли понимание каузирующих явлений без прогнозирующих выводов? На эти вопросы следует ответить отрицательно, исходя из уровня нашего сегодняшнего знания о языке.

§ 3. Человеческий фактор в языке и языковой фактор в человеке. Язык и «картина мира»

Ф а к т о р — причина, движущая сила какого-либо процесса, явления, определяющая его характер или отдельные черты.

Человеческий фактор в языке. Обращение к теме человеческого фактора в языке свидетельствует о важнейшем методологическом сдвиге, наметившемся в современной лингвистике, — смене ее базисной парадигматики и переходе от лингвистики «имманентной» с ее установкой рассматривать язык «в себе и для себя» к лингвистике антропологической, предполагающей изучать язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью.

Исходный тезис такой антропологически ориентированной лингвистики состоит в утверждении, что язык есть конститутивное свойство человека. В формулировке Э. Бенвениста этот тезис гласит: «Невозможно вообразить человека без языка и изобретающего себе язык... В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека». Мысль о конститутивном для человека характере языка как теоретическая идея впервые была сформулирована и разработана в лингвофилософской концепции В. Гумбольдта: определить сущность человека как человека означает выявить силу, делающую человека человеком. Язык и есть одно из таких человекообразующих начал. Человек становится человеком только через язык, в котором действуют творческие его первосилы, глубинные возможности. Язык есть единая духовная энергия народа. Идея Гумбольдта в рамках философии развивает М. Хайдеггер: «Речь есть один из видов человеческой деятельности — мы существуем прежде всего в языке и при языке... дар речи есть отличительное свойство человека, только и делающее его человеком... сущность человека покоится в его языке».

Из тезиса о конститутивном для человека характере языка следуют два принципиальных методологических условия: 1) познание человека неполно и даже невозможно без изучения языка; 2) понять природу языка и объяснить ее можно, лишь исходя из человека и его мира. Построение лингвистики на антропологических началах предполагает создание единой теории языка и человека.

Реализация антропологической программы изучения языка выдвигает на первый план исследование ряда проблем, касающихся связи человека и его языка: 1) язык и духовная активность человека; 2) язык, мышление и сознание человека; 3) язык и физиология человека; 4) язык и психика индивида; 5) язык и культура; 6) язык и поведение человека; 7) язык и коммуникация; 8) язык и общество; 9) язык и ценности человека; 10) язык и познание и др. Введение антропологического принципа исследования языка позволит теоретически связать разнообразные моменты его бытия, которые при других подходах изучались изолированно или вообще исключались из области научного рассмотрения.

В рамках антропологической лингвистики могут быть объединены и успешно развиты на единой методологической основе такие направления, как лингвогносеология, предметом которой является познавательная функция языка как формы представления познаваемого человеком мира; лингвосоциология (социолингвистика), изучающая взаимоотношения языка и общества; лингвопсихология (психолингвистика), изучающая взаимоотношения языка и индивида; лингвобихевиорология (лингвопраксеология), изучающая роль языка в практическом поведении человека; лингвокультурология, изучающая взаимоотношения языка и культуры; лингвоэтнология (этнолингвистика), ориентированная на рассмотрение взаимосвязи языка, духовной культуры народа, народного менталитета и народного творчества; лингвопалеонтология, исследующая связи языковой истории с историей народа, его материальной и духовной культурой, географической локализацией, архаическим сознанием.

В лингвистике, избравшей в качестве своей методологической основы антропологический принцип, в центре внимания оказываются два круга проблем: 1) определение того, как человек влияет на язык; 2) определение того, как язык влияет на человека, его мышление, культуру.

Теоретическое решение темы человеческого фактора в языке требует выделения факторов антропологического характера, релевантных для языка; установления их иерархии и выяснения того, какие конститутивные свойства человека коррелированы со свойствами языка и в какой мере специфическая организация человека предопределяет форму языка и его особенности.

Раскрытие темы человеческого начала в языке требует прежде всего уточнения того, какие свойства имеет язык именно как естественный язык человека. Обратной стороной этой темы будет определение того, какие свойства языка невозможны именно как языка человека, обладающего определенными конститутивными особенностями, и каковы были бы другие варианты построения естественного языка, если бы основные свойства человека претерпели изменения.

Тема человеческого фактора в языке предполагает рассмотрение антропологически обусловленных свойств языка. Такие его явления, как дейксис, модальность, идиоматичность и символизация, некоторые особенности, связанные с ограничениями, накладываемыми на длину и структуру слога, обуславливаются психофизическими особенностями человека. При этом одни свойства языка объясняются особенностями физиологическими, другие — чисто психическими, третьи — психофизиологическими. Многие исследователи обращают внимание на органогенетические и акустико-перцептивные ограничения при построении речевых цепей, имеющие для естественного языка универсальный характер. Психофизиологическими особенностями человека объясняется наличие в языке принципа линейности и принципа экономии — универсального начала всех видов человеческой деятельности. Некоторые свойства языка объясняются системно-нормативными ограничениями, связанными с особенностями человеческой деятельности, а также коммуникативно-ситуативным характером человеческого общения. Ограниченным объемом человеческой памяти объясняется такая фундаментальная особенность языка, как асимметрия языкового знака.

Данная тема частично соприкасается в основных моментах с философской проблемой субъективного начала в познании. Наличие человеческого начала в познании рассматривается в современной философии как базисная черта познавательной деятельности. Тот факт, что наше познание может осуществляться только в присущих человеку формах, начинает трактоваться по-иному — не как какой-то ущерб или зло, хотя бы и неизбежное, а как фундаментальная характеристика познавательной деятельности, исходный пункт для ее анализа.

Языковой фактор в человеке и языковая картина мира. Исследование человеческого фактора в языке приобретает новое качество в связи с изучением картины мира, в частности языковой. Понятие картины мира относится к числу фундаментальных, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире. Введение этого понятия в антропологическую лингвистику позволяет различать два вида влияния человека на язык, определяемых феноменом первичной антропо-

логизации языка (влияние психофизиологических и другого рода особенностей человека на конститутивные свойства языка) и феноменом вторичной антропологизации (влияние на язык различных картин мира человека — религиозно-мифологической, философской, научной, художественной).

Язык непосредственно участвует в двух процессах, связанных с картиной мира. Во-первых, в его недрах формируется языковая картина мира — один из наиболее глубинных слоев картины мира человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через средство специальной лексики входят в язык, привнося в него черты человека, его культуры. При помощи языка опытное знание, полученное отдельными индивидами, превращается в коллективное достояние, коллективный опыт.

Рассматриваемая тема помимо определения роли языка в формировании у человека различных картин мира имеет и другой аспект, суть которого в том, каким язык представляется в лингвистике, семиотике, философии, теологии, мифологии, фольклоре, искусстве, поэтике, обыденном сознании. Каждая из картин мира в качестве отображаемого его фрагмента представляет язык как особый феномен, задает свое видение языка и по-своему определяет принцип его действия. Изучение и сопоставление различных видений языка через призмы разных картин мира могут обогатить лингвистику новыми эвристическими ходами для проникновения в природу языка и его познание.

Объекты познания, будь то предметы материального мира или фрагменты сознания, обладают рядом абстрактно-общих характеристик, выражаемых с помощью таких философских терминов, как «атрибут», «субстрат», «генезис», «причина», «развитие», «структура», «функция» и др. Картина мира соответственно также может быть охарактеризована в терминах этих категорий и представлена как концептуальное образование: 1) имеющее неотъемлемые имманентно присущие ему свойства (атрибуты); 2) состоящее из определенных компонентов (субстрат); 3) возникающее и развивающееся по определенным законам (генезис, развитие); 4) специфически организованное, построенное (структура); 5) представляющее собой до известной степени стабильные поведенческие действия (функции).

Появление понятия языковой картины мира является симптомом возникновения гносеолингвистики как части лингвистики, развиваемой на антропологических началах. Понятие это позволяет глубже осмыслить вопрос о соотношении языка и действительности, инвариантного и идиоматического в процессах языкового «отображения»

действительности как сложного процесса интерпретации человеком мира.

В рамках методологии обращение к понятию картины мира означает, с одной стороны, отказ от чисто созерцательной гносеологии с ее идеей «зеркального» отражения мира и переход к деятельностному пониманию процесса познания, с другой — отказ от чистого методологизма и операционализма и акцентирование внимания на содержательно-онтологических аспектах науки о человеке в целом. Понятие картины мира становится органически необходимым концептуальным элементом гносеологии, исходящей из идеи об истине как процессе движения от относительной истины к абсолютной.

Контрольные вопросы

К главе 1

1. Почему общее языкознание относится к эмпирическим дисциплинам?
2. В круг каких социальных и гуманитарных дисциплин входит общее языкознание?
3. В каких отраслях знания исследуются различные виды коммуникации?
4. С какими семиотическими дисциплинами соотносится общее языкознание?
5. С какими естественными науками связано общее языкознание?
6. Что такое вопросы-символы общего языкознания?
7. Какие вопросы входят в группу проблем «что?»
8. Какие вопросы входят в группу проблем «как?»
9. Какие вопросы входят в группу проблем «когда?»
10. Какие вопросы входят в группу проблем «почему?»

К главе 2

1. Почему язык становится ключевым понятием в XX в.?
2. Что послужило причиной лингвистического поворота второй половины XX в.?
3. Как прагматизм оказался связан с идеями постмодернизма в 1980—1990-х гг.?
4. В чем различие наук описательных и объяснительных?
5. Каковы задачи описательного языкознания?
6. Каковы задачи объяснительного языкознания?
7. Каковы задачи проективного языкознания?
8. Что такое «человеческий фактор в языке»?
9. Что такое «языковой фактор в человеке»?
10. Что такое «картина мира»?

Проблемные задания

1. Выберите один из вопросов-символов общего языкознания и подготовьте реферативный обзор его решения.
2. Систематизируйте различные понимания и интерпретации феномена языка в связи с их вхождением в одну из групп вопросов-символов общего языкознания; объясните, приведите дополнительные примеры (используйте информацию из курса «История лингвистических учений»).
3. Выберите одну из описательных, объяснительных или проективных проблем общего языкознания и подготовьте реферативный обзор ее решения.
4. Выберите одну из проблем, касающихся связи человека и его языка, и подготовьте реферативный обзор ее решения.

Литература

- Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 2002.
- Русский язык: энциклопедия. М., 2003.
- The Encyclopedia of Language and Linguistics. Oxford, 1994.
- Абаев, В. И.* Языкознание описательное и объяснительное // Вопросы языкознания. 1986. № 2.
- Автономова, Н. С.* Рассудок. Разум. Рациональность. М., 1988.
- Ажеж, К.* Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М., 2003.
- Арнольд, И. В.* Основы научных исследований в лингвистике. М., 1991.
- Бенвенист, Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
- Библер, В. С.* От наукоучения к логике культуры. М., 1991.
- Европейские лингвисты XX в.: обзор. М., 2001.
- Ищенко, Е. Н.* Современная эпистемология и гуманитарное знание. Воронеж, 2003.
- Касевич, В. Б.* Элементы общей лингвистики. М., 1977.
- Кибрик, А. Е.* Константы и переменные языка. М., 2003.
- Кибрик, А. Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Колшанский, Г. В.* Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
- Копосов, Н. Е.* Как думают историки. М., 2001.
- Кретов, А. А.* Основы лексико-семантической прогностики. Воронеж, 2006.
- Кукушкина, Е. И.* Познание, язык, культура. М., 1984.

- Куликова, И. С., Салмина, Д. В.* Введение в металингвистику. СПб., 2002.
- Куюнжич, Д.* Воспаление языка. М., 2003.
- Мамудян, М.* Лингвистика. М., 1985.
- Налимов, В. В.* Вероятностная модель языка. М., 1979.
- Новое в лингвистике. М., 1960 и послед. изд.
- Общее языкознание : в 3 т. М., 1970.
- Петров, М. К.* Язык. Знак. Культура. М., 1991.
- Печенкин, А. А.* Обоснование научной теории: классика и современность. М., 1991.
- Проблемы гуманитаризации математического и естественно-научного знания: сб. обзоров. М., 1991.
- Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
- Синтез науки, религии и философии: сб. обзоров. М., 1994.
- Современные теории познания: сб. обзоров. М., 1992.
- Соссюр, Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977.
- Трубецкой, Н. С.* Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Фейерабенд, П.* Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
- Человек в системе наук. М., 1989.
- Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992.
- Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991.
- Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.
- Язык о языке. М., 2000.

Раздел II

Современная структура знания о языке

Чем глубже проникает человеческая мысль в различные сферы действительности, тем сложнее и неисчерпаемое оказывается предмет ее исследования. На протяжении последних столетий и даже десятилетий научные открытия не раз заставляли решительно пересматривать господствующие в культуре (в первую очередь европейской) представления о языке за счет постепенного углубления в язык и открытия в нем все новых закономерностей. Сегодня мы можем подвести некий промежуточный итог познания языка в европейской (включая российскую и советскую) и американской научной традиции, основываясь на фундаментальных исследованиях французского лингвиста М. Фуко и русского языковеда Ю.С. Степанова.

В данном разделе мы рассмотрим «изменчивый образ языка» в науке XX в., общие и узкоспецифические подходы к описанию и классификации языков мира, а также основные характеристики, различия и противоречия между условно доминирующими парадигмами и парадигмами, которым в какой-то конкретный момент существования науки отводятся маргинальные позиции, как их квалифицирует В.З. Демьянков.

Глава 1

Познание языка в мире традиций

§ 1. Язык как аналог мироздания

Аналогия — сходство предметов (явлений, процессов) в каких-либо свойствах; умозаключение по аналогии — знание, полученное при рассмотрении какого-либо объекта, переносится на менее изученный, сходный с ним по существенным свойствам, качествам объект; такие умозаключения — один из источников научных гипотез.

Великая метафора книги. Начиная с XVI в. в европейской культурной традиции реальный язык понимается, в частности, как таинственная, замкнутая в себе вещь, фрагментарная и полностью загадочная сущность, соприкасающаяся то здесь, то там с предметами реального мира и переплетающаяся с ними. Все вместе они образуют сеть меток, каждая из которых играет по отношению ко всем остальным роль знака или указания. Таким образом, язык не представляет собой произвольную систему; он размещается внутри мира, одновременно образуя его часть, и слова при этом выступают перед человеком как подлежащие расшифровке вещи. Еще в XVI в. в европейской традиции складывается *великая метафора книги*, которую открывают, разбирают по складам и читают, чтобы познать природу.

Сам язык, следовательно, тоже изучается как вещь, принадлежащая природе. Как и растениям, животным или звездам, элементам языка присущи свои законы родства и соответствия, свои обязательные аналогии. Вовсе не наличие смысла делает язык тем, что он есть, наоборот, слова составляются из слогов, слоги — из букв, поскольку в них сосредоточены такие качества, которые сближают и разделяют их точно так же, как в мире расходятся и сходятся признаки вещей.

С XVI в. и до наших дней продолжается традиция изучения языка исходя из тех же самых предпосылок, что господствуют в естествознании или эзотерических дисциплинах. В качестве примера назовем *палеонтологию языка*, представленную в работах Н.Я. Марра и его учеников, или же *лингвистическую генетику* — в работах М.М. Маковского. Различия состоят лишь в том, что, например, в эзотерике свойства слов, слогов и букв раскрываются на основе иной речи, остающейся скрытой, в то время как в грамматике обычные слова и фразы сами выражают свои собственные свойства. Язык располагается на полдороге между зримыми формами природы и тайными соответствиями эзотерических рассуждений. Он предстает как видоизмененная природа, утратившая свою изначальную прозрачность; это тайна, обладающая, однако, на поверхности доступными для расшифровки знаками того, что она обозначает. Одновременно язык является «скрытым откровением», которое по мере истолкования возвращает себе все возрастающую ясность.

Символизм как миропонимание. XX век заимствовал из XVI в. идею о том, что языки находятся с миром скорее в отношении аналогии, чем обозначения. Язык имеет *символическую функцию*, но ее нужно искать не в словах как таковых, но в самом существовании языка, в его всеобщем отношении к всеобщности мира, в перекрещивании его пространства с местами и фигурами космоса.

Отсюда берут свое начало энциклопедические проекты, появившиеся в конце XVI или в первые годы XVII в., целью которых было не отражать уже известное в нейтральной стихии языка (применение алфавита как произвольного, но эффективного энциклопедического порядка начнется только во второй половине XVIII в.), а воссоздавать посредством письма, т.е. сцепления слов и их размещения в пространстве сам порядок мира (ср. в этой связи современные принципы *мезоаурусного описания мира*).

Из той же эпохи в наши дни пришло восприятие превосходства письменного языка, объясняемого присутствием двух родственных и неотделимых друг от друга форм знания. Речь идет об отсутствии разграничения между видимым и читаемым, между наблюдаемым и сообщаемым, следовательно — об образовании единой и однородной сферы, в которой взгляд и язык перекрещиваются между собой до бесконечности; речь также идет о противоположном процессе — о непосредственном разложении состава любого языка, при котором в него без конца вводятся дополнительные определения и комментарии.

Таким образом, данный фрагмент знания о языке состоит в отношении языка к языку, в воссоздании однородного пространства слов

и вещей (ср. в этой связи идеи «школы слов и вещей»), в умении заставить заговорить все, т.е. над всеми знаками вызвать появление второго слоя — *комментирующей речи*. Особенность знания о языке состоит не в том, чтобы видеть или доказывать, а в том, чтобы истолковывать. Язык в себе самом содержит свой внутренний принцип развития. Начиная с XVI в. в европейской культурной традиции он понимается как глобальный опыт культуры.

§ 2. Язык как представление о мире

Представление — образ ранее воспринятого предмета или явления, а также образ, созданный продуктивным воображением.

Всеобщая грамматика. В XVII и XVIII столетиях в европейской культуре зарождается восприятие языка как строя бинарных знаков, а значение языка отражается уже в форме представления. Здесь берет начало идея *всеобщей грамматики* — науки о знаках, посредством которых люди перегруппировывают собственные восприятия и расчленяют непрерывное движение своих мыслей. Три понятия во всеобщей грамматике — *матезис*, *таксономия* и *генезис* — означают не столько отдельные области, сколько прочную сеть принадлежностей, определяющую структуру знания, сложившуюся в классическую эпоху и дошедшую до наших дней. Таксономия рассматривалась тогда и рассматривается сейчас как наука о порядке. Матезис является наукой о равенствах, следовательно — об определениях и суждениях, это наука об *истине*. Генезис рассматривает момент зарождения и последующий процесс развития, приведший к определенному состоянию. По отношению к матезису таксономия функционирует так же, как онтология по отношению к апофатике; а по отношению к генезису она функционирует, как семиотика по отношению к истории. Следовательно, она определяет общий закон существования феноменов и в то же время условия их познания. Отсюда следует традиция воспринимать теорию знаков как науку, обеспечивающую познание самой природы.

Классическую *эпистему*, в ее наиболее общем виде послужившую основой многих современных представлений о языке и о том, как его следует изучать, можно определить как систему, в состав которой входят матезис, таксономия и генетический анализ. В языкознании «замыслился» проект, пусть даже отдаленный, исчерпывающего упорядочения мира; оно устремилось к открытию простых

элементов и их возрастающего усложнения: в XX в. мы столкнемся с «четырёхэлементным анализом» и теорией «семантических примитивов»; в конечном итоге они будут представлять собой таблицу, расклад познаний в соответствующей своему времени системе. Пределом познаний могла бы стать так и не достигнутая даже в XX в. совершенная прозрачность представлений по отношению к упорядочивающим их знакам.

Начиная с классической эпохи язык характеризуется одновременно господствующим и незаметным положением: по отношению к веку XX это можно проследить на примере анализа советского политического дискурса в работах П. Серио. Господствующим положение языка можно было считать постольку, поскольку слова получили возможность *представлять мысль*. Но в данном случае представление надо понимать в узком смысле слова: язык представляет мысль так, как мысль представляет себя сама; все дается лишь через представление; язык не параллелен мысли и не является внешним ее проявлением, это сама мысль. Иными словами, здесь берет начало представление, господствующее во второй половине XX в., о том, что языка не существует, но он функционирует: все его существование выражается в его роли выразителя представлений, оно ею ограничивается и в конце концов исчерпывается.

Функциональность языка. К XX в. в языкознании исчезает стремление выявить великую загадочную речь, кроющуюся под ее знаками. Возникает интерес к тому, как она функционирует: какие представления выражает, какие элементы вычленяет и выделяет, как их анализирует и синтезирует, какая схема замещений позволяет ей утвердить свою роль в анализе представлений. Комментарий уступил место критике.

Критика исследует язык так, как если бы он был чистой функцией, совокупностью механизмов, автономной системой знаков. Но она не может в то же время не задаваться вопросом о его истинности или ложности (что и делал в своих работах Л. Витгенштейн), т.е. о характере присутствия в языке того, что он выражает в словах, посредством которых все представляет. Именно в связи с этим мало-помалу обнаруживалось и в конце концов заняло известное место противопоставление содержания и формы. Прежде всего критика разворачивается в рефлексивном плане как критика слов. Критика обнаруживается также в грамматическом плане как анализ возможностей синтаксиса при выражении представлений, порядка слов, конструкции фраз: является ли язык более совершенным, когда он обладает склонениями или же системой предлогов? Какой порядок слов — свободный или стро-

го определенный — предпочтительнее? Какой строй времен лучше выражает отношения последовательности? Критика разворачивается также в исследовании форм риторики; в анализе *фигур*, т.е. типов речи с экспрессивным значением каждого из них, *тропов*, т.е. различных отношений, которые слова могут поддерживать с одним и тем же содержанием представления.

Таково в своем многообразии критическое измерение языка, которое необходимо возникает, когда язык вопрошает самого себя, прежде всего о своей функции. Начиная с классической эпохи и по сей день комментарий и критика резко противопоставляются в европейской и американской лингвистической традиции; особняком стоит лингвистическая традиция дальневосточного культурного ареала.

Дискурсивность языка. После отказа от концепции о самостоятельном существовании языка остается лишь его функционирование как представления. Его природа и свойства, присущие ему в качестве *дискурса*, и составляют само представление, выраженное последовательностью словесных знаков.

Поскольку язык стал воплощением анализа и порядка, он совершенно по-иному мыслился во времени. Согласно генеалогической классификации языки в ходе истории следовали друг за другом, и один из них мог при этом порождать другой, а наиболее древние, т.е. древнееврейский, породивший древнесирийский и арабский, были основными; затем появился греческий, от которого произошли как коптский, так и египетский; с латинским в родстве были итальянский, испанский и французский; наконец, из «прагерманского» произошли немецкий, английский и фламандский. Сейчас это одна из существующих в языкознании моделей. Но есть и иные: каждый язык определяет свою специфичность посредством своего внутреннего порядка и места, которое он предназначает словам, а вовсе не местом в историческом ряду. Время для языка является его внутренним способом анализа, а не местом его рождения. Отсюда проистекает столь незначительный интерес, проявляемый во многих лингвистических парадигмах XX в. к хронологии, вплоть до ее отрицания; исторические ряды замещаются типологиями — типологиями порядка.

Языки объединяются и различаются между собой согласно таблице возможных типов последовательности. Будучи синхронной, эта таблица подсказывает, какие из языков были самыми древними. Внешняя датировка начинает определяться внутренними формами анализа и порядка, а время становится в языке внутренним элементом.

§ 3. Язык как исчисление формальных элементов

Исчисление — знаковая система, создаваемая использованием процесса образования всех синтаксических правильных символических выражений из букв алфавита системы — языка исчисления, т.е. его термов (слов) и формул (фраз), — и процесса вывода потенциально значимых (истинных) формул исчисления (фразеологии) из некоторого фиксируемого в том же языке набора формул-аксиом.

Э л е м е н т — составная часть сложного целого.

«Горизонтальное» сравнение языков. Вплоть до начала XX в. в исследованиях языка можно было обнаружить лишь очень немногие изменения. Слова изучались как потенциальные элементы дискурса на основе их связи с представлениями, предписывающей всем им одинаковый способ бытия. Считалось, что все слова какого-либо языка являются носителями значения более или менее скрытого, производного, основание которого коренилось, однако, в первоначальном обозначении. Сходства с другими языками — близкие созвучия, соответствующие сходным значениям, — замечались и обобщались лишь для подтверждения вертикальной связи каждого языка с глубинными значениями. Такое «горизонтальное» сравнение языков постепенно приобретает иную функцию: оно уже более не позволяет узнать, что именно каждый из них мог взять из древнейшей памяти человечества, какие следы времен, предшествовавших вавилонскому смешению языков, отложились в звучании их слов; но оно дает возможность определить меру сходств, частоту подобий, степень их прозрачности друг для друга. Отсюда обширные сопоставления различных языков, которые появляются на протяжении всего XX в., вплоть до ностратической теории В.М. Иллича-Свитыча. Однако все эти исследования неизменно опираются на уже известные нам два принципа всеобщей грамматики: принцип некоего общего первоначального языка, сохранившего исходный набор корней, и принцип последовательности исторических событий, чуждых языку, которые, воздействуя на язык снаружи и пытаясь его подчинить, использовать, улучшить, сделать гибким, умножают или смешивают его формы.

Феномен флексии. Сопоставление языков выявляет некоторое связующее звено между содержанием и значением корней: речь идет о флексиях. Конечно, само явление флексии уже давно было известно грамматистам, однако раньше флексии исследовались лишь ради их соотносительности с представлениями — неважно, рассматривались они при этом как некие дополнительные представления или же как спосо-

бы связи между представлениями (наподобие порядка слов). Напомним несколько наиболее ярких фрагментов из истории языкознания. Сравнение различных форм глагола *быть* в санскрите, латыни или греческом обнаружило некое постоянное отношение, обратное тому, которое обычно предполагалось: изменению подвергается именно корень, а флексии остаются сходными. Так, санскритский ряд *asmi, asi, asti, smas, stha, santi* посредством флекссионной аналогии точно соответствует латинскому ряду *sum, es, est, sumus, estis, sunt*. Однако то, что выявлялось в результате сравнения, было уже не просто связью первоначальных слогов с первоначальными смыслами, но более сложным отношением между изменениями основы и грамматическими функциями; обнаружилось, например, что в различных языках существует постоянное отношение между определенным рядом формальных изменений и столь же определенными рядами грамматических функций, синтаксических значений или смысловых изменений.

В результате способ связи различных теоретических сегментов между собой становится иным: включается еще один элемент. Этот элемент, вторичный по смысловой значимости и первичный по формальной устойчивости, сам по себе не является отдельным слогом вроде постоянного корня — скорее это система изменений, различные сегменты которой согласуются друг с другом. Так, буква *s* сама по себе не означает второе лицо, лишь совокупность изменения *m, s, t* придает глагольному корню значение первого, второго или третьего лица.

Новый для своего времени способ исследования языка не вышел из употребления и в наши дни. Но в конце XX в. упор делается на то, что язык строится уже не только из представлений и звуков, которые, в свою очередь, их представляют и сами упорядочиваются, как того требуют связи мышления; язык состоит прежде всего из формальных элементов, сгруппированных в систему и навязывающих звукам, слогам и корням некий порядок, уже отличный от порядка представления. Таким образом, в анализ языка вводится элемент, к языку несводимый. Отсюда проистекает характерный для всего XX в. интерес к фонетике, которая является уже не столько исследованием первичных значений выражения, сколько анализом звуков, их отношений и возможных взаимопреобразований.

Язык как объект познания. Язык со своим классическим порядком замкнулся в первой половине XX в. на самом себе, на своих собственных законах и объективности. Он утратил свою прозрачность и свою основную функцию в области знания, стал объектом познания наряду с другими объектами — живыми существами, богатством и стоимо-

стью, историей событий и людей. Познать язык в XX в. уже не означает теперь приблизиться к познанию как таковому; это означает лишь применить общие методы знания в особой предметной области.

Такое низведение языка к положению рядового объекта компенсируется, однако, прежде всего тем, что язык оказывается необходимым посредником для всякого научного познания, которое стремится выразить себя дискурсивно. Отсюда две постоянные заботы XX в.

Первая — это стремление сделать научный язык нейтральным, «отшлифовать» его, лишить собственной индивидуальности, очистить от случайностей ради того, чтобы он стал точным отражением, абсолютным двойником, чистым зеркалом внесловесного познания. Это позитивистская мечта о языке, постоянно поддерживаемом в соответствии с познанием; это язык-картина, о котором мечтал еще Ж. Кювье, предлагавший науке быть «копией» природы. Перед лицом самих вещей научный дискурс и в самом деле был бы «картиной», однако совсем не в понимании XIX в., тогда речь шла о том, чтобы распределить всю природу посредством неизменной таблицы тождеств и различий, причем лежащую в основе ее *решетку*, приблизительную и доступную совершенствованию, дает язык. В XX в. язык понимается как картина в другом смысле: высвободившись из представлений, возлагавших на него непосредственно классифицирующую роль, он устанавливает теперь некоторую дистанцию от природы, чтобы в конечном счете получить ее точную фотографию.

Вторая забота, отличная от первой, хотя и соотносящаяся с ней, заключалась в поисках логики, независимой от грамматики, словарей, форм синтеза, от слов вообще, — логики, которая могла бы выявить и использовать всеобщие предпосылки мысли, укрыв их от особенностей сложившегося языка, где они могли бы затеряться. Не случайно рождение булевой символической логики относится к той же эпохе: дело в том, что, несмотря на некоторые поверхностные сходства и общность приемов, речь шла уже не о построении некоего всеобщего языка, как в классическую эпоху, но о том, чтобы представлять формы и связи мышления вообще вне какого-либо языка. Поскольку сам язык стал объектом наук, требовалось теперь изобрести другой язык, который был бы скорее символикой, чем языком, и потому был бы прозрачен для мысли в ее познающем движении. В известном смысле можно было бы сказать, что и логическая алгебра, и индоевропейские языки равным образом являются продуктами разложения всеобщей грамматики: первая показывает смещение языка в сторону познаваемого объекта; вторые — движение, которое склоняет язык в сторону акта познания, лишая его всякой сложившейся формы.

§ 4. Язык как демистификация мира

Мистификация — посвящение в тайну.

Философия языка Ф. Ницше. В начале XX в. слова вновь обнаруживают свою древнюю загадочность, правда отнюдь не с тем, чтобы восстановить картину мироздания, и не для того, чтобы смешаться с вещами в круговой системе знаков. Оторванный от представления, язык существует с тех пор и вплоть до нашего времени лишь в разбросанных формах: для филологов слова предстают в качестве объектов, созданных и оставленных историей; для структуралистов язык должен отбросить свое конкретное содержание и выявить лишь повсеместно значимые формы дискурса; для литературоведов слова становятся текстом, который надо «взломать», чтобы обнаружить полностью скрытый за ними смысл; наконец, язык возникает как нечто самодостаточное в акте письма, обозначающее лишь само себя. Язык выявился таким образом в разнообразии способов своего бытия, единство которых, несомненно, не могло быть восстановлено. Быть может, именно по этой причине философская рефлексия так долго держалась от языка поодаль. Она неустанно искала объект, концептуальные модели, но уделяла языку лишь попутное внимание, акцентируясь главным образом на устранении помех, которые могли встретиться в языке. Например, нужно было освободить слова от их отчужденности или же придать языку больше гибкости и внутренней текучести, чтобы он мог передать движение жизни в ее собственной длительности. Непосредственно и самостоятельно язык вернулся в поле мысли лишь с рецепцией филологических идей Ф. Ницше, который первым подошел к философской задаче глубинного размышления о языке.

В том самом философско-филологическом пространстве, открытом для европейской культуры XX в. Ницше, и появляется язык во всем своем загадочном многообразии, которым надо было овладеть. В качестве проектов тогда рассматриваются темы всеобщей формализации всякой речи, или целостного истолкования мира, которое одновременно являлось бы полной его демистификацией; или общей теории знаков; или преобразования, полного вмещения всей человеческой речи в одно-единственное слово, всех книг — в одну страницу, всего мира — в одну книгу. Что такое язык? Что такое знак? Говорит ли все то, что безмолвствует в мире, в наших жестах, во всей загадочной символической нашего поведения, в наших снах и наших болезнях, — говорит ли все это и на каком языке, сообразно какой грамматике? Все ли способно к означению (если нет, то что именно?) и для кого,

по каким правилам? Каково отношение между языком и бытием и точно ли к бытию непрестанно обращается язык — по крайней мере тот, который поистине говорит? И что такое язык, который ничего не говорит, никогда не умолкает и называется «литературой»? Все эти вопросы продолжают быть актуальными по сей день.

А возможными они стали в силу того, что в начале XX в., когда речь с ее законом отделилась от представления, бытие языка оказалось как бы расчлененным. Весь спектр вопросов лингвистики вместился теперь в вопрос: что такое язык? Как охватить его и выявить его собственную суть и полноту?

Обретение вновь в едином пространстве великой игры языка в равной мере свидетельствует и о решительном повороте к совершенно новой форме мысли, и о замыкании на себе самом модуса знания, унаследованного от предшествующего века.

§ 5. Язык как наука о мире

Наука — сфера человеческой деятельности, функция которой состоит в выработке и теоретической систематизации объективных знаний о действительности; одна из форм общественного сознания. Наука включает как деятельность по получению нового знания, так и ее результат — сумму знаний, лежащих в основе научной картины мира. Непосредственные цели науки — описание, объяснение и предсказание процессов и явлений действительности, составляющих предмет ее изучения, на основе открываемых ею законов.

Поиски самоопределения лингвистики в XX в. Хорошо известна полемика начала 1960-х гг., к которой привели поиски самоопределения гуманитарных наук: генетический анализ или структуралистский? Объяснение или понимание? Обращение к «нижележащим» факторам или расшифровка на уровне чтения? Такие дискуссии могли возникнуть лишь постольку, поскольку позитивность гуманитарных наук опирается на перенесение в их область нескольких различных инородных моделей. По существу, необходимо различать два типа моделей, используемых гуманитарными науками, помимо моделей формализации. С одной стороны, существовали и до сих пор встречаются понятия, которые, будучи перенесены из другой области познания и лишась всей своей операционной действенности, играют лишь роль образа: таковы органицистские, энергетические, геометрические и динамические метафоры. С другой — существуют и такие

основополагающие модели, которые не являются для гуманитарных наук лишь средством формализации или наглядного представления процессов; они позволяют образовать комплексы явлений и объектов возможного познания, обеспечивают их связь в эмпиричности, играют роль «категорий» в том особом роде познания, каким являются гуманитарные науки.

Модели гуманитарного знания. Все гуманитарные науки в XX в., особенно во второй его половине, взаимопересекаются и взаимоинтерпретируются, их границы стираются, число смежных и промежуточных дисциплин бесконечно увеличивается, что приводит к растворению их собственного объекта. Правда, какого бы рода анализ ни применялся в той или иной области, существует некий формальный критерий для определения уровня психологии, социологии или анализа языков, — это выбор основной модели и место вторичных моделей. Данный критерий позволяет сказать, с какого момента мы в исследовании, например, литературы и мифов сбиваемся на «психологизацию» или «социологизацию», когда в психологии переходим на расшифровку текстов или социологический анализ. Однако взаимоналожение многих моделей не есть недостаток метода. Оно становится недостатком лишь тогда, когда все модели не взаимоупорядочены и нечетко сочленены друг с другом.

Проблема метода. Взаимопересечение основополагающих моделей — неважно, мотивированное, упорядоченное или же вовсе бессистемное — объясняет полемику о методах исследования, которая началась в 1960-е гг. и продолжается до сих пор. Как известно, в гуманитарных науках точка зрения прерывности противопоставляется точке зрения непрерывности. Существование этого противопоставления объясняется двухполюсным характером моделей: анализ в духе непрерывности опирается на постоянство функций, взаимосцепление конфликтов, цепочку значений; напротив, анализ прерывностей нацелен прежде всего на то, чтобы выявить внутреннюю связность означающих систем, специфические своды правил и типы решений, принимаемых по отношению ко всему, что подлежит упорядочению.

На этом основании оказывается возможным проследить историю гуманитарных наук начиная с первых десятилетий XX в.: сначала приоритет отдается биологической модели (школа Н.Я. Марра в советской лингвистике); далее наступает царство экономической модели — примером тому может служить расцвет социолингвистической проблематики, гендерной лингвистики; наконец, в 1960-е гг. приходит эра филологической и лингвистической модели, и речь уже идет о том, чтобы структурировать, выявлять и интерпретировать означа-

ющую систему (по сути, все постмодернистское направление 1970—1990-х гг.). Лингвокогнитивный поворот середины XX в. имел ряд важных последствий: поскольку функция ставилась выше нормы, постольку требовалось реально отделить нормальное функционирование от ненормального. Если вспомнить, что З. Фрейд не только ближе всего подошел к познанию человека с помощью филологической и лингвистической модели, но и впервые решительно стер границу между положительным и отрицательным, станет очевидным его переход от анализа в терминах функций, конфликтов и значений к анализу в терминах норм, правил и систем. Именно поэтому западная культура вот уже целое столетие строит образ человека вокруг именно этих идей.

Лингвистика в XX в. берет на себя функции, некогда принадлежавшие биологии или экономике, однако по многим причинам отваживается на куда более ответственную роль. Она не определяется лишь теоретическим пересмотром полученного в других отраслях знания, интерпретацией уже осуществленного изучения явлений; она не предлагает «лингвистической версии» фактов, наблюдаемых в гуманитарных науках, но является принципом их первоначальной расшифровки. Лингвистический анализ в середине XX в. — скорее восприятие, нежели объяснение, т.е. он сам строит свой объект. Более того, благодаря этому отношение гуманитарных наук к математике оказывается открытым вновь и в новом измерении. Вопрос заключался во все не в том, чтобы выяснить возможность численного выражения полученных результатов или способность актов человеческого поведения войти в область вероятности, доступной для измерения, — важнее было выяснить, можно ли вообще использовать понятие структуры — главное, что волновало научную мысль на протяжении всего XX в. Важность лингвистики и ее применения к познанию человека вновь актуализировала вопрос о бытии языка, который, как мы видели, теснейшим образом связан с фундаментальными проблемами нашей культуры. Этот вопрос отягощается все более широким использованием лингвистических категорий, поскольку теперь приходится прежде думать о том, чем же должен быть язык, чтобы он мог структурировать нечто, не являющееся само по себе ни речью, ни дискурсом, ни чистыми формами познания.

Вопросы о языке, возникающие в культуре, касаются всей современной культуры в ее настоящем, а возможно, и будущем. Прежде всего это вопросы, связанные с общей формализацией мышления и познания. Вопрос о формальных языках выявляет возможность или невозможность структурирования позитивных содержаний: литерату-

ра, подчиненная языку, в свою очередь выявляет значимость основных форм конечного человеческого бытия. В новооткрытом пространстве литература (сначала в форме сюрреализма, пусть пока замаскированного, потом во все более чистой форме — у Ф. Кафки, Ж. Батая, М. Бланшо) предстает как языковой опыт. Такой «возврат» языка вовсе не был для ориентированной на культуру Европы внезапным вторжением, мгновенным обнаружением ранее отвергавшейся очевидности; или знаком того, что мысль, освобождаясь от всякого содержания, замыкается на себе самой; или нарциссизмом литературы, наконец-то освободившейся от того, что она должна бы высказать, и заговорившей о себе только как о языке. На самом деле речь здесь идет о строгом развертывании западной культуры в соответствии с той необходимостью, которая возникла в ней в начале XX в. и сформировала современную эпистему, унаследовавшую форму знания эпохи XVI—XIX вв. Форма знания, появившаяся вместе с экономикой, биологией и филологией, и теперь составляет непосредственное пространство европейской научной рефлексии о языке.

§ 6. Изменчивый образ языка в науке XX в.

Образ — результат и идеальная форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека.

Метафоры языка в XX в. Подведем некоторые итоги относительно изменения взглядов на язык на протяжении всего XX в., когда различные концепции языка интенсивно сменяли друг друга. Не будем при этом забывать, что каждая последующая научная парадигма в языкознании не отменяла предшествующую целиком, включая в себя некоторые ее идеи и наработки. Ситуационный анализ, осуществленный Ю.С. Степановым, представляет — как бы на уровне метафоры — следующую серию «образов» языка в XX в.: язык как язык индивида; язык как член семьи языков; язык как структура; язык как система; язык как тип и характер; язык как пространство мысли и как дом духа.

Язык индивида. Понимание языка как языка индивида сводится к тому, что единственно подлинной реальностью является лишь язык индивида, а общий язык — абстракция и даже фикция. По словам Г. Пауля, «в действительности в каждый данный момент в данной народной общности насчитывается столько диалектов, сколько говорящих индивидов, причем каждый из этих диалектов

обладает собственным историческим развитием и подвергается непрерывным изменениям. Расщепление на диалекты означает не что иное, как перерастание индивидуальных различий за определенные рамки».

Семья языков. Под семьей языков в соответствии с теорией сравнительно-исторического языкознания понимается группа языков, развившихся из некоторого языка-основы, или праязыка, таким образом, что исконные минимальные значимые элементы этих языков (корни и аффиксы) находятся в строго определенных и регулярных звуковых соотношениях к элементам праязыка. Согласно этому взгляду каждый язык есть прежде всего член языковой семьи, связанной регулярными историческими соотношениями звуков и минимальных значимых элементов; этим задается — одновременно извне и изнутри — его системность.

Язык как структура. Возможность обобщения, доходящего до создания абстрактной идеализированной модели языка, очень хорошо осознали и четко сформулировали датские структуралисты. Например, из концепции В. Брёндаля вытекало, что идеальный набор возможностей и есть то, что составляет язык человека вообще, единый для всех людей земли, абстрактный, универсальный и вечный. Из идеи нежесткой детерминированности, статистического характера языкового развития следует, что, во-первых, общее устройство языка не предсказывается в положительном смысле, как именно должен измениться элемент и изменится ли он вообще, но совершенно определенно предсказывает, как он не может измениться; во-вторых, для изменения в предоставленных языком возможностях необходимо еще нечто — некий внешний толчок, обусловленный в конечном счете социальным функционированием языка в конкретно-исторической обстановке; в-третьих, возможные изменения представляют собой некоторый «пучок», или разброс, возможностей, подчиняющихся статистическим закономерностям. В результате образ языка, обрисованный в духе структурализма, приобретал следующие свойства: возможность алгебраизации; нежестко детерминированный, вероятностный, потенциальный характер; связь с конкретными коллективами людей в социуме; связь с нейрофизиологическими процессами. Внутри структуры языка в качестве основной ячейки выделялась элементарная — бинарная — языковая оппозиция.

Язык как система. Образ языка как системы представляет собой модификацию его образа как структуры, но понимаемого уже несколько иначе: как единое целое, доминирующее над частями и состоящее из элементов и связывающих их отношений. Язык в таком

понимании представляет собой *ядро*, которое образуют так называемые предельные и неопредельные его единицы и связывающие их отношения (например, аллофоны, морфы, слова, предложения, квазиморфы, сложные предложения), и *периферию*, образованную малоупотребительными пластами лексики и отмирающих грамматических категорий. При описании системы логическое определение отношений предшествует логическому определению элементов. Система языка, т.е. материальная реализация структуры, индивидуальна в каждом этническом языке, всегда идиоэтнична. Следовательно, в модификации образа языка как структуры в образ языка как системы уже содержится в зародыше некий иной образ языка — в чем-то неповторимый и индивидуальный.

Язык как тип и характер. Образ языка, обладающего типом и характером, восходит к идеям, сформулированным в работах В. Матезиуса, Г.П. Мельникова, А. Артымовича и А.А. Маркова. Речь идет о характерологии языка, представляющей синхронные связи в конкретном языке и выделяющей профилирующие и базовые черты данной языковой системы (в отличие от полной дескриптивной грамматики). Такой подход привел, с одной стороны, к открытию, по существу, новой логико-языковой категории, категории факта, и к новому взгляду на принцип причинности в языке; с другой — к созданию качественно новой типологии языков — к отказу от таксономических схем и к выработке нового понятия о языковом типе, когда он рассматривается как самонастраивающаяся система, оптимизирующаяся по конкретной детерминирующей тенденции — детерминанте.

Остановимся отдельно на эпохе компьютерной революции 1960-х гг. и на представлениях, сложившихся под ее воздействием. Надо сказать, что компьютерная революция, начальным этапом которой стали работы Н. Хомского, не изменила взгляда на язык, но изменила взгляд на лингвистическую теорию, а именно на теорию описания языка, приблизив ее к задачам создания компьютерных программ. Изменение взгляда на лингвистическую теорию связано с тем, что Хомский включил в круг исследований лингвиста описание языковой интуиции носителя языка, т.е. пути и метода, расширив тем самым понятие языка, а понятие лингвистической теории. Лингвистическая теория стала пониматься как исследование работы мышления человека с языком. Но это несколько не изменило коренных представлений о самом языке: он по-прежнему рассматривался как инструмент мышления и познания. Общее понимание языка в итоге сформулировано не было. Напротив, образ языка стал дробиться на различные фрагменты, из

которых общая мозаика не выстраивалась. Приведем основные фрагменты этой мозаики: язык как функциональная система, как деятельность, как исчисление, как классификатор, как код, как инструмент когниции, как конвенция, как энергия, как форма, как инструмент коммуникации, как сообщение, как экспрессия, как представление, как вторичная моделирующая система, как семиотический код, как структура, как система. Если за перечисленными разнообразными и разрозненными фрагментами возникает какое-либо общее понимание языка, то лишь одно: язык есть совокупность его аспектов.

Язык как пространство мысли и как дом духа. Данная формулировка является в настоящее время обозначением целого класса новых определений языка, между которыми есть и некоторые различия, но — что гораздо существеннее — все они решительно отличаются от определений предшествующего периода. Прообразом ее можно считать известное определение философа-экзистенциалиста М. Хайдеггера «язык — дом бытия» («...язык есть вместе дом бытия и жилище человеческого существа»). Этот тезис означает возврат к поискам «сушности языка», в чем, возможно, и состоит его огромное историческое значение. Разновидностью того же определения можно считать трактовку языка как пространства мысли. Под нее подходят когнитивные определения языка в связи с данными современной когнитологии — дисциплины об операциях со знаниями в «трехмерном пространстве языка». Во всем этом прослеживается нечто существенное для лингвистики нового тысячелетия, прежде всего обращение к образу пространства. Образ языка приобретает черты образа пространства во всех смыслах — пространства реального, видимого, духовного, ментального. Такова одна из самых характерных примет лингвофилософских размышлений над языком в наши дни.

Глава 2

Принципы описания и классификации языков мира

§ 1. Соизмеримость и описательная сводимость языков мира

Соизмеримые и несоизмеримые величины — две однородные величины, обладающие или, напротив, не обладающие общей мерой.

Описание — функция научного исследования, состоящая в фиксации результатов опыта (эксперимента или наблюдения) с помощью определенных систем обозначения, принятых в науке; описание предшествует объяснению.

Классификация — система соподчиненных понятий (классов объектов) какой-либо области знания, используемая как средство для установления связей между этими понятиями или классами объектов.

Общие структурные черты языков мира. По приблизительным данным, в настоящее время на земном шаре существует примерно 3500 языков. Необычайно различны их звуковой состав, грамматический строй, синтаксис и словарь. Тем не менее во всем этом колоссальном многообразии выявляются общие черты. Например, произносимые в разных языках звуки, отличающиеся значительным своеобразием, могут быть представлены как комбинация небольшого числа различительных признаков, которые обнаруживаются во всех языках мира и, следовательно, являются универсальными. Один из таких наборов признаков составляет двенадцать двоичных (бинарных) противопоставлений. Основанный на этом подход к описанию языков возник в 1930-х гг. и был связан с работами представителей Пражского лингвистического кружка Р.О. Якобсона и Н.С. Трубецкого (с 1950—1960-х гг. известен как «дихотомическая фонология Якобсона—Фанта—Халле»). Аналогичным образом обстоит дело и с

грамматическими категориями. Те семантические признаки, которые в одном языке вступают в грамматические корреляции и образуют грамматические категории, в другом могут вступать в иные корреляции — неграмматические, лексические. Например, в языке суахили уменьшительность образует грамматическую категорию (класс уменьшительных существительных), в русском — словообразовательную (суффиксы *-ик*, *-чик*, *-енок* и др.), в английском — лексическую (свободные сочетания существительных с прилагательным *little*).

Если рассмотреть огромную массу языков с точки зрения коммуникационной техники, то и здесь обнаружится некоторая их общность, которая состоит в том, что сначала нечто сообщается, а затем реализуются качественные, процессуальные и различные локальные характеристики, предусмотренные в том или ином конкретном сообщении.

Общие черты языков мира. В самых различных языках, между собой даже не родственных, имеются некоторые общие типы изменений звуков, грамматических форм и синтаксических конструкций, которые можно определенным образом классифицировать. Все это свидетельствует о том, что в самых различных языках мира действуют какие-то факторы, способствующие образованию общих черт и особенностей.

Общие черты языков мира объясняются прежде всего физиологической общностью людей и обусловлены сходным устройством человеческого мозга и органов восприятия, способных отражать окружающий мир в основном одинаково. В области звукопроизводства сходства объясняются сходным устройством произносительных органов. Физиологическая общность устройства мозга и органов восприятия является условием одинакового отражения окружающего мира, следовательно, и общности логического мышления. Несмотря на необычайное разнообразие языков мира, логическое мышление и его категории у всех людей на земном шаре одинаковы. Различные в структурно-типологическом отношении языки имеют черты сходства, проявляющиеся в наличии общезыковых категорий, обусловленных, с одной стороны, единой логической основой, а с другой — специфически знаковой природой языка. Содержание внешнего мира, окружающего человека, составляют предметы и связи между ними. Отражение внешнего мира в голове человека состоит в познании им этих предметов и закономерных связей. Разные языки мира имеют один общий субстрат — окружающую человека действительность — и одинаковую целевую или практическую направленность — быть сред-

ством общения. Существуют также общие закономерности конструирования и функционирования человеческой речи. Мысль одного человека может быть достоянием другого только в том случае, если она будет облечена в чувственно воспринимаемую форму, т.е. в форму звуковых знаков. В мире, очевидно, нет языка, который не имел бы особых средств воздействия на собеседника — специальных дейктических выделителей, языковых способов выражения модальности, экспрессивных слов и т.д.

Единицы сравнения языков. Известно, что измерение различных объектов посредством одних и тех же мер или единиц создает основу для сопоставления и сличения этих объектов. И наоборот, измерение объектов при помощи различных мер весьма затрудняет их сопоставление, сличение и сравнение.

Единицы — лингвистические термины — при помощи которых описывают конкретные языки, могут быть рассмотрены как меры, своего рода единицы измерения различных языков, хотя, разумеется, не в прямом (физическом) смысле.

Языки, описанные в одних и тех же терминах, как правило, удобно сопоставлять и сравнивать. Языки же, при описании которых применен различный терминологический аппарат, сопоставлять крайне затруднительно. Они предстают как бы несоизмеримыми. Более того, два описания одного и того же языка, выполненные при помощи различных терминологических аппаратов, становятся несоизмеримыми одно с другим. Например, описание синтаксического строя языка в терминах непосредственно составляющих или при помощи понятия валентности Л. Теньера весьма трудно сопоставлять с описанием синтаксического строя того же языка, выполненного в терминах членов предложения. Тот же эффект несоизмеримости получается в тех случаях, когда один и тот же язык описывают в одних и тех же терминах, но разного содержания.

Методы сравнения. В связи со сказанным возникают два вопроса. Во-первых, следует ли стремиться к тому, чтобы языки в их описаниях были соизмеримыми? Во-вторых, имеются ли объективные предпосылки в устройстве языков различных типов для выбора таких единиц описания, такого терминологического аппарата, который позволил бы представить разноструктурные языки как языки достаточно соизмеримые?

Ответ на первый вопрос кажется достаточно очевидным. При описании языка (языков) в качестве основного метода используется операция сравнения. При этом языки в своих описаниях должны быть соизмеримы, т.е. по возможности описаны посредством единообраз-

ного терминологического аппарата. Это весьма существенно как для синхронно-типологических исследований, так и для сравнительно-исторического изучения языков, поскольку успешно сопоставлять и сравнивать можно лишь явления, измеренные при помощи одних и тех же мер, т.е. описанные при помощи одних и тех же единиц. Что касается исследований по истории отдельных языков, то и здесь требуется единый аппарат описания тех или иных языковых явлений, взятых в разные периоды их развития. Применение в этом случае единого терминологического аппарата, с одной стороны, обеспечивает сопоставимость разновременных категорий какого-либо языка, с другой — выявляет их различия и тем самым позволяет лучше видеть процесс развития языка.

Ответ на второй вопрос не столь очевиден. Расхождения в строении языков могут быть настолько значительными, что возникает сомнение в возможности применения к описанию языков общих единиц измерения. Тем не менее лингвистика фактически пользуется общим терминологическим, или понятийным, аппаратом, описывая не только близкие по строению, но и разносистемные языки. В частности, таким понятийным аппаратом является терминологическая система так называемой классической лингвистики, выработанная на базе флективных индоевропейских языков. В репертуар этой терминологической системы входят, например, такие термины, как «синтаксис», «морфология», «лексика», «предложение», «член предложения», «словосочетание», «часть речи», «слово», «морфема», «фонема», «основа», «корень», «суффикс», «склонение», «спряжение», «вид», «наклонение», «зачет», «время», «падеж», «число», «род» и т.д. и т.п. При всем том, что и эти термины не являются однозначными у разных исследователей (ср., например, три содержания термина «морфема»: а) морфема Блумфилда; б) морфема Бодуэна де Куртене; в) морфема Вандриеса). Ученые разных школ и направлений, используя в своих описаниях эти термины, вкладывают в них разное содержание и получают порой трудносопоставимые результаты.

Из истории изучения многих восточных, в частности так называемых изолирующих, языков известно, что первые их описания, выполненные при помощи классического «индоевропейского» понятийного аппарата, придавали восточным языкам вполне индоевропейский вид. В китайском языке находили все категории, присущие классическим индоевропейским языкам (такowymi являются флективно-синтетические языки -- греческий, латинский и др.), в том числе такие, как, например, спряжение глаголов, склонение имен, падеж, грамматические времена.

С учетом всех названных ограничений и проблем использования лингвистической терминологии при описании языков мира ясным пока остается одно: единицы описания, составляющие терминологический (понятийный) аппарат лингвистики, по сути, чаще всего представляют собой, по крайней мере в своей основе, названия реальных единиц, из которых складывается система языка. Поэтому содержание соответствующих лингвистических терминов отражает реальные свойства и особенности тех языковых явлений, на основе познания которых эти термины созданы. Фактически единицы описания и единицы языка — это одни и те же единицы. Так, морфема есть единица описания и некоторая языковая реальность, фонема есть единица звуковой системы языка и некоторая языковая реальность — класс функционально тождественных и физически сходных звуков. Иначе говоря, в лингвистике термин используется для обозначения как операционных понятий (единиц описания), при помощи которых измеряется и оценивается язык, так и самих языковых явлений. Поэтому в практике лингвистической работы исследователи сплошь и рядом отвлекаются от полного содержания термина, обусловленного свойствами породивших его реалий какого-либо языка (применительно к терминологическому аппарату классической лингвистики это реалии индоевропейских языков), и используют термин применительно к описанию иносистемных языков. Именно в силу этих причин индоевропейский понятийный аппарат оказывается до сих пор во многом универсально пригодным для описания самых различных языков.

Еще одно условие обеспечения соизмеримости языков разных типов связано с применением общих критериев при оценке тех или иных фактов разных языков и подведением их под общие понятия и категории, а тем самым — под общее наименование. Само понятие «критерий» означает некоторое свойство или особенность той или иной единицы или феномена, которые выявляются эмпирически и используются как эталон, образец для установления категориальной принадлежности других единиц или феноменов. Критерий есть некоторое свойство чего-либо, рассмотренное как эталон. Например, когда в китайистике говорят, что критерием выделения глаголов и прилагательных является их способность без связки выступать в роли сказуемого и непосредственно соединяться с отрицательной частицей *бу*, а критерием выделения существительных и местоимений — их неспособность быть бессвязочным сказуемым и соединяться с отрицательной частицей *бу*, то речь, по сути дела, идет о некоторых наблюдаемых свойствах разных групп слов, которые (свойства) служат

основанием для зачисления тех или иных слов, обладающих такими же свойствами, в определенную группу или разряд.

Соизмеримость разносистемных языков, по-видимому, может быть достигнута лишь при условии выбора общих критериев, применение которых позволит использовать общие термины (единицы описания). Общность критериев и понятийного аппарата, в единицах которого отражаются максимально общие, но существенные свойства единиц и явлений языка, есть условие соизмеримого описания языков мира, необходимого для их эффективного сравнения и сопоставления.

§ 2. Типологический подход

Типология — научный метод, основанный на расчленении систем объектов и их группировке с помощью обобщенной модели или типа; применяется в целях сравнительного изучения существенных признаков, связей, функций, отношений, уровней организации объектов; основные логические формы, используемые типологией, — тип, классификация, систематика, таксономия.

Цели и задачи типологического описания. Различные языки мира могут быть описаны в типологическом плане. Это предполагает, что при описании их достигаются следующие цели: констатация структурных сходств и различий между языками; интерпретация систем языков в плане совместимости/несовместимости структурных характеристик и предпочтительных типов структурной сообразности как систем в целом, так и отдельных уровней языка; классификация языков по определенным типам и классам — основная и конечная цель типологического описания.

Традиционное типологическое описание. Примером такого описания можно считать широко известную морфологическую классификацию языков. Так, традиционная типологическая классификация, выделяющая аморфные, агглютинативные и флективные языки, отражает стремление исследователя выделить типы языков по общим принципам строения грамматических форм. На основании учета различных признаков можно составлять иные типологические группировки языков, например объединить все языки, имеющие пять гласных, или все языки, имеющие четыре падежа, или языки, предпочитающие префиксацию.

Можно также составить так называемую решетку, или перечень возможных классификационных типологических признаков, и опи-

сывать таким образом язык, руководствуясь числом, местом и сочетанием существующих в нем типологических особенностей.

Цельносистемная типология. В типологическом плане могут описываться целые языковые системы. Предметом типологического описания может стать, например, соотношение гласных и согласных в каком-либо языке. Все славянские языки могут быть разбиты на две группы — языки с явным преобладанием согласных и языки с большим количеством гласных. Встречаемость гласных и согласных также может быть показательна. Есть языки, которые имеют долгие и краткие гласные, в других это различие не проводится. В типологическом плане могут описываться различные просодические особенности языков — например, французский, английский и русский не имеют тонов, а китайский, сербохорватский и шведский имеют. Языки могут иметь фиксированное или разноместное ударение. Каждый язык характеризуется определенными типами слогов. Есть языки, имеющие одинаковые типы слогов. В области грамматической структуры выделяются, например, языки типа китайского, в которых морфемы очень редки. Во флективных языках морфемы полисемантичны. В агглютинативных они преимущественно имеют одно значение. Есть языки, имеющие только суффиксы, и, наоборот, встречаются такие, в которых употребляются исключительно префиксы. Семантико-грамматические категории в различных языках обладают не меньшим разнообразием типов. Одни языки имеют так называемые именные классы, другие их не имеют; одни языки морфологически различают множественное число, другие его различают только в редких случаях. Типовые особенности наблюдаются и в характеристиках глагола — например, большинство языков имеют три прошедших времени — имперфект, перфект и плюсквамперфект, но в некоторых, например в русском или венгерском, существует только одно прошедшее время.

Контенсивная типология. Во второй половине XX в. интерес в области типологического описания языков переместился с формально-структурного подхода на контенсивный подход, который строится на описании различных содержательных критериев. Наиболее перспективной в настоящее время представляется схема описания, основанная на специфике способов передачи в языках универсальных субъектно-объектных отношений. В предлагаемой модели описания диагностирующий набор корреляций довольно компактен. На уровне лексики соответствующий комплекс охватывает наиболее общие принципы группировки именных и глагольных слов. На синтаксическом уровне он обращается к характерной типологии пред-

ложения, реализуемой набором его профилирующих конструкций и частично особенностями инвентаря членов предложения. На уровне морфологии в данный комплекс входит специфическая система основных падежей именного склонения и личных показателей глагольного спряжения. В результате возникает возможность разграничить и охарактеризовать в континентальном плане по крайней мере пять целостных языковых типов — нейтральный, классный, активный, эргативный и номинативный.

§ 3. Подход на основе понятийных категорий

Понятийные категории — смысловые компоненты общего характера, свойственные не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов, выражаемые в естественном языке разнообразными средствами; рассматриваются безотносительно к тому или иному конкретному способу выражения: прямому или косвенному, явному или неявному, лексическому, морфологическому или синтаксическому; они понимаются как универсальные, присущие всем или большинству языков мира; благодаря именно этому свойству выступают как основа сводимости описаний разнообразных и разносистемных языков.

О. Есперсен и понятийные категории. Вопрос о существовании в сознании людей понятийных категорий впервые был достаточно отчетливо поставлен О. Есперсеном. Он считал, что наряду с синтаксическими категориями, или кроме них, или за этими категориями, зависящими от структуры каждого языка, имеются еще внеязыковые категории, не зависящие от более или менее случайных фактов существующих языков. Эти категории являются универсальными, поскольку применимы ко всем языкам, хотя они редко выражаются в этих языках ясным и недвусмысленным образом. Примером такой понятийной категории может служить категория пола, существующего в реальном мире, но не всегда выражающегося в языке. Есперсен допускает три ступени грамматического анализа одних и тех же явлений, тройкий подход к рассмотрению грамматических фактов, а именно: (А) форма, (Б) функция и (В) понятие. В этом плане может, например, рассматриваться английский претерит. Формы его образования различны, но все они имеют одну функцию — выражение претерита. Заключение в форме понятия могут быть различными и выражать нереальность в настоящем времени, будущее время, сдвинутое настоящее время, вневременное значение.

Понятийные категории у И.И. Мещанинова. В отечественной лингвистике описанием языков с позиций понятийных категорий много занимался И.И. Мещанинов, который определял понятийные категории как способ передавать в самом языке понятия, существующие в данной общественной среде. Эти понятия не описываются при помощи языка, а выявляются в нем самом, в его лексике и грамматическом строе. Понятийные категории, которые получают в языке свою синтаксическую или морфологическую форму, становятся грамматическими категориями. К понятийным категориям Мещанинов относит категории субъекта и предиката, атрибута, прямого и косвенного объекта, предметности, атрибутивности. К ним относят также категорию деятеля (агенса), воздействия (фактитивности), объекта воздействия и орудийности, категорию объекта владения, категорию перемещения в пространстве и др. Иногда выделяют содержательные категории, обусловленные внутренними закономерностями выражения внеязыкового содержания в формах языка. К таким категориям относятся, например, категории субстанции, местоименности, подлежащего и прямого объекта.

Понятийные категории у Ф. Брюно. На этой же концептуальной базе выстраивается описание языков от значения к средствам его выражения. Наиболее ярким представителем этого направления является французский лингвист Ф. Брюно. По его мнению, научная задача, стоящая перед преподаванием языка на более высоком уровне, заключается в том, чтобы представить наш язык так, как он существует на самом деле, со всеми его оттенками, непоследовательностями, постоянным смешением элементов, таким же сложным, как все в природе, а не редуцированным, упрощенным, выстроенным по линейке.

В предисловии к своей книге «Мысль и язык» («*La pensée et la langue*»), в которой подробно описана система французского языка, Брюно так характеризовал сущность предлагаемого им нового метода: «Я хотел представить методическое изложение явлений (*faits*) мысли, рассмотренных и классифицированных применительно к языку, а также соответствующие им средства выражения». И далее: «Необходимо обосновать такие методы исследования языка, где факты располагаются не по порядку знаков, но по порядку идей».

§ 4. Подход на основе языковых универсалий

Языковые универсалии — свойства, присущие всем языкам или большинству из них. Теория языковых универсалий рассматривает и определяет общие свойства всех человеческих языков, совокупность содержательных категорий, теми или иными средствами выражающихся в каждом языке, общие свойства языковых структур, относящиеся ко всем языковым уровням.

Универсальные признаки языков в описании и классификации. Положение об универсальных свойствах каждого конкретного языка неизбежно приводит к заключению о том, что, в принципе, существует один человеческий язык, фундаментальные характеристики которого распространяются на любой конкретный язык, и, более того, существование каждого национального языка предопределено в его языковой природе единым устройством человеческого языка вообще. В этом смысле человеческий язык представляет собой инвариант со всей совокупностью глубинных свойств, а конкретные языки должны рассматриваться как варианты этого единого языка, различающиеся лишь разнообразием проявления его основных признаков. Существование человеческого языка вообще как инварианта для всех национальных языков дает право относить все национальные коммуникативные системы именно к языку, при этом универсальные качества языка служат основанием и естественной базой дифференциации языков, поскольку единый *principium divisionis* создает предпосылки для логически непротиворечивого описания конкретных языков. Во всяком случае, универсальные качества естественного звукового языка исключают возможность относить к языку такие «языки», как язык свиста некоторых африканских народов, язык барабана, язык дыма и т.д., часто упоминаемые даже в лингвистической литературе. Преимущество использования универсальных признаков языка в области классификации и описания состоит именно в том, что они исключают подобные коммуникативные системы из сферы языка. Одновременно эти свойства позволяют выделять в каждом конкретном языке существенные дифференциальные признаки, которые создают систему выражения и взаимосвязь форм как вариант всеобщих закономерностей языка. Это служит основанием для различения национальных форм языка.

Универсалии языка и универсалии мышления. В данном случае речь идет не об универсалиях мышления, а именно об универсалиях языка, т.е. об универсалиях, существующих в языковой манифестации и

лишь соотносимых с универсальными категориями мышления. Языковые универсалии не могут рассматриваться как понятийные категории, ибо они полностью материализованы в звуке, а мыслительные категории определяют собой лишь сферу, с одной стороны, логических категорий, законов мышления (например, закон образования суждения), а с другой — сам понятийный аппарат человека (например, понятие времени, оценка истинности или ложности высказывания).

Существенные свойства определяют структуру и систему каждого языка. В качестве универсалий к системе относится прежде всего наличие словесных знаков, распределяемых по подсистемам. Существование слов как элементарных номинативных единиц и форм слов (словообразовательных или словоизменяемых), а также грамматических отношений создает предпосылки для функционирования языка во всей совокупности его речевых образований, складывающихся из элементов номинации и синтаксической их организации. Номинативные единицы, сгруппированные в языке по каким-либо классам, будь это классы семантического (во многих языках североамериканских индейцев) или формального (части речи языков индоевропейской семьи) характера, могут также рассматриваться как универсальные качества языка. Другими словами, наличие группировки или системы номинативных единиц есть универсалия, дифференциальным же признаком каждого конкретного языка является конкретная группировка слов по тем или иным показателям — маркерам. Наличие подсистем лексико-синтаксического порядка, независимо от их конкретной организации в каждом языке, есть основание для описания языка как системно-структурного явления.

В структуре языка необходимо различать конституирующие признаки структуры и структурные признаки. *Конституирующие признаки* структуры — это универсальные признаки, свойственные, естественно, всем языкам, т.е. признаки, без которых нельзя говорить о языке как коммуникативно организованном средстве. *Структурные признаки* есть дифференциальные признаки каждого конкретного языка.

К конституирующим признакам необходимо отнести закон организации слов, словосочетаний и предложений. В связи с тем, что конституирующие признаки структуры языка имеют непосредственное отношение к отражательной функции мышления, их организация не зависит от конкретного языка, а определяет язык как форму проявления мышления человека.

Конституирующие признаки структуры языка создают единую базу для категории «язык как средство человеческой коммуника-

ции». Эти признаки лежат в сфере синтаксиса и лишь формально отображают глубинные структуры мышления. Основные синтаксические категории, определяющие законы сочетания слов в атрибутивной группе и законы сочетания слов в предикативной группе предложений, представляют собой универсальный закон структуры языка вообще. Любое описание конкретного языка может и должно опираться прежде всего на фиксацию этих универсальных качеств грамматической структуры языка и универсального признака построения его системы.

Эффективность использования языковых универсалий состоит в том, что признание их заранее обуславливает определенный подход к анализу коммуникативных единиц конкретного языка, независимо от способов проявления соответствующих универсалий. Предложение (простое или сложное) и является исходной ячейкой структуры языка, диктующей способ его описания. Предложения аккумулируют в себе все признаки языка в тексте, поскольку в них представлены элементы всех уровней — от минимальных (фонема) до максимальных (предикативная синтагма) с включением просодических средств, относящихся к единицам, выходящим за рамки предложения. Так как предложение представляет собой закономерную единицу коммуникации, которая передает определенный смысл, адекватно отображающий ту или иную объективную ситуацию, то организация предложения должна рассматриваться как базовое основание для дифференциации всех единиц и форм их связи в рамках фрагментов коммуникации.

Схема описания языков на основе универсалий. Если за исходный принцип в научном описании принять восхождение от абстрактного к конкретному, то за принцип описания языков мира следует принять движение от универсальных качеств единой глобальной структуры к формам проявления этих качеств в конкретных языковых вариантах.

Универсальная характеристика структуры языка требует прежде всего различения основных компонентов этой структуры, а именно слов, словосочетаний и предложений. Независимо от формы слова конкретного языка, т.е. из каких фонем оно состоит, слово должно быть прежде всего вычленено как элемент системной структуры. После вычленения слова можно установить два типа соединений слов, характерных для коммуникативной структуры языка: атрибутивный и предикативный. Расчленение языка на слова и выявление форм связей слов составляет первоначальную процедуру, на основе которой затем могут быть типологически сгруппированы языки по наличию общих способов строения слова и соединений слов в словосочетании и предложении.

Описание структуры предложения должно обнаружить прежде всего наличие слов и морфем, которые связываются определенными отношениями, а также способов: а) выражения отношений слов в словосочетаниях; б) выражения отношений слов в составе членов предложения; в) выделения главных членов предложения; г) соединения простых предложений в сложные.

Следующий этап описания языков может выявить схему построения лексем и морфем как единиц системы языка. В общем виде эти схемы могут быть представлены как грамматика с начальным уровнем синтаксиса — синтаксическая морфология (реляционная морфология); лексикология (состав слова, типы слов, словообразование); наконец, фонология (фонетический состав слова).

При описании языков по указанному принципу помимо наглядного представления единства всех языков отчетливо определяется не только типология языка, ориентированная на его различные уровни (например, на морфологию языка, состав слов), но и классификация языков по единому основанию (например, по характеру словоизменятельных форм в рамках реляционной морфологии).

Сформулированный подход характеризуется не только тем, что дает универсальную основу для описания языков мира, но и тем, что становится универсальной формой такого описания.

В отличие от описаний языков, основанных на частной типологии, статистических универсалиях или так называемых фреквенталиях, описание, строящееся на установлении универсальных категорий всех языков, исключает разночтение частнотипологических явлений, частотных категорий, неизбежно ведущее к несовпадению получаемых результатов, и превращается в унифицированный способ каталогизации языков. Однако в таком случае должно быть преодолено весьма существенное препятствие — определение и составление перечня универсальных категорий языка.

Глобальное описание языков мира. Такое описание может быть связано с той или иной классификацией языков, во всяком случае с их группировкой по каким-либо общим признакам. Принцип универсального описания не может дать непосредственно типологических характеристик языка по той простой причине, что универсальный фундамент структуры языка в итоге должен объединять все языки мира в одно родовое понятие — «язык». Напротив, описание, связанное с последующим распределением языков по группам или по типам, есть процедура второго порядка, основанная на выборе одного существенного признака, свойственного ряду языков (применительно к одному из уровней языка), или на совокупности признаков (применительно к

комбинации уровней, например фонеморфологическая или лексико-грамматическая совокупность признаков). Так или иначе, описание языков мира, если оно будет ограничено только нахождением универсальных основ структуры и системы языков, по существу, выльется в теорию языкознания. Вот почему необходима классификация, построенная на типологических основах. Преимущество типологической группировки для глобального описания языков заключается в том, что такая группировка не связана с установлением родства — для многих языков практически невозможным — и что она более адекватно отражает особенности и дифференциальные признаки групп языков на фоне единой универсальной структуры.

Описание языков на основе универсалий — еще недостаточно изученная область языкознания. Однако этот метод имеет определенные преимущества, прежде всего в отношении лингвистической стройности и широкого диапазона приложимости категорий к языкам мира. Безусловно, он далеко еще не разработан, и возможно, что его достоинства обесценятся неисправимыми недостатками, так как приведение к единому знаменателю и единой универсальной категории, единому дифференциальному признаку по каждому уровню языка является очень трудоемкой работой. Однако в теоретическом плане описание языков по универсалиям оправдывается тем, что оно строится на принципе, абсолютно соответствующем природе самого языка.

§ 5. Ареальный подход

Ареальная лингвистика — раздел языкознания, исследующий с помощью методов лингвистической географии распространение языковых явлений в пространственной протяженности и межязыковом взаимодействии.

Основные подходы к ареальному исследованию языков мира. Ареальная лингвистика предполагает описание отдельных языковых единиц и явлений с учетом их пространственной протяженности. Соприкасаясь с диалектологией, ареальная лингвистика не описывает в целом структуру языка, но изучает связи отдельных явлений, пути и центры их распространения, зоны инноваций с определением ареалов языковых союзов.

Можно выделить два основных подхода к ареальному исследованию языков мира. Первый связан с описанием территориального распространения различных языковых особенностей в синхронном пла-

не, второй — с интерпретацией изоглосс. Особое значение имеют приемы установления идентификации последних.

Приемы территориального описания языковых фактов. В рамках определенных языковых ареалов приемы описания отдельных языковых фактов совпадают с приемами диалектологического описания. Правильное использование приемов, выработанных современной диалектологией, дает возможность выявить все необходимое для проведения ареального исследования того или иного языкового региона. Чем совершеннее приемы описания диалектов, тем успешнее могут вестись лингвогеографические исследования. Эти приемы предполагают целостное описание системы диалекта, предусматривающее исчерпывающие топологические характеристики того или иного звука (его положение во всех позициях, в составе определенных групп звуков той или иной формы с учетом позиции фонеморфологических изменений, общей типологии изменения звуков и форм).

Основным принципом ареальных исследований является тотальный охват диалектов. Примером такого описания может служить «Лингвистический атлас Франции». Главная особенность этого атласа состоит в том, что его авторы фиксируют диалектные формы не выборочно, как это обычно делали их предшественники, а язык в целом. Формы литературного языка, по их мнению, так же существенны, как и диалектные формы. Атлас был задуман как большой синхронный срез, мгновенная фотография развивающегося языка.

Тотальный охват всех диалектов при исследовании тех или иных фактов в рамках языкового союза в корне меняет выводы, сделанные при учете данных только литературных языков. При картографировании он позволяет установить пограничные районы, учитывая которые необходимо для определения протяженности распространения изоглоссы.

Только при повсеместном охвате языкового материала можно установить источник радиации того или иного явления. Тотальная регистрация языковых фактов позволяет выявить определенные географические области языков, характеризующиеся общими структурными признаками, т.е. языковые ареалы и языковые союзы. Например, различные языки Балканского полуострова объединяет ряд общих черт, важнейшими из которых являются: 1) наличие в болгарском, албанском и румынском постпозитивного артикля; 2) исчезновение инфинитива в гагаузском языке; 3) общая модель будущего времени; 4) совпадение форм родительного и дательного падежей; 5) энклитическое употребление притяжательных местоимений; 6) применение так на-

зываемой репризы, состоящей в употреблении местоимения в винительном падеже наряду с объектом действия, выраженным именем существительным.

Интерпретация изоглосс. Еще один подход ареального исследования языков мира связан с задачами более широкого плана — интерпретацией изоглосс. Чисто синхронное описание получает в этом случае причинное обоснование, такой подход делает его более содержательным. При интерпретации изоглосс используются данные истории языка, истории общества, социолингвистики; учитываются типологические закономерности и законы интерференции языков.

Описание языков приемами ареальной лингвистики не только уточняет наши представления о языках того или иного региона, но также имеет общелингвистическое значение. Зоны распространения ряда явлений, как и некоторые типы изоглосс (особенно конвергентные), отражают существенные в обшейзыковедческом плане процессы. Ареальные исследования убеждают нас в том, что при объяснении явлений необходимо учитывать общую типологию изменения звуков и форм в различных языках, внешние факторы возможных влияний, субстратных напластований и внутрисистемные условия, способствующие развитию данного явления.

Для теории общего языкознания могут представить интерес процессы, происходящие в пограничных районах, т.е. процессы языковой интерференции смежных диалектов, дающие далеко не одинаковые результаты. Описание фактов приемами ареальной лингвистики позволяет наметить некоторые закономерности в усвоении языками различных черт.

Результаты ареального описания дают возможность установить динамику распространения изоглосс, разработать методику определения потенциальной направленности влияния, способствуют выработке строгой методики выявления классификационных дистинктивных признаков. Таким образом, разработка методов ареальной лингвистики может явиться ценным дополнением к другим методам — генетического, типологического и социологического исследования языков.

§ 6. Семиотический подход

Семиотика — научная дисциплина, изучающая общее в строении и функционировании различных знаковых (семиотических) систем, хранящих и передающих информацию.

Язык и мышление. Семиотический принцип описания языков мира — это определенная система взглядов на язык, совокупность взаимосвязанных положений, обусловленных объективным устройством самого объекта — языка. Язык рассматривается в тесной связи с мышлением, как отношение между «означаемым» (содержание, языковые значения, смысл) и «означающим» (выражение, звуковая материя языка, текст). Это отношение раскрывается, во-первых, в виде сложной иерархии единиц, во-вторых, в виде совокупности процессов. Эти процессы в простейшем виде могут непосредственно наблюдаться в отдельном конкретном высказывании — элементарной ячейке социального языкового общения людей. В высказывании обнаруживаются элементарные формы соединения «смысла» и «текста», «означаемого» и «означающего», «значения» и «выражения». Все остальные, более сложные виды соединения «значения» и «выражения» понимаются как разновидности метаморфизма; в основе элементарных функций и всех видов метаморфизма лежит непосредственная связь с говорящим, проявляющаяся в особенностях организации всей языковой системы. Те или иные проявления элементарных языковых функций и их метаморфизма объединяются в типы и тем самым позволяют характеризовать типы языков. Основные элементарные функции и их метаморфизм носят универсальный характер, и та или иная их типическая комбинация предстает как определенная точка на универсальной шкале, при этом между типами языка, охарактеризованными в этом плане, открываются отношения преемственности и развития, синхронная типология становится частью более широкой исторической типологии.

Семиотический подход как подход классифицирующий. По отношению к задаче описания языков мира, т.е. описания каждого конкретного языка и его сравнения — в той или иной системе — с другими языками, семиотический принцип выступает прежде всего как принцип классифицирующий: он позволяет классифицировать известные факты языка в определенной системе, заключающей в себе объяснение, а затем соотнести их с соответствующими (наличными или отсутствующими) фактами другого языка. Например, сравнение романских языков, близких друг к другу генетически, типологически и

ареально, показывает, что между этими языками существуют определенные различия в предложно-падежной системе, причем зачастую трудно сказать, существенны или нет эти различия для построения типологии языков (исконно беспадежная система в испанском; следы двухпадежной системы во французском; двухпадежная система со следами трех- и четырехчленной в румынском и молдавском; особое предложное или предложно-падежное оформление одушевленности в испанском, румынском и молдавском и т.д.). В области фонетики и фонологии известно, что славянские языки можно разбить на две группы — *консонантические языки* (с преобладанием согласных) и *вокалические языки* (с преобладанием гласных).

Семиотика и анализ языка как уровневой системы. Семиотический принцип требует рассматривать язык как многоярусное и многоуровневое устройство — иерархическую систему. Под *ярусом* языка (в этом смысле принят также термин «уровень» в первом значении) понимается аспект языка, имеющий соответствующую одноименную единицу — фонемный ярус, или уровень, с основной единицей — фонемой; морфемный ярус, или уровень, с основной единицей — морфемой и т.д. Под *уровнем* в собственном смысле (второе значение термина «уровень») понимается ступень обобщения и абстракции — уровень наблюдения, типов, конструкторов.

Так, было показано, что фонологические системы всех языков мира имеют некоторую простую и универсальную иерархию фонологических признаков, например противопоставление губного [п] и зубного [т] доминирует над всеми другими возможными противопоставлениями — [п] и [б], [п] и [пх], [п] и [п'] и т.д. Эта иерархия соответствует процессу освоения языка ребенком — например, ребенок усваивает противопоставление [п] и [т] прежде всех других противопоставлений; эта же иерархия в обратном порядке соответствует утрате фонологических противопоставлений при афазии, т.е. противопоставления, лежащие в конце иерархии и приобретаемые ребенком последними, утрачиваются первыми, а основные, универсальные противопоставления типа [п] и [т] сохраняются дольше всего и утрачиваются последними. Очевидно, таким образом, что общие типологические и даже исторические закономерности языка можно в известной мере наблюдать непосредственно в процессе развития речи у ребенка.

Семиотика и описание плана содержания языка. На основе семиотического принципа возможно описание плана содержания языка. Примером может служить следующая линия метаморфизма: глагол состояния > перфект > неопределенное прошедшее >

повествовательное время. Эта схема универсальна: всюду, где есть глаголы состояния, они имеют тенденцию развиваться в перфект, последний — в неопределенное прошедшее и т.д. Обратного процесса — превращения повествовательного времени в неопределенное прошедшее, последнего в перфект, перфекта в лексическую группу глаголов — не наблюдается. Еще одна отличительная черта сигнификативного метаморфизма состоит в том, что его семантическое содержание никогда, по-видимому, не бывает универсальным: группа глаголов состояния есть во многих языках, но в каждом языке она включает в себя различные лексические единицы, даже когда речь идет о близкородственных языках, хотя некоторое количество этих единиц может быть сходным.

Рассмотрим подробнее один пример. В прагерманском языке существовала компактная группа так называемых перфектно-презентных (или претеритопрезентных) глаголов, сохранившаяся в готском и древнеанглийском: *wait* (я знаю), *kann* (я знаком), *ain* (я владею), *daug* (полезно), *skal* (я должен) и др. Презенс этих глаголов представляет собой преобразование индоевропейского перфекта (только в этом смысле, т.е. при посредстве презенса, можно говорить о том, что перфект, в нарушение универсальной схемы, преобразуется в группу лексических единиц — глаголов или наречий); к презенсу был подстроен, уже на германской почве, новый претерит. Сохранение этой группы в таком виде говорит о том, что она образовывала в германском типичный класс глаголов состояния. Среди них имеются по крайней мере два, которые находят прямое соответствие в балтийских языках. Но что представляют собой эти балтийские соответствия? Готское *daug* (полезно) отвечает литовскому *daug* (много) — наречию, которое вообще не относится к глаголу; готское *skal* (я должен) соответствует литовскому *skel(i)* — глаголу с тем же значением. Но последний относится в литовском к классу глаголов состояния на *-ėti* (с индоевропейским суффиксом *-e-*): *skelėti* (быть должным), *gulėti* (лежать), *sedėti* (сидеть) и т.д. (ср. в русском: *сид-е-ть*, *бел-е-ть* и т.д.) и совершенно отличен от специфического класса со значением состояния как результата каузирующего процесса. Этот класс противопоставлен классу со значением каузирующего процесса, причем именно это противопоставление (а не класс на *-ėti*) составляет суть литовской глагольной категории состояния. Ср.: *berti* (сыпать) — *birti* (сыпаться), *skelti* (колоть) — *skilti* (колоться), *traukti* (тянуть) — *trukti* (тянуться, длиться) и т.д.

§ 7. Синхронный и диахронический подходы

Синхрония — состояние языка в определенный момент его развития как системы одновременно существующих взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов; изучение языка в указанном состоянии, т.е. как системы определенных отношений, рассматриваемой в предельном отвлечении от фактора времени или языковых изменений.

Диахрония — историческое развитие языковой системы как предмет лингвистического исследования; исследование языка во времени, в процессе его развития на временной оси.

В методике лингвистического исследования особенное внимание уделяется проблеме языкового изменения, без решения которой невозможно адекватное познание закономерностей исторического развития языка. Среди связанных с ее рассмотрением понятий центральное место занимают понятия синхронного и диахронического подходов, образующие известное противопоставление, одинаково важное как для генетических, так и для типологических и ареальных исследований. Несмотря на то обстоятельство, что противопоставление этих подходов впервые наметилось, по-видимому, еще в трудах В. Гумбольдта, А. Мартине, а затем было эксплицитно сформулировано Ф. де Соссюром, подлинное его содержание по сей день остается предметом дискуссий.

Объект исследования. Различие синхронного и диахронического подходов к описанию языков состоит не в объекте исследования, остающемся тождественным самому себе (в его качестве всегда выступает язык как развивающаяся система), а в разных способах рассмотрения этого, по существу, единого объекта. Оба они входят в методический арсенал единой науки о языке, а не формируют, как это представлялось в свое время де Соссюру, две взаимообусловленные лингвистики — синхронную и диахроническую.

Лингвистические описания, построенные на строго выдержанной синхронной или диахронической методике исследования, распространены достаточно широко. К оптимально синхронным описаниям должны быть, например, причислены все грамматики начиная с памятников древнеиндийской филологической традиции (IV в. до н.э.) и кончая образцами так называемой «рациональной», или общей, грамматики XVII–XVIII вв. Многочисленные же описания конкретных языковых изменений, произведенные языковедами XX столетия, могут быть отнесены к чисто диахроническим. Языкознание несколь-

ких последних десятилетий характеризуется заметным преобладанием строго синхронных лингвистических описаний, обусловленным, в частности, большими успехами прикладной лингвистики, вследствие которых появилась возможность автоматической обработки языкового материала. Поскольку факт соотнесенности такого описания с состоянием языка в настоящем или в прошлом не имеет принципиального значения, всегда существует возможность синхронных описаний древних языков. В наше время начинает складываться новая отрасль диахронических исследований, ставящих своей задачей предсказание языковой эволюции в будущем. В основе соответствующей процедуры лингвистической экстраполяции лежит изучение конкретных тенденций развития языка с учетом реальных возможностей языковой типологии.

Вместе с тем во многих работах, независимо от того, носят они синхронный или диахронический характер, оба способа описания языка оказываются во взаимодействии. Так, синхронное описание того или иного состояния языка нередко реализуется не в виде какого-то моментального фотографического снимка, а в соотношении с более или менее продолжительным периодом развития, с учетом и фактов языковой эволюции.

Аналогичным образом может существенно варьироваться временная перспектива диахронического описания языка, поскольку период, на протяжении которого рассматриваются изменения, может быть и весьма ограниченным (что чаще имеет место в лексикологических исследованиях), и сколько угодно длительным (например, объектом диахронического описания могут стать различия между латинским языком определенного периода и современным французским). Сказанное лишней раз свидетельствует о том, что разграничение синхронного и диахронического описания едва ли возможно провести в шкале абсолютного времени. Тем не менее описание должно быть признано безусловно синхронным, если при всех диахронических «отступлениях» оно ставит в центр своего внимания языковую статику. И наоборот, диахронический характер описания не будет нарушен, если при сосредоточении внимания на языковых изменениях в поле зрения исследователя попадут те или иные элементы его статики.

Выбор принципа описания. Необходимость синхронного или диахронического описания языка диктуется отнюдь не удобством рассматриваемого материала для того или другого, как это иногда представляется, а целенаправленностью конкретного исследования. Вместе с тем нельзя отрицать и то, что существует ряд объек-

тивных факторов, способствующих применению того или другого метода или затрудняющих его. Так, отсутствие у языка достаточно старой письменной традиции или родственных языков, несомненно, ограничивает возможности диахронического исследования. Наличие же старописьменной фиксации языка создает особо благоприятные условия и для синхронного рассмотрения его состояния в ту или иную эпоху прошлого. Несомненно, что периоды существенной перестройки языковой структуры оптимальны для диахронического подхода и осложняют строго синхронный, который облегчается наличием лишь минимальных изменений. Следует учитывать, что в плане перспектив исследования имеет значение и специфика отдельных сторон языковой системы. Так, при прочих равных условиях диахронические методы, по-видимому, легче применимы в лексикологии, труднее — в грамматике и еще труднее — в фонологии. Это обстоятельство связано с тем, что разные подсистемы языка имеют не вполне одинаковый масштаб времени изменений. Мы можем, например, с точностью до года провести синхронный разрез через русскую лексическую подсистему таким образом, чтобы в ней уже был термин «холодная война», но еще не было слова «целиник», однако не можем с точностью даже до полустолетия провести такой синхронный разрез через русскую фонетическую подсистему, когда глухие согласные уже пали, но ставшие конечными звонкие еще не были оглушены, т.е. когда существовали звучания типа *zub*, *rod*, *krug*, *muz*.

§ 8. Уровневый подход

Ур о в н и я з ы к а — подсистемы общей языковой системы, каждая из которых характеризуется совокупностью относительно однородных единиц и набором правил, регулирующих их использование и группировку в различные классы и подклассы.

Описание на фонологическом уровне. Фонологический аспект описания языков предполагает использование, во-первых, критерия простоты, во-вторых, нефонологических аргументов при принятии фонологических решений. Обычно простота описания на этом уровне понимается как экономия инвентаря единиц, в терминах которых осуществляется описание. Однако речь в таких случаях идет не об относительном количестве фонем, а о количестве различительных

признаков, используемых в фонологической модели. Кроме того, показателем простоты описания является характер и количество правил, регулирующих переход от фонологической записи к фонетической. Второй из упомянутых выше критериев — относительно использования в фонологии нефонологических аргументов — представляется более серьезным, о чем свидетельствует вся история фонологии. При этом существенность такого критерия, как тождество или различие в значении между словами, звуковой состав которых подлежит описанию, признается всеми и образует исходный постулат фонологии как науки о смысловоразличительных функциях единиц языка.

Помимо семантического критерия в фонологических описаниях важную роль играют морфологические факторы. Данное положение, однако, не так очевидно, как можно было бы себе представить. Именно здесь наблюдается принципиальное расхождение как между отдельными учеными, так и между целыми фонологическими школами. В зависимости от того, как исследователь понимает соотношение фонологии и морфологии, он по-разному решает целый ряд кардинальных вопросов фонологического описания языка и прежде всего проблему тождества фонем.

Рассмотрим несколько примеров. В норвежском и шведском языках имеются альвеолярные согласные *t*, *d*, *n*, которые встречаются как внутри морфемы (например, *kort* — короткий), так и в сандохальной позиции (например, *under taket* [unde ta:ket] — под крышей). Во всех этих случаях альвеолярные согласные функционально эквивалентны сочетанию «*r* + дентальный» и интерпретируются как бифонемные комплексы, хотя альвеолярность в *t* фонетически неотделима от смычности и глухости. Можно сформулировать общее правило: элементы, участвующие в образовании звука, являющегося одной фонемой, а не сочетанием фонем, не могут быть по разные стороны стыка слов. Это правило сопровождается важной оговоркой, что стык слов, т.е. граница, — не обязательно фонетическая реальность, хотя функционально она всегда релевантна. Альвеолярность *t* в *under taket* — это отпечаток элиминированной альвеолярной фонемы *r*. Следовательно, элемент альвеолярности не принадлежит начальной фонеме слова *tak*, а находится по другую сторону словесной границы. Но альвеолярность сама по себе не может образовывать сегментной единицы, поэтому она кумулируется в *t*, образуя двучленную фонологическую единицу. Именно фонологическая (не фонетическая) двучленность *t* позволяет локализовать границу внутри этой единицы. Что касается бифонемности внутриморфем-

ного *l*, то она подтверждается чередованием *l* с сочетанием *ll*, которое появляется при старательном произношении.

Описание грамматического уровня. Использование грамматической основы описания языков означает, что здесь на первый план выходит структура слова, которая описывается в плане качества составляющих элементов. Первый вопрос, на который приходится дать ответ, таков: равна или не равна форма слова какому-нибудь из составляющих элементов. Или в иной формулировке: совпадает ли в своих звуковых границах корневая или аффиксальная морфема с отдельным словом, существующим в данном языке. Для флективных языков совпадение корневой морфемы по своим звуковым границам с основой слова или с одной из парадигматических его форм наблюдается относительно редко, но для языков агглютативного типа, в особенности аналитических, это довольно частое явление. В турецком языке звуковой комплекс *tat*, образующий корневую морфему, одновременно является основой для глагола *tatmak* (пробовать) и формой неопределенного падежа для существительного *tat*, а в парадигме глагола он будет формой 2-го лица единственного числа повелительного наклонения. В английском языке корневая морфема *light* в своих звуковых границах совпадает с основой глагола *to light* (зажигать), с основой существительного *light*. В системе имени существительного она служит формой общего падежа единственного числа, а в системе глагола представляет ряд омонимичных личных форм.

Следующий этап — описание техники соединения элементов слова, например непосредственное соединение или соединение при помощи различных «прокладок». Так, в китайском языке аффиксы механически соединяются с основой. Граница между морфемами видна отчетливо. При этом в случае наличия ряда аффиксов (глагол одновременно может иметь два видовых аффикса) за каждым закрепляется определенное место. Например, в *каньгола* (смотрел, приходилось смотреть) поменять местами *-го* и *-ла* нельзя. Поэтому следующая задача анализа — описание структуры слова со стороны количества соединяемых элементов. Причем следует дать ответы на вопросы: а) сколько может быть морфем корневых? б) сколько может быть морфем аффиксальных как типа П¹, так и типа П²? в) где аффиксальные морфемы расположены по отношению к морфеме корневой и какова их последовательность?

Разнообразие структур слова в языках мира требует для их сопоставления правильного выбора «единицы измерения», при помощи которой проводится расчленение изучаемого материала. Использование морфем с учетом их типологических и функциональных характеристик помогает определить основные модели строения слова.

Описание на лексическом уровне. Следующий уровень, на котором происходит применение техник описания языков мира, — это уровень лексики. В мировой лингвистической практике хорошо известен опыт описания по компилятивному принципу, являющийся основой для различных справочных изданий. Такие описания охватывают как группы родственных языков, так и более широкие, объединяемые общностью территории (например, «языки Юго-Восточной Азии»), государственными границами (например, «языки народов России»). Но и внутри данного типа описаний более дробное подразделение все равно производится по признаку генетической близости. Лексика при этом расценивается как неконечное множество (что неизбежно при общей историко-эволюционной ориентации описаний), в котором выделяются пласты по происхождению, определяется степень развитости терминологии тех или иных областей хозяйственной и духовной жизни. Важную роль в таких описаниях играют ареальные закономерности, отражающие языковые контакты, заимствования, явления интерференции и смешения языков.

Описание на уровне семантики. Задача создания унифицированного описания большого числа языков («языков мира», или всей лингвистической ойкумены), которое бы не только преследовало справочные цели, но и позволяло извлечь новую информацию о самих языках, заставляет лингвистов искать соответствующую основу. Подобной основой может быть, например, контенсивная типология. Единицами сравнения при контенсивно-типологическом подходе являются типы языков и дифференциальные их признаки. Для перенесения принципов контенсивно-типологического описания в сферу лексики следует прежде всего решить вопрос о специфической единице на этом уровне языковой структуры. Такой единицей не может быть слово, обнаруживающее максимум расхождений между языками. Но ею не может быть и чисто логическое понятие, которое в случае его использования в качестве основы для сравнения далеко не всегда дает возможность выявить национальную языковую специфику.

Одним из наиболее простых (но не в отношении его реализации, а с точки зрения самого принципа) представляется следующее решение этого вопроса: за единицу унифицированного описания лексики нужно взять *элементарное значение*; некоторый систематизированный набор таких значений образует семантический метаязык, способный служить универсальным эталоном описания словарного состава языков мира. Идея семантического метаязыка, безусловно, привлекательна, поскольку он позволяет интерпретировать языки с единой

точки зрения, описывать «все языки как один язык». Конечно, некоторое нивелирование национальной специфики при этом, очевидно, будет происходить, но им можно пренебречь.

Основой классификации при таком подходе выступают те или иные *поля*, необходимые для оценки результатов проделанной работы по структурному описанию различных сфер словарного состава языков. А вот группировать данные исследования можно по разным принципам: разбить их на синхронические и диахронические или разделить по характеру изучаемых групп слов — семантические поля (например, поле «радости»), лексико-семантические группы (например, группа слов со значением «изменение»), тематические группы (например, «наименования птиц»), синонимические ряды (например, ряд с инвариантным значением «храбрый»), ономазиологические группы (например, выражение понятия «время» существительными в русском языке).

Что касается границ применимости метода поля, то, относясь к сфере лексической семантики и охватывая главным образом общеупотребительную лексику, он помещается в одном ряду с близкими к нему методами, которые можно в совокупности представить шкалой постепенных переходов: метод поля (лексическая семантика) > слова и вещи (реалии, предметы материальной культуры) > контент-анализ (цикл гуманитарных и социальных областей) > технические тезаурусы (точные науки). На одном конце этой шкалы — собственно языковые понятия, связанные с семантическим полем, на другом — научные, чисто логические понятия.

Глава 3

Парадигмы-доминанты и парадигмы-маргиналии в современном языкознании

(вторая половина XX — начало XXI в.)

§ 1. Формирование парадигмального знания о языке в XX в.

Парадигма — 1) строго научная теория, воплощенная в системе понятий, выражающих существенные черты действительности; исходная концептуальная схема, модель постановки проблем и их решения, методов исследования, господствующих в течение определенного исторического периода в научном сообществе; 2) любой класс лингвистических единиц, противопоставленных друг другу и в то же время объединенных по наличию у них общего признака или вызывающих одинаковые ассоциации, чаще всего — совокупность языковых единиц, связанных парадигматическими отношениями; модель и схема организации такого класса или совокупности; система форм одного слова.

В.И. Вернадский об истории науки. Академик В.И. Вернадский (1863—1945) писал: «История науки должна критически составляться каждым научным поколением, и не только потому, что меняются запасы наших знаний о прошлом, открываются документы или находятся новые приемы восстановления былого. Нет! Необходимо вновь перерабатывать историю науки, вновь исторически уходить в прошлое, потому что благодаря развитию современного знания в прошлом получает значение одно и теряет другое. Каждое поколение научных исследователей ищет и находит в истории отражение научных теорий своего времени. Двигаясь вперед, наука не только создает новое, но неизбежно переоценивает старое, пережитое».

Конечно, бывает трудно избежать субъективности и некоторой односторонности, потому что многие теории, гипотезы, взгляды, предположения, выдвинутые лингвистами даже за сравнительно короткий в рамках исторического времени период, нередко оказываются дис-

куссионными, спорными, получали и получают неоднозначную оценку. Для современной лингвистики также характерно множество выдвинутых концепций, сопоставление которых с концепциями начала и середины прошлого века показывает, что лингвистика начала нового тысячелетия переживает становление новой системы идей и представлений. Чтобы обеспечить внутреннее единство различных взглядов, гипотез и идей, в конце 1950-х гг. было выдвинуто понятие научной парадигмы.

Т. Ку́н о научных революциях. Книга американского историка науки Т. Куна (1922—1996) «Структура научных революций» (1961, рус. перев. 1975), анализирующая понятия «парадигма», «нормальная наука», «научная революция», «научное сообщество», вызвала не только огромный интерес среди ученых, но и различные интерпретации этих понятий. Понятие парадигмы у Куна сводилось к следующей формулировке: «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу... парадигма — это то, что объединяет членов научного сообщества, и наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму».

Отсюда проистекают различие, различение, разграничение и противоречия между условно доминирующими парадигмами и парадигмами, которым в какой-то конкретный момент существования науки отводятся маргинальные позиции. В.З. Демьянков предлагает считать такими условно доминирующими парадигмами те, которые «на слуху» у специалистов в данный конкретный отрезок времени, которые часто упоминаются (пресловутый американский «индекс цитирования») и оказывают позитивное влияние на ход развития данной научной дисциплины. В этом смысле они противостоят теории-маргиналии — малоупоминаемой или вовсе остающейся неизвестной. Разумеется, то, что сегодня считается доминирующим, завтра может уйти в небытие. Возможно, в принципе, и противоположное: когда безвестная при жизни создателя теория вдруг овладевает умами исследователей после его смерти. Итак, доминирование меняется со временем под давлением внешних и внутренних обстоятельств. Внешние обстоятельства — это то, что иногда именуют «социологией науки» и что связано с «научным бытом» лингвистов, с технической и издательской оснащенностью, с межличностными отношениями людей науки. Существенны в этой связи не только собственно межличностные отношения, контакты, симпатии и антипатии, отношения «учитель—ученик», «начальник—подчиненный», но и межгруппо-

вые — отношения между научными коллективами, школами, и межинституциональные (скажем, между разными кафедрами или университетами), межгосударственные (между научными школами, например России и США) и даже межконтинентальные (отношения между европейской и американской лингвистиками относятся к числу наиболее часто упоминаемых).

Семиосферы науки Ю.М. Лотмана и бриколаж К. Леви-Строса. По словам Ю.М. Лотмана, мы имеем дело с субсемиосферами одной единой семиосферы науки, ее неоднородностью, при которой «на временной оси соседствуют subsystemы разной скорости их циклических движений... семиологическое пространство заполнено свободно передвигающимися обломками различных структур, которые, однако, устойчиво хранят в себе память о целом и, попадая в чужие пространства, могут вдруг бурно реставрироваться... семиотические системы проявляют, сталкиваясь в семиосфере, способность выживать и трансформироваться и, как Протей, становясь другими, оставаться собой, так что говорить о полном исчезновении чего-либо в этом пространстве следует с большой осторожностью». В этой же связи уместно будет вспомнить и принцип бриколажа К. Леви-Строса — правда, это будет звучать несколько резко по сравнению с элегантною метафорой семиосферы Лотмана, но, по сути, зачастую происходящее в науке, особенно в лингвистике, может быть описано именно на этом метаязыке: правило таких бриколажей — всякий раз обходиться подручными средствами и включать в новую структуру приспособленные к делу остатки старых, не тратя сил на специальное изготовление составляющих и осуществляя вместо этого двойную операцию анализа — извлечения различных элементов из уже имеющихся комплексов — и синтеза — создания из этих разнородных элементов нового целого, где, вообще говоря, ни один из реутилизированных элементов может не получить своей исходной функции. В такой типично «структуралистской» деятельности некоторый дефицит производства восполняется чрезвычайной изощренностью в перераспределении остатков текстов, упрощенных до отдельных тем, мотивов, ключевых слов, сквозных метафор, цитат, выписок, ссылок. Следующий шаг — новое соединение старых элементов, когда происходит непрерывное переворачивание, инвертирование знака и смысла: нужно создавать новый смысл из чужого произведения, но также и свое собственное произведение из этого смысла.

Познание в мире традиций. Возможно, именно в таком процессе кроется тайна прогресса познания в мире традиций. Смыслу слова «традиция» присущи трудноуловимые коннотации, позволяющие вы-

разить вовлеченность человека-ученого в коллективный опыт деятельности, в частности деятельности научной, личную заинтересованность в самом процессе творческого освоения мира по уже существующим вне его схемам, нормам и идеалам. Причастность к традиции дает ее стороннику лекарство против экзистенциального страха, смягчает рискованность его действий, обеспечивает ему известную долю успеха, но при этом ставит под вопрос ценностные характеристики полученного знания: «новое» знание может и не приблизить к какой-либо разумной цели, в то время как «старое» — оказаться вполне удовлетворительным и далеко не исчерпанным в практическом применении.

По мере того как интересы лингвистов все больше концентрировались на изучении роли человека в языке, возникала необходимость в создании нового метаязыка, позволяющего включить в рассмотрение новые объекты, чтобы двигаться вперед, провоцируя переосмысление допущений, ставших уже рутинными. Ведь именно тогда, когда мы думаем, что знаем точный смысл слова, когда его употребление перестает вызывать споры и дебаты, нам особенно нужны новые слова и новые концепции или, возможно, новые конфигурации и интерпретации уже существующих идей. Задаваясь вопросом о том, откуда берутся понятия нового метаязыка и новая методология, мы вынуждены признаться самим себе, что, как правило, они не сочиняются заново, а заимствуются, чаще всего из смежных наук. В последнее время, однако, в эпистемологии лингвистики наблюдается иная тенденция, а именно расширение списка разрешенных к постановке проблем за счет анализа самого естественного языка как основной формы фиксации наших знаний о мире, равно как и источника этих знаний. Прочитируем изящный афоризм И.Д. Левина: «Если философия дает обязательные ответы на обязательные вопросы, то наука (resp. лингвистика) дает обязательные ответы на необязательные вопросы». Несомненно одно: в лингвистической парадигме рубежа веков «яркие теории» вытесняют установки на методы описания.

«Новояз» или «новодел». Следует попытаться предварительно ответить на вопрос: с чем мы имеем дело в *новых* современных исследованиях — с «новоязом» или «новоделом»? Если речь идет о «новоязе», то мы должны допустить, что сталкиваемся со стилистическими особенностями (например, терминологического характера), особой (возможно, эзотерической) речевой практикой или особым языком. В этом случае «новояз» имеет все черты функционального стиля (отбор элементов, из которых складывается стиль, репертуар форм, определенная фразеология, отчетливое предпочтение в выбо-

ре лексики, в том числе терминологии), являясь, по сути, квазиязыком, поскольку его основная задача состоит лишь в переформулировании, переописании уже имеющегося знания новыми (иными) языковыми формулировками.

Если же речь идет о «новоделе», то мы сталкиваемся со специфическим процессом мыслительной деятельности, свободной, в отличие, например, от проектирования, от строгого подчинения средств цели. Происходит скорее противоположное: интенция мысли определяется рекомбинацией, на манер калейдоскопа, образов-символов, метафор, появившихся в результате прошлой деятельности.

Возьмем на себя смелость утверждать, что на современном этапе эволюции лингвистического знания (в рамках западноевропейского культурного ареала) исследователь использует одну из описанных возможностей, об эвристическом потенциале языкознания говорить пока не приходится, так же как и о статусе лингвистики как *pilot-science* (в отличие от ситуации начала XX в. или 1960-х гг.).

О пересмотре традиционных проблем языкознания. В современной лингвистике активно идет процесс рассмотрения и пересмотра, переосмысления традиционных проблем языкознания в свете «новых парадигм» знания. К концу XX в. появление этих парадигм привело в лингвистике к тому, что многие традиционные для этой науки проблемы предстали перед исследователями в новом свете, и, конечно, в их решении наметились существенные изменения, не говоря уже о том, что каждая парадигма знания приносит с собой новые проблемы и всегда дает обществу новые модели их постановки и рассмотрения. В этой связи представляется весьма целесообразным в каждом конкретном случае обращения к той или иной методологии, методике, методу исследования — традиционных или инновационных, основных или вспомогательных, доминирующих или маргинальных — пытаться осмыслить то новое, что они приносят в анализ вполне определенных проблем, но также и то, от чего, собственно, они отталкиваются, что входит в их предпосылочное знание об изучаемом объекте или явлении, как и то, что именно не удовлетворяло их в его рассмотрении. Сталкиваясь почти всегда с борьбой мнений по поводу эффективности того или иного подхода к рассматриваемому явлению, можно объективно оценить его значимость лишь тогда, когда совершится обращение к конкретному материалу и когда о его достоинствах и недостатках будут судить по тому, к каким результатам он привел в описании объекта. Надо помнить о следующем: специфика научного знания (в частности, западноевропейского) состоит в том, что предтечи того или иного фрагмента знания всегда содержатся

в синкретическом предзнании, представленном в культуре. Например, Н. Хомский выводил свою «порождающую грамматику» из предьей Р. Декарта. Но при всем том — и это главное — фрагменты знания не образуют никогда новой системы, а самые правильные предвидения не могут приравниваться к тщательной обработке эмпирических данных, приводящих к обнаружению неизвестных ранее свойств. Неоспорим также тот факт, что основные открытия совершаются в науке на стыке разных дисциплин. Уже это свидетельствует о важности проблем, рассматриваемых сразу в нескольких областях знания. Хотя на разных этапах своего развития связи наук принимали различный характер, а отдельные науки то сближались, то, наоборот, расходились, требование междисциплинарных исследований задач сохраняется и сегодня. В качестве примера укажем на то, что многие плодотворные идеи методологического и методического плана в парадигме деконструкции текста Ж. Деррида осуществились на стыке философии (феноменологии) и лингвистики (генетической критики текста). При междисциплинарности подхода становится возможным увидеть новые объекты анализа, новые аспекты существования и функционирования изучаемых сущностей, а главное — новые возможности объяснения фиксируемых наблюдений и фактов. Иначе говоря, это способствует распространению тенденции антропоцентризма, заставляя подходить по-новому к оценке человеческого опыта, к результатам чисто человеческого осмысления мира как субъективно и прагматически ориентированного; позволяет по-новому оценить роль языка во всей речемыслительной деятельности человека, дискурсивной деятельности разных типов и особенно привлечь внимание к языку как обеспечивающему доступ ко многим непосредственно не наблюдаемым процессам ментального, мыслительного, познавательного характера, т.е. к процессам концептуализации и естественной категоризации мира. Это, по сути, характеризует одновременно и в равной степени как сам феномен языка, так и пути и способы познания мира, особенности восприятия действительности и специфику чисто человеческой переработки информации, приходящей к человеку извне, но классифицируемой и категоризируемой внутри его сознания и, конечно же, с помощью языка. Мы можем предположить, что целый ряд онтологических категорий и главных концептов человеческого бытия предшествовали языку, как предшествуют и сегодня акту описания или же обозначения ситуации ее осознание, оценка, осмысление и т.д. Но только язык способен объективировать все эти процессы, ибо, вербализуя и, так сказать, материализуя формирующиеся концепты и концептуальные структу-

ры, он придает им определенную завершенность и ставит в соответствие внутренней репрезентации воспринятого или задуманного свои знаковые символичные заместители. Поэтому в поступательном развитии лингвистики в XX в. междисциплинарный характер ее установок сыграл исключительную роль: отдельные дисциплины — литературоведение и психология, математика и логика, философия и педагогическая методика, социология и семиотика, политология и риторика — работали рука об руку и поддерживали друг друга. Постоянные перекрещивания, челночные операции, заимствования то из одной науки, то из другой служили взаимообогащению наук и в этом процессе взаимовлияния науки попеременно предоставляли друг другу не только доказательства продвижения по верному пути, но и, что не менее важно, способы и средства объяснения наблюдаемого. В качестве примера можно привести взятое из психологии понятие прототипов, которое затем было положено в основу целого направления современной семантики, или же аналогичную историю с понятием фреймов. Необходимо также привести примеры обратной связи, которые можно усмотреть в том, как понятия, рожденные в русле лингвистики, помогли понять особенности когниции, т.е. всех тех познавательных процессов, которые наблюдаются у человека и характеризуют работу его сознания (метонимии и метафоры, ментальные пространства и их совмещения и пр.). Что касается общих закономерностей эволюции современного лингвистического знания как парадигматического образования, то можно, как предлагает Е.С. Кубрякова, выделить следующие отличительные его черты:

- синтез собственно языковедческих идей, ориентированных на постижение деятельности человеческого разума в его связи с языком, с идеями коммуникативной лингвистики (лингвистики прагматически ориентированной и дискурсивной), а также с идеями семиотического порядка;

- преемственность парадигматических подходов XX в., как отечественных, так и западноевропейских, расширяющихся в последнее время за счет привлечения парадигматических установок ближневосточного и дальневосточного культурных ареалов;

- разумное сочетание требований формальной строгости описания с используемыми в нем функциональными объяснениями;

- многофакторный анализ каждого изучаемого языкового явления по его роли для осуществления как познавательной, так и коммуникативной деятельности, а потому — следование принципу системности, согласно которому изучаемое явление должно быть описано по его месту относительно не только самой языковой сис-

темы, но и более «высоких» систем, частью которых является сам язык.

§ 2. Генеративная лингвистика

Генеративная лингвистика — одна из ветвей формального направления в лингвистике, возникшая под влиянием идей Н. Хомского в 1950—1960-х гг.

Становление генеративной лингвистики. Становление и бурное развитие этого направления связано с именем Н. Хомского. Суть его состояла в замене таксономического подхода генеративным. До этого момента, прежде всего в США (в меньшей степени в Европе), акцент делался на дистрибутивном анализе — основном приеме дескриптивной лингвистики. *Дескриптивная лингвистика* — одно из направлений американского языкознания, возникшее и активно развивавшееся в 1930—1950-х гг. в общем русле структурной лингвистики, наряду с *глоссематикой* и *Пражской лингвистической школой*. При этом американское направление имело ряд существенных отличий от европейских школ структурной лингвистики, поскольку отражало специфические философские и языковые условия развития языкознания в США: распространение теорий позитивизма, прагматизма и бихевиоризма; традиционное изучение языков коренного индейского населения; актуальность проблем, связанных с разнородными группами иммигрантов. На передний план вышли абстрактные системы формальных правил, позволявших определять лингвистические понятия и устанавливать свойства воплощений таких систем. В центре внимания оказались методологические принципы оценки систем формальных правил в качестве оптимальных средств прогнозирования и объяснения грамматических фактов: адекватное грамматическое объяснение фактов (синтаксическая неоднозначность, грамматические отношения, эллипсис, грамматическое согласование, ударение и т.д.). Был создан новый метаязык — язык процедур — для формализации грамматических теорий. «Хомскианская революция» победила, поскольку дескриптивизм был не в состоянии решать подобные задачи.

Основные положения трансформационной порождающей грамматики. Сегодня, при подведении некоторых итогов, становится возможным сформулировать некоторые действительно принципиальные положения трансформационной порождающей грамматики, которые

обеспечивают ей приоритет в лингвистике со второй половины XX в. по сей день.

- Грамматика языка задается как формальная автономная система. Научный «переворот», связанный с трансформационной порождающей грамматикой, состоит в стремлении не только изучать язык, но и устанавливать свойства грамматики языка как формального объекта, обладающего психологической реальностью в жизни человека.

- В трансформационной порождающей грамматике воссоздано положение грамматики Пор-Рояля, формулируемое так: предложения обладают внутренней структурой, связанной с мыслью, и внешней структурой, отражающей произношение и написание. Поэтому все языки обладают одной и той же внутренней структурой, различаясь только по внешнему облику своих предложений. Внутренняя сложность грамматических правил заставляет принять, что универсальные свойства языка вообще заложены в человеке от рождения, деталями же знание конкретного языка обростает в результате своеобразного лингвистического эксперимента человека над речью, т.е. универсальный каркас, обогащаясь деталями, предопределяет и диапазон варьирования языков, общие механизмы «универсальной грамматики» выявляют врожденную человеку способность усваивать человеческий язык. Усваивая родной язык, ребенок делает не все возможные, а только вполне определенные виды ошибок, поэтому для овладения родным языком человеку достаточно провести серию экспериментов над очень ограниченным речевым материалом, используемым лишь для вычисления параметров данного языка. Параметризация состоит в установлении того, как конкретизирована та или иная переменная в универсальной грамматической схеме человеческого языка, например какова позиция подлежащего (фиксирована она или нет), есть ли согласование, допустим ли эллипсис местоименного подлежащего.

- Модульный подход к объяснению сложных языковых явлений состоит в том, что каждая система человеческого поведения, в том числе и языковая система, есть автономный модуль, регулируемый своими наборами принципов. Модуль «языковой способности», полностью предопределяемый врожденными ограничениями, сильно сужает набор потенциальных формальных объектов, которые могут претендовать на статус грамматики естественного языка.

- Языковые способности человека объяснимы, хотя бы частично, через структуру языковых репрезентаций. Главная цель теории грамматики состоит в объяснении (по крайней мере в собственно лингвистическом аспекте) уточненной их структуры, а лингвистика

представляется как раздел теоретической, точнее когнитивной, психологии.

§ 3. Интерпретационная семантика

Семантика — 1) все содержание, информация, передаваемые языком или какой-либо единицей языка; 2) раздел языкознания, изучающий это содержание, информацию; 3) один из основных разделов семиотики.

Становление интерпретационного подхода. Интерпретационный подход к языку явился в лингвистике второй половины XX в. возрождением аристотелевского подхода в методологии науки. Наука стала рассматриваться скорее как интерпретативное занятие: теория языка связывается в этом случае в первую очередь с проблемами значения, коммуникации и перевода. На передний план выходят: феноменология, особенно в связи с работами А. Шютца; критическая теория, представленная трудами Ю. Хабермаса; герменевтика, развиваемая в трудах Х.Г. Гадамера и П. Рикёра. Внимание лингвистов привлекли сравнительно новые подходы в социологии и смежных науках — этнометодологии, теории структурирования и теории практики.

Основные положения семантической теории. Интерпретационную семантику представляют по образу и подобию семантической теории в математической логике: каждому виду семантического выражения приписывают единицу — скажем, множество, истинностное значение, функцию и т.д. Данная теория предлагает рассматривать семантическую интерпретацию непосредственно в рамках речи, без опосредования репрезентациями для значения языковых конструкций, что особенно актуально для так называемой процедурной семантики.

В семантической теории находит продолжение герменевтический подход к языку как результату исторического накопления: история языка является образцовым объектом для интерпретирования, а потому филологический анализ в широком смысле состоит в переосознании, или переузнавании, того, что именно мы знаем о языке. Такая процедура углубления понимания, или обобщения знания, выглядит как реконструкция: понять языковую структуру — значит аналитически проинтерпретировать смысл достигнутого осознания того, что воплощено в грамматических фактах. Получаемое описание оказывается внутренне непротиворечиво.

Интерпретационный подход предполагает описание и объяснение структур человеческого опыта, которые рассматриваются как субъективные процессы интерпретации — как если бы значение добавлялось индивидом (интерпретатором) к объективно существующим вещам и событиям в мире; культура же трактуется как унифицированный набор субъективных интерпретаций, по которым имеется взаимное согласие людей — носителей культуры; именно поэтому оправданным является изучение *картины мира* через понимание речи.

§ 4. Логический анализ языка

Логическое направление в языкознании — совокупность течений и отдельных концепций, изучающих язык в его отношении к мышлению и знанию и ориентированных на те или иные школы в логике и философии.

Логическая грамматика. Данное направление общей теории языка занимается методами описания искусственных и естественных языков, связанными с типизацией языка, представляющими собой синтез идей Й. Бар-Хиллела на основе результатов, полученных ранее польскими логиками и философами С. Лесьневским и К. Айдукевичем.

Подход К. Айдукевича, в свою очередь, сложился под влиянием Э. Гуссерля, предложившего способ грамматического анализа, основанный на следующем: каждый элемент словаря языка отнесен к одной или к нескольким категориям, так что каждая категория является либо базисной, либо определяемой комбинаторным путем через другие, более простые (в зависимости от того, с элементами каких категорий данная категория может сочетаться при образовании цепочек некоторой заданной категории); в итоге получается бесконечная иерархия прозрачно упорядоченных категорий.

Проблематика направления. В эмпирическую проблематику логического направления входит установление: 1) набора примитивных (базисных) и производных категорий, необходимых для описания и объяснения естественных языков, их синтаксиса и семантики (а также фонологии, морфологии и т.д.); 2) операций, необходимых для описания и объяснения естественных языков в синтаксисе, семантике, фонологии, морфологии и т.д.; 3) отношений между категориями и операциями.

Грамматика Монтегю. Важнейшей практической реализацией общей теории явилась «грамматика Монтегю». Р. Монтегю стремился

создать универсальную грамматику не в смысле лингвистики, т.е. не грамматику, подходящую для всех реальных и потенциальных человеческих языков, а теорию синтаксиса и семантики в первую очередь всех известных искусственных языков логики и только во вторую — естественных языков.

Центральная идея Монтегю: естественный язык в существенных своих свойствах не отличается от формализованных. Монтегю разработал своеобразный алгебраический способ задания соответствий между формой и содержанием в языке, тем самым расширив сферу и методы логики и дав естественному языку инструменты для формулирования аксиоматической теории, позволяющей понять, какую именно работу следует проделать, чтобы описать семантические свойства той или иной конструкции.

§ 5. Функциональная лингвистика

Функциональная лингвистика — совокупность школ и направлений, возникших как одно из ответвлений структурной лингвистики, характеризующихся преимущественным вниманием к функционированию языка как средства общения.

Функциональный подход к языку. Функционализм явился наследием структурализма. Он воплотил идею значимости в терминах *ролей*. Исполнителями этих ролей бывают люди (коммуникативный функционализм) или части выражения (формальный функционализм, воплощенный в различных формальных описаниях языка и речи).

При функциональном подходе язык изучается под углом зрения своей роли в человеческой коммуникации и рассматривается как система такой коммуникации, а не как бесконечное множество структурных описаний предложений. Главная функция языка — инструментальная: язык есть инструмент речевого взаимодействия людей. Данный подход ориентирован на описание языка с точки зрения типов речевой деятельности и типов конструкций, используемых в ней. Лингвист стремится только констатировать взаимодействие синтаксиса, семантики и прагматики. Функциональные теории занимаются системами, а не реальным поведением, в центре их внимания находятся средства, используемые языками для указания на ситуации и их участников в дискурсе.

Основные постулаты функционального подхода к языку. Языки рассматриваются как инструменты для выполнения своих функций:

форма инструмента отражает эти функции, подчиняясь их императивам. Структурированы языки так, чтобы годиться на выполнение этих функций, в иерархии которых главной является функция сообщения, лежащая в основе всех остальных функций; части сложных структур языка обладают различной значимостью, важностью, предопределяемой функциями этих частей.

Функциональный подход — это, по сути, форма объяснения, промежуточная между формулированием законов (подобных законам природы) и рациональным культурологическим объяснением (традиционно принятым для событий культуры). Иначе говоря, это компромисс между различными способами объяснения.

В языкознании функциональное объяснение развивалось и в диахронических исследованиях (например, А. Мартине), и при описании синтаксической структуры (Т. Гивон, С. Куно и др.).

Функциональная грамматика. Функциональный подход в грамматическом описании упрощает грамматику, делая ненужными многие ее искусственные формальные приемы. Актуальными остаются принципы восприятия и межличностного взаимодействия, работающие даже за пределами языка. Как прагматические факторы, они служат аргументами в пользу того или иного устройства грамматики, представляющей структуру в виде функций. При таком интегративном подходе каждый элемент описания выполняет определенные функции в рамках системы языка.

В функциональной грамматике описываются не только допустимые предложения данного языка и отношения между ними, но и выбор из числа семантически эквивалентных предложений, т.е. выбор альтернативных поверхностных реализаций одной и той же исходной структуры. Такой функциональный синтаксис предполагает предварительно выполненное формальное описание. При этом существен фактор интерпретативности теории. В интерпретационном функциональном подходе важна констатация — указание контекстов и/или ситуаций, в которые может включаться данная форма предложения. Функционалисты подчеркивают использование этих предложений в реальном процессе общения.

Ярким примером интерпретативного функционализма является *теория речевых актов*. Язык рассматривается в ней как инструмент, используемый главным образом для создания сложных структур социального взаимодействия. Сообщения передаются, чтобы изменить что-то в интерпретаторах, а язык интересен только в той степени, в какой объясняет свойства речи.

§ 6. Лингвистика текста

Лингвистика текста — направление лингвистических исследований, объектом которых являются правила построения связного текста и его смысловые категории, выражаемые по этим правилам.

Текст как объект исследования. Текст является объектом как литературоведения, так и языкознания. Лингвистика текста, или текстовой анализ, как часть семиотики текста простирается от простого межфразового синтаксиса до сложного анализа текстовых миров и межличностного общения. Главной проблемой, стоящей перед семиотикой текста, является определение и функционирование вымысла как человеческой семиотической, в частности интерпретативной, деятельности.

Центральная задача данной дисциплины состоит в эксплицитной и по возможности четкой реконструкции того, как интерпретатор заставляя текст соотноситься с миром, т.е. как происходит понимание одного из объектов мира как знака.

Лингвистика текста. Лингвистика текста — явление скорее европейское в том, что касается преобладающего интереса к тексту. В континентальной Европе ее считают не просто поворотом в сторону языковой практики, но истинной альтернативой всему предшествовавшему теоретизированию.

К научным донорам, сделавшим решающий вклад в лингвистику текста, относятся: литературоведение, антропология культуры, тагемика, исследование функциональной перспективы предложения в американо-японском варианте (особенно С. Куно), формальные модели лингвистики текста, анализ дискурса, социолого-культурные исследования. Сложилась лингвистика текста в атмосфере триумфа формальных грамматик середины 1960-х — начала 1970-х гг., когда возникла гипотеза, что можно составить «грамматику текста», ориентированную на текст, генерирующую тексты, но организованную не так, как грамматика предложения. Лингвистическая теория текста — это множество подтеорий, определяющих различные виды принципов текстообразования, прежде всего это: а) теория линейного строения текста; б) теория композиции текста; в) теория грамматики.

Текстология. Влившись в общее языкознание, лингвистика текста стала напоминать скорее новый облик текстологии — дисциплины столь же древней, сколь и уважаемой, заслуженно почитаемой. Текстология — это наука о тексте, в рамках которой различаются два

направления: 1) описание внутренних свойств текста, текста как такового; 2) выяснение места текста в социальном контексте, т.е. выявление внешних функций текста. Описание текста как такового обладает как минимум тремя аспектами: просодией, риторикой (или стилистикой) и нарратологией. Последняя связана с выявлением отношений внутри содержания текста.

Текстоведение. Текстоведение — еще одна область исследования, в центре внимания которой — вопрос об отношении между формой и функцией текстов. Анализируя текст, имеют дело со смыслами высказываний (под углом зрения их создания) и с самими языковыми формами. Исследуя же функцию текста, затрагивают не только языковую форму, но и вопрос о том, каким эффектом эта форма обладает. Продуцирование текста при этом рассматривается как форма действия. В то же время привлечение категории текста в грамматическое описание оказалось весьма плодотворным для решения чисто грамматических задач. Например, «текстовая теория падежа» позволяет рассмотреть явления, не поддающиеся объяснению в рамках отдельно взятого предложения.

§ 7. Теория речевых актов

Речевой акт — целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации. Основными чертами речевого акта являются: намеренность (интенциональность), целеустремленность и конвенциональность. Речевой акт всегда соотносен с лицом говорящего. Последовательность речевых актов создает дискурс.

Становление теории речевых актов. Теорией речевых актов называется конкретное исследовательское направление в современной лингвистике (с 1960-х гг.), разрабатывающее проблемы речевой коммуникации как в теоретическом, так и в прикладном аспекте. Ядро этой теории составляют идеи, изложенные английским логиком Дж. Остином в курсе лекций, прочитанном в Гарвардском университете в 1955 г. и опубликованном в 1962 г. под названием «Слово как действие». Впоследствии его идеи были развиты американским логиком Дж. Сёрлом.

К речевому акту обращаются исследователи, анализирующие речь в контексте жизнедеятельности человека, а также изучающие обиходную речь и другие формы речевого общения и поведения (например, диалог,

речевой этикет). Целостная и развитая теория речевых актов сложилась в рамках лингвистической философии под влиянием идей Л. Витгенштейна о множественности назначений языка и их неотделимости от форм жизни: взаимодействие языка и жизни оформляется в виде *языковых игр*, опирающихся на определенные социальные регламенты.

Теория речевых актов не является ни первой, ни единственной в ряду других деятельностных представлений о языке, среди которых: лингвофилософская концепция В. Гумбольдта, теория языка и речи А. Гардинера, теория высказываний М.М. Бахтина, теория речевой деятельности в психолингвистике (теория деятельности Выготского — Леонтьева), теория аргументации (неориторика), концепция «анализа диалога», сложившаяся в рамках социолингвистики, процессуальная семантика, возникшая в контексте создания систем человеко-машинного общения.

Моделирование коммуникативных ситуаций. Теория речевых актов предлагает свою модель коммуникативных ситуаций, которая наряду с такими компонентами, как говорящий, слушающий, высказывания, обстоятельства, включает в себя также цель и результат речевого акта.

Подход к речевому акту как способу достижения человеком определенной цели и рассмотрение под этим углом зрения используемых им языковых средств — главная особенность теории, привлекающая к ней языковедов, которых перестала удовлетворять простая констатация того факта, что язык есть средство, орудие, инструмент общения. Интересы развития собственной науки и задачи, поставленные перед ней практикой, заставили лингвистов искать ответ на вопрос о том, каков механизм использования языка для достижения многообразных целей, возникающих в ходе социального взаимодействия людей.

Речевой акт представляется как трехуровневое образование. В отношении к используемым в его ходе языковым средствам он выступает как локутивный акт, к манифестируемой цели и ряду условий его существования — как иллокутивный акт, наконец к своим результатам — как перлокутивный акт.

Классификация речевых актов. При классификации речевых актов учитываются иллокутивная цель, психологическое состояние говорящего, направление отношений между содержанием речевого акта и положением дел в мире, отношение к интересам говорящего и адресата и т.д. Выделяются следующие основные классы речевых актов: информативные речевые акты, сообщения — репрезентативы (*Поезд пришел*); акты побуждения — директивы, прескрипции (*Уйди!*), в том числе требование информации — вопрос (*Который час?*); акты принятия обязательств — комиссивы (*Обещаю прийти вовремя*); акты, выражающие

эмоциональное состояние — экспрессивы, в том числе формулы социального этикета (*Извините за беспокойство*); акты-установления — декларации, вердикты, оперативы, такие, как назначение на должность, присвоение имен и званий, вынесение приговора и т.д.

Теория речевых актов продемонстрировала важность учета подлежащего распознаванию намерения говорящего для объяснения процессов речевого взаимодействия. Ею была выявлена, с одной стороны, взаимосвязь намерения с другими экстралингвистическими факторами в форме соответствия между иллокутивной целью и обстоятельствами речевого акта — психологическим состоянием говорящего, его интересами, социальным статусом, представлениями о ситуации общения, в частности о слушающем с его знаниями, интересами, социальным статусом. Теорией речевых актов были выявлены основные формы отражения иллокутивной цели говорящего в языковой форме используемого предложения.

Кроме того, в данной теории был затронут ряд вопросов, входящих в компетенцию теории речевой деятельности. Прежде всего это относится к имеющей большое прикладное значение проблеме типологии коммуникативных неудач, решению которой способствовали классификация неудач перформативных высказываний и учение об условиях успешности речевых актов. Проблема типологии первичных речевых жанров тоже решается с помощью инвентаризации и классификации иллокутивных актов.

Позитивные результаты теории речевых актов не могут, разумеется, рассматриваться как окончательные решения соответствующих проблем.

§ 8. Этнолингвистика

Этнолингвистика — направление в языкознании, изучающее язык в его отношении к культуре, взаимодействие в его функционировании языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов. В более широком понимании этнолингвистика рассматривается как комплексная дисциплина, изучающая с помощью лингвистических методов план содержания культуры, народной психологии и мифологии независимо от способов их формального представления — слово, обряд, предмет и т.д.

Этнометодология. Этнометодологию можно считать одной из реализаций — лингвистически ориентированной — феноменологической со-

циологии (другая реализация — конверсационный анализ, или анализ устной речи). Эта теория связана с именем А. Шютца, который ставил задачу понять, как индивид постигает окружающую его действительность, опираясь на интерпретацию оценки этой действительности другими индивидами. В результате получаются модели действия и интерпретации, с одной стороны, и образ действительности как бы глазами общества — с другой. Язык оказывается социальной структурой, вложенной в модели действия и в интерпретации. Сам же интерпретатор при этом рассматривает и себя как участника интерпретируемых событий, но такого участника, роль которого предопределена получаемыми моделями.

В 1960-х гг. группа социологов, называвшихся этнометодологами (возглавлял их Х. Гарфинкель), впервые попыталась выработать методы для выяснения правил, используемых людьми при осмыслении поведения других людей, и того, как сделать свое собственное поведение понятным другим. При этом речь шла о правилах для установления значения действий в конкретной ситуации. К таким правилам относилось социальное действие как таковое.

Вслед за Шютцем Гарфинкель стремился создать основы для интерпретативной социологии деятельности. Эта дисциплина должна была установить мотивы в сознании и опыте, приводящие к инвариантным, универсальным структурам жизненного мира. Социальная действительность воспринималась Гарфинкелем как то, что порождается по ходу взаимодействия участников главным образом общения в привязке к конкретному месту действий, что эндогенно (т.е. находится в рамках одной и той же ситуации действия) и аудиовизуально. Цель же этнометодологического описания — выяснение того, как происходит это порождение, каковы его механизмы в деталях. Например, что именно в поведении и в окружении данного человека заставляет нас воспринимать его как женщину или как мужчину в рамках биологического статуса; что именно в нашей манере держаться перед аудиторией позволяет интерпретировать такое поведение как «чтение лекции».

Цель исследования — объяснение того, как наблюдаемое реализует методы практического действия в ориентации на практические обстоятельства, на интуитивное, неформальное знание социальных структур, на размышление в рамках практической социологии. Иначе говоря, этнометодологическое исследование выясняет то, как собеседники строят смысл совместными усилиями: как они взаимодействуют и как реципиент реконструирует смысл, который автор речи стремился передать.

Этнография речи и этносемантика. Данный метод характеризовался в работах Д. Хаймза как установление того, кто говорит, что говорит, в какой форме, обращаясь к кому и в каких ситуациях. По Хаймзу, термин «этнография коммуникации», или «этнография речи», должен указывать на необходимую сферу исследования и стимулировать это исследование, этнографическое в своей основе, но коммуникативное по охвату материала.

Задача данного направления исследовательской этнопарадигмы состоит в том, чтобы рассматривать коммуникативные форму и функцию в неразрывной взаимосвязи в четырех аспектах: 1) компоненты коммуникативных событий; 2) отношения между компонентами; 3) возможности и состояние компонентов; 4) деятельность целого, образованного в результате всего этого.

Таким образом, этнография речи — одновременно и лингвистика, открывающая основания этнографии, и этнография, открывающая языковое содержание в отношении к знанию и к способностям употреблять это знание (компетенцию) исследуемых людей и общества.

Этнограф речи ищет средства, которыми располагают члены определенного коллектива: а) разновидности языка и иных кодов и подкодов, использование которых считается речью в данном коллективе, а распределение составляет языковой репертуар его членов; б) обычные (конвенциональные) речевые акты и жанры речи, которыми располагают члены коллектива; в) набор коммуникативных норм, принципов, стратегий и ценностей, организующих продуцирование и интерпретирование речи, — главные правила говорения, которыми располагает коллектив.

Таким образом, этнография говорения — это описание различных употреблений речи в рамках различных видов деятельности в различных же обществах. Оно дополняет традиционные методы — как в этнографии, так и в языкознании. Например, когда изучают нормы поведения, ценности и схемы восприятия у китайцев, то стремятся выявить различия в логических процессах между «азиатским» мышлением и «западным», в социальных процессах между азиатскими и западными культурами. Исследование речи при этом бывает ограничено экскурсами в словарный состав и грамматику, когда устанавливают пробелы или избыток средств в рамках грамматических или лексических свойств соответствующего языка. Этнология языка может посмотреть на многие вещи свежим взглядом, проинтерпретировав свои наблюдения над говорением, например, в плане различных у разных этносов стратегий дискурса, а не различных «мышлений».

Этнопсихолингвистическая конфликтология. В настоящее время становится очевидным, что для эффективного изучения интеркультурного и интракультурного общения необходима интенсивная фокусировка внимания на этнической синментальности и палеоментальности, а также на формах взаимосвязи между этими двумя видами ментальности. По-видимому, наиболее надежной для такого изучения является пассионарная теория Л.Н. Гумилева.

Объект и предмет этнопсихолингвистической конфликтологии, ее понятийно-концептуальный аппарат и методы исследования были четко сформулированы в десяти постулатах, изложенных в работах Ю.А. Сорокина.

§ 9. Когнитивная лингвистика

Когнитивная лингвистика — направление современного языкознания, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм. В сферу интересов когнитивной лингвистики входят ментальные основы понимания и продуцирования речи с точки зрения того, как структуры языкового знания представляются (репрезентируются) и участвуют в переработке информации.

Становление когнитивной лингвистики. Еще в первой половине XX в. считалось вполне приемлемым рассматривать язык как качество некой абстрактной сущности. Естественный язык не считался частью естественной истории человека. В частности, в рамках структурной лингвистики область исследования ограничивалась «языком в себе и для себя».

Если до 1980-х гг. постулат об автономности языка и его описании, игнорирующем смежные проявления человеческого разума, еще принимался, то со сменой в названные годы парадигмы научных исследований все чаще стал возникать вопрос о ценности таких описаний. Смена парадигм научных исследований состояла в том, что если раньше фундаментальные науки «поставляли» теоретические идеи, которые со временем воплощались в соответствующие технологии, то теперь потребности технологии задавали направление и масштаб теоретическим изысканиям. Применительно к лингвистике такой «базовой» технологией стало развитие перспективных систем искусственного интеллекта.

В середине 1960-х гг. складывается точка зрения, согласно которой существует жесткое разграничение между языковой компетенцией и

употреблением языка. Позднее приходит понимание того, что исследования языка невозможны без привлечения понятий интенции, памяти, действия, семантического вывода и т.д.

Цели и задачи когнитивной лингвистики. Исследование знаний, используемых в ходе языкового общения, рассматривается как одно из ведущих направлений когнитивной науки — области, в рамках которой изучаются процессы усвоения, накопления и использования информации человеком. В данной парадигме поведение человека (в том числе и речевое) признается детерминированным его знаниями. Основная задача — объяснение механизма обработки естественного языка, построение модели его понимания.

Центральные проблемы когнитивного подхода к языку связаны со структурами представления различных типов знания, способами концептуальной организации знаний в процессах построения и понимания языковых сообщений. Основная задача когнитивной лингвистики формулируется как описание и объяснение внутренней когнитивной структуры и динамики говорящего-слушающего, который рассматривается как система переработки информации, состоящая из конечного числа самостоятельных компонентов (модулей) и оценивающая языковую информацию на различных уровнях. Цель когнитивной лингвистики, соответственно, состоит не только в систематическом отражении явлений языка, но и в исследовании такой системы и установлении важнейших ее принципов. Когнитивисту важно понять, какой должна быть ментальная репрезентация языкового знания и как это знание «когнитивно» перерабатывается, т.е. какова «когнитивная действительность». Адекватность и релевантность высказываний лингвистов оцениваются именно под этим углом зрения.

Сценарии и фреймы. Важным результатом развития когнитивной лингвистики явилась идея о неразрывной взаимосвязи процессов, происходящих в человеческой памяти и определяющих построение и понимание языковых сообщений. Осмысление некоторой новой ситуации сводится прежде всего к попытке найти в памяти знакомую ситуацию, наиболее сходную с новой. Человек может обрабатывать в памяти ранее накопленный опыт. Этот процесс основан на том, что структуры, применяемые для обработки новых данных, аналогичны используемым для организации памяти.

Одной из первых и, безусловно, наиболее простых структур для представления семантических данных высокого уровня стали сценарии. *Сценарий* представляет собой набор объединенных временными и причинными связями понятий низшего уровня, описывающих упо-

рядоченную во времени последовательность стереотипных событий. Примером описания разворачивающейся во времени ситуации с помощью сценария может служить изложение последовательности событий, связанных с посещением врача, магазина, ресторана и т.д.

В лингвистике — в отличие от теории искусственного интеллекта — в большей степени утвердилось понятие не сценария, а фрейма. Структуры знаний, именуемые *фреймами*, представляют собой пакеты информации (хранимые или создаваемые в памяти по мере необходимости из содержащихся в ней компонентов), которые обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций. Эти структуры играют существенную роль в функционировании естественного языка: с их помощью устанавливается связность текста на микро- и макроуровне, обеспечивается вывод необходимых умозаключений; их активацией объясняются, например, некоторые особенности выражения категории определенности/неопределенности в артиклевых языках. Наконец, они «поставляют» контекстные ожидания, позволяющие прогнозировать будущие события на основе ранее встречавшихся сходных по структуре событий.

Когнитивный подход к языку — динамично развивающееся направление. Чрезвычайно быстрое обновление результатов, удачные решения проблем, возникающих при обработке естественного языка, безусловно, скажутся в области теории и практики как вычислительных, так и поисково-информационных систем, машинного перевода. Однако не надо забывать, что исследования в области когнитивных аспектов языка способствуют не только эффективному решению прикладных задач, но и углублению наших представлений о скрытых механизмах языковой коммуникации. Нас по-прежнему, как и много столетий назад, волнуют вопросы о том, что можно сделать, чтобы лучше понимать друг друга, в какой степени язык точно и полно выражает наши мысли и чувства. Как и ранее, мы еще очень далеки от полного прояснения этих проблем.

§ 10. Компьютерная лингвистика

Компьютерная лингвистика — одно из направлений прикладного языкознания, основная задача которого — формализация филологических исследований.

Становление компьютерной лингвистики. Во второй половине XX в. происходит сближение языкознания с физико-математическими на-

уками, в частности с математикой; возникает особая область исследований — математическая лингвистика, включающая математическую формальную (алгебраическую) теорию грамматик и статистическую теорию языка (использующую методы математической статистики, теорию вероятностей и теорию информации). Языкознание оказалось той гуманитарной наукой, которая, не порывая связей с другими науками о человеке и его культуре, первой не только стала использовать инструментальные методы наблюдения (экспериментальная фонетика) и экспериментальные приемы (психолингвистика), но и освоила математические способы моделирования языка.

Целью быстро развивающейся в настоящее время компьютерной лингвистики является создание сложных систем обслуживания компьютеров посредством языка, делающих возможным прямой разговор человека с компьютером, автоматическую переработку, запоминание, поиск и вывод информации в речевой форме. При этом многие традиционные области языкознания существенно изменяют методику исследования благодаря возможности построения программ, реконструирующих альтернативные варианты фонологических и грамматических уровней праязыков; машинному определению времени разделения родственных языков с помощью лексикостатистики; составлению машинных словарей для обширных корпусов древних письменных текстов; осуществлению вспомогательных работ для дешифровки древних письменностей и т.д.

Задачи компьютерной лингвистики и вопросы моделирования естественного языка. Прикладные модели отличаются определенным упрощением языковой реальности, но это не означает игнорирование реальной сложности моделируемого объекта. Исследователь старается не избегать многоаспектности, многоуровневости, «открытости» языкового механизма, другое дело насколько этот учет в принципе возможен и рефлектируем в данной исследовательской парадигме.

Назовем лишь некоторые из наиболее фундаментальных качеств естественного языка, моделирование которых представляет первостепенную важность и трудность: принципиальная нечеткость значения языковых единиц — выражений (в полной мере это относится и к терминам); динамичность языковой системы; образность номинации (основанная прежде всего на метафоричности); огромные творческие потенции в освоении новых знаний; семантическая мощь словаря (позволяющая выражать любую информацию с помощью конечного инвентаря элементов); гибкость в передаче эксплицитной и имплицитной информации; разнообразие функций (коммуникативная, когнитивная, планирующая, управляющая, обучающая, эстетическая, метаязыковая

и др.); специфическая системность (имеется в виду членение языка не только на уровни, но и на подязыки — относительно независимые функционально-тематические подсистемы).

Компьютерное моделирование языка и речевой деятельности ставит своей целью создание специальных теорий, касающихся моделирования языковой способности человека.

К числу более частных, но не менее важных направлений относятся, например, типология естественных и искусственных языков (заметим, что естественный язык все более впитывает в себя элементы «искусственности»), теория понимания текста, теория вербализации коммуникативного замысла, теория коммуникативных неудач, теория семантической эквивалентности сообщений.

К основным проблемам, привлекающим в последнее время наибольшее внимание ученых и специалистов по внедрению человеко-машинного общения, относятся три: проблема понимания, проблема знаний и проблема коммуникативных неудач.

Компьютерная лингвистика на пороге нового века. Компьютерную лингвистику в настоящее время характеризует прежде всего существенное расширение самой номенклатуры лингвистических процессоров. Среди текстовых речевых процессоров можно выделить: автоматизированные информационно-поисковые и информационно-экспертные системы, включая полнотекстовые; системы машинного перевода, число которых доходит до сотни, причем многие из них являются многоязычными; автоматические словари различных типов, организованные как словарные базы данных, включая терминологические банки данных и толковые словари; системы автоматической компрессии текстов, включая логико-семантические и гипертекстовые системы автоматического реферирования; обучающие лингвистические автоматы многофункциональных и узкоспециальных типов, ориентированные на различных пользователей; редакционно-издательские системы для коррекции орфографии, морфологии, синтаксиса и стиля научно-технических текстов; системы автоматической атрибуции текстов; системы автоматической адаптации текстов; текстовые речевые экспертные системы с естественно-языковым интерфейсом и развитыми компонентами объяснения приобретения знаний; автоматизированные системы понимания и синтеза связного текста, включая гипертекстовые системы; компьютерные лингвистические игры; системы распознавания, понимания и синтеза отдельных слов и слитной речи; речевые базы данных; системы машинного перевода речевых сообщений, текста в речь и обратно; системы автоматической транскрипции; системы распознавания и искажения голоса говорящего.

§ 11. Контрастивная лингвистика

Контрастивная (конфронтативная, сопоставительная) лингвистика — направление исследований общего языкознания, интенсивно развивающееся с 1950-х гг. Целью контрастивной лингвистики является сопоставительное изучение двух, реже нескольких, языков для выявления их сходств и различий на всех уровнях языковой структуры.

Становление контрастивной лингвистики. Сопоставительная лингвистика выросла из необходимости описания языков и их преподавания, контрастивная лингвистика представляет собой теоретическое обобщение давней человеческой практики в области описания языка.

Началом контрастивной лингвистики принято считать появление в 1957 г. работы Р. Ладо. Чуть раньше она успешно разрабатывалась Пражской школой. Большую роль в ее становлении сыграли работы французского лингвиста Ш. Балли, отвечавшие необходимости преподавания немецкого языка во франкоязычной аудитории. Разнообразие языков народов бывшего СССР стимулировало разработку проблем контрастированной лингвистики и у нас в стране. Улучшение преподавания русского и иностранного языков в национальных школах, создание двуязычных словарей, некоторые вопросы перевода явились сферами практических приложений теоретических достижений контрастивных исследований.

Общая характеристика контрастивного изучения языков. Контрастивное изучение языков характеризуется тем, что оно:

- выявляет схождения и расхождения в использовании языковых средств различными языками;
- позволяет лучше определить особенности каждого из сопоставляемых языков, которые могут ускользать от внимания исследователя при одном лишь «внутреннем» изучении языка;
- непосредственно связано с различными видами прикладного языкознания, прежде всего с преподаванием неродного языка, поскольку позволяет предвидеть и преодолевать нежелательную интерференцию, а также с теорией перевода, для которой создает надежную лингвистическую базу;
- предоставляет материал для типологии, выявления универсалий.

Объекты контрастивной лингвистики. Объектом сопоставительного анализа могут быть единицы любого уровня языка: фонемы, слова, грамматические явления вплоть до текста. Контрастивные исследования могут касаться не только двух, но и трех, и более языков. Различа-

ют двухстороннюю (многостороннюю) и одностороннюю контрастивную лингвистику: в первом случае основой сопоставления является ее «третий член» — определенное языковое понятие и прослеживаются способы его выражения в двух или большем числе языков. При односторонней направленности сопоставительного исследования выявляется значение какой-либо формы одного из языков и определяются способы выражения аналогичных значений в сопоставляемом языке. Фактически в первом случае сопоставление обратимо, нет различий между исходным языком и языком-целью; во втором — сопоставление необратимо, оно не только одностороннее, но и однонаправленное, один язык является исходным, другой — языком-целью.

Контрастивные исследования различаются и по уровню анализа. Либо три уровня контрастивного подхода: форма, значение, дистрибуция, либо уровни, соответствующие уровням языковой реализации: тип языка, система языка, языковая норма и функционирование языкового элемента в тексте. Для теории и практики перевода наиболее существенным оказывается сопоставление на уровне текста, когда выявляется единство функций разных элементов, занимающих разное положение в уровнях языковой системы. В связи с этим полезным бывает различение трех аспектов семантической структуры текста: смысла, значения и обозначения. Смысл реализуется в тексте, он включает в себя и внеязыковые компоненты, различного рода коннотации культурного характера и т.д. Значение — это содержание языкового знака по отношению к определенному денотату. Обозначение заключается в том, что одно и то же передается при помощи знаков с разными значениями. Для теории перевода большой интерес представляет функциональный аспект контрастивной лингвистики, нежели системный.

§ 12. Палеонтология языка

Лингвистическая палеонтология — совокупность лингвистических исследований и соответствующих приемов, при помощи которых выявляются и истолковываются наиболее архаичные элементы языка, сохраняющиеся в его истории и современном состоянии как пережитки утраченных более древних систем; этот термин не имеет общепринятого употребления и отчасти сохраняет переносный смысл.

Н.Я. Марр и материалистическая лингвистика. О данной парадигме можно сказать, что это знание, нашедшее свою традицию. Главным

его творцом по праву считают Н.Я. Марра (1864—1934) — основоположника материалистической лингвистики, которую в 1930-е гг. стали называть «новым учением о языке». Будучи по образованию археологом и востоковедом, Марр рассматривал материальный и духовный мир человека сквозь призму материальной культуры и языка одновременно. Путеводной нитью в мире слов, значений и в мире материальной культуры он объявил семантику. Этот подход сразу же нашел своих горячих сторонников. Плодотворной явилась идея изучения семантических пучков, связанных с тем или иным словом, утверждавшая единство глоттогонического процесса и стабильность, соответствующую этапам развития общества и хозяйства. Марр фактически дал истории языка формационное членение. Понимая нерасторжимость языка и мышления и исповедуя принцип вторичности мышления по отношению к бытию, он естественным образом пришел к провозглашению языка надстройкой над экономическим базисом. В качестве основы идеологического, точнее идеолого-палеонтолого-социологического, метода у Марра выступает палеонтология речи, разделяющаяся на формальную и идеологическую, или семантическую. Семантическая палеонтология, или генетическая семантика, рассматривает возникновение и развитие значений слов, а также морфологии и фонетики на различных ступенях стадийного развития. Таким образом, прослеживается история языка и мышления по стадиям, устанавливается смена типов в хронологической последовательности. Благодаря увязке эволюции значений с эволюцией хозяйства, общества и мировоззрения палеонтология речи становится одной из дисциплин истории материальной культуры.

Реализация идей Марра в настоящее время осуществляется прежде всего в ходе развития идей «функциональной семантики», например в кодифицированных работах Ю.С. Степанова, в частности в книге «Константы. Словарь русской культуры», где анализируется плодотворность и перспективность наблюдений Марра над параллельными рядами вещей и их именованями. При этом Степанов подчеркивает то, что подобный анализ, который сам Марр называл «палеонтологическим анализом языка и речи», дает сбои, будучи доведенным до предела (Марр пытался найти абсолютно конечные элементы — *сал, йон, бер, рош*). Работы Марра и его последователей в области палеонтологии языка основывались на выявлении так называемых первоэлементов. Постулировалось определенное число (четыре) этих первоэлементов, состоявших из фонетических триплетов. Данная концептуальная идея получила развитие в исследовательских

программах 1930—1940-х гг., в работах Р.О. Якобсона, Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова 1970—1980-х гг., лингвистов 1990-х гг.

Р.О. Якобсон и проблема изоморфизма. Проблема изоморфизма между генетическим и лингвистическим кодами долгое время была предметом пристального внимания Р.О. Якобсона (1896—1982). Он писал: «Можно утверждать, что среди всех систем, несущих информацию, генетический код и языковой код являются единственными семиотическими сущностями, основанными на использовании дискретных компонентов, которые сами по себе лишены какого-либо значения и служат для конституирования минимальной значимой единицы, т.е. единицы, наделенной своим собственным внутренним значением в пределах данного кода». Якобсон подчеркивал, что одно и то же свойство может быть закодировано различными средствами, а различные свойства могут кодироваться одним и тем же способом. Известно, что лингвистический код оперирует относительно ограниченным количеством фонетических и семантических единиц, организованных на основе линейной (таксономической) комбинаторики, но генетическая информация порождается только в случае пространственного (горизонтального) транспонирования отдельных участков этих континуумов друг на друга. Якобсон указывал на аналогии между генетическим и лингвистическим кодами: строгая координатность временной последовательности явлений кодирования и декодирования; возможность свести связи между двумя элементами к бинарным оппозициям; наличие иерархических уровней конструирования, обусловленных последовательной интеграцией единиц более низкого ранга. При этом Якобсон считал изоморфизм между генетическим и лингвистическим кодами результатом филогенетического конструирования языкового кода по модели и структурным принципам кода генетического.

Лингвистическая генетика. Еще одна системная попытка была предпринята в ставшей уже классической работе М.М. Маковского «Лингвистическая генетика», где анализ фактического материала показал, что за внешним существованием слова в языке неизменно стоят «скрытые» генетические процессы. Маковский считает, что любое слово — это генетическая формула, несущая информацию о его топологическом, качественном, количественном статусе, его жизнеспособности в той или иной среде, возможном направлении развития и т.д. При этом одни слова в языке выступают как своеобразные микроформулы, несущие информацию только о том или ином параметре, другие представляют собой генетические макроформулы, несущие информацию сразу по нескольким параметрам. Наблюдается распад макрофор-

мул на отдельные микроформулы, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции, и наоборот, конвергенция микроформул в той или иной единой макроформуле. Одни и те же генетические формулы могут быть жизнеспособными и нежизнеспособными в близкородственных языках (ср. наличие или отсутствие одних и тех же корней в этих языках и их неодинаковые семантические характеристики). С другой стороны, каждое слово и его компоненты несут в себе не только определенную внутреннюю семиотическую информацию, но и генетическую, направленную в будущее. Информация эта по необходимости носит стохастический характер и различна у каждого слова в синхронии и диахронии. Направленность в будущее — это смысл и движущая сила существования слов и связанных с ними значений. Идеи лингвистической генетики находят свое продолжение в работах по менталингвистике 1990-х гг., ориентированных на современные языки.

Менталингвистика. В данной парадигме тематика будущих исследований формулируется двояким способом: 1) будущие исследования должны быть сосредоточены именно на изучении наиболее типичных стохастических универсалий, возможных и невозможных стохастических ситуаций в пределах определенных генетических траекторий, поскольку генетические процессы в языке имеют ярко выраженный стохастический характер; 2) создание семантического словаря и реконструкция культуры; классифицированный словарь семантем по определенным семантическим полям с привлечением данных о возможных исторических денотатах лексем призван объяснить экологическую среду и типологию культуры носителей соответствующего языка.

Вяч.Вс. Иванов и Т.В. Гамкрелидзе осуществили реализацию фрагмента этой парадигмы в своей фундаментальной работе «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (1984).

В этой связи интересно восприятие идей Н.Я. Марра в герменевтическом поле исследования языка, для которого важен подлинный смысловой анализ, определяемый, по словам А.А. Брудного, «демистификацией природы человека, поэтому любой вопрос о закономерности той или иной стадии в историческом развитии феноменов (текстов в том числе) должен обсуждаться на основе теории, доказывающей стадиальность естественно-исторического процесса, его направленный характер. Применительно к эволюционному процессу это, например, ортогенез Л.С. Берга, применительно к языку — глоттогенез Н.Я. Марра».

В 1970-е гг. реконструкция внутренней формы языка в наиболее разработанном виде была сосредоточена в так называемой ленин-

градской группе лингвистов (при кафедре математической лингвистики ЛГУ). По словам Л.С. Шишкиной, «эта группа сфокусировала в своих исследованиях несколько направлений внутренней реконструкции языка, развивавшихся в языкознании». Идеи А.А. Потемни, Г.П. Павского, К.С. Аксакова, Н.П. Некрасова, Н.Я. Марра, И.И. Мещанинова, содержательная логика М.И. Каринского — В.Н. Мороза и добротная школа структурного анализа — это и еще многое другое служило питательной средой совместного поиска глубинных основ языка.

§ 13. Лингвосинергетика

Синергетика — междисциплинарное направление научных исследований, возникшее в 1970-е гг. (основоположники — И. Пригожин и Г. Хакен), уделяющее особое внимание процессам самоорганизации в неживой природе наряду с аналогичными явлениями в психических, социальных и других системах. Синергетика использует общие методы для исследования процессов возникновения и развития упорядоченных структур в открытых, неравновесных системах; объясняет результат взаимодействия в них таких противоположных тенденций, как неустойчивость и стабильность, беспорядок и порядок, дезорганизация и организация, случайность и необходимость.

История лингвистики доказала, что стремление к абстрактной точности лингвистического объекта оборачивается, как правило, искажением или даже утратой его.

Современному лингвисту, видимо, нужно допустить, что объект его исследования и описывающие его категории устроены иным, может быть, противоположным принятой традиции способом. Такое допущение реально только потому, что любое языковое-речевое явление необходимо рассматривать только как отдельную процессуальную стадию его эволюции, учитывая при этом, что разнонаправленное развертывание процессов в разных областях эволюционирующей системы содержит информацию о прошлом и будущем ее развитии. Огромным достижением предшествующих этапов развития лингвистики было установление закономерностей развития языковой системы, ее уровней и единиц. Однако в настоящее время необходимо не просто регистрировать, но и анализировать феномен асистемных явлений, поскольку при более внимательном их рассмотрении становится очевидным, что они также обнаруживают закономерности своего

«случайного» появления и функционирования, но закономерности иного порядка, во многом определяемого самой звуковой материей языка и характером его самоорганизации.

Язык в синергетической парадигме. Язык в данной парадигме обнаруживает недостаток самотождественности, самоподобия, саморавновесия и самопроисхождения, создающий для философии языка опасность парадокса неопределенного регресса.

Язык — это сфера с недифференцированной «глубиной», постоянно стремящейся к «поверхности»; сплошная среда, содержащая в себе различные виды локализации процессов и различные виды структур.

Язык есть постоянство в круговороте «порядок — хаос — порядок», при этом хаос выступает в качестве созидающего начала.

Язык — это саморегулирующаяся система, характеризующаяся сложным нелинейным (хаотичным) движением, разомкнутостью, кооперативностью происходящих в ней процессов и неравновесностью. В отношении языка речь может идти о воспроизведении известного целого, а не о становлении принципиально новой реальности.

Будучи процессуальной сферой, «блуждающей» в физически (физиологически) реальной (материальной) сфере мозга, язык, наряду с мозгом, является одновременно (парно) внешним и внутренним по отношению к микро- и макрокосму, тому, что объемлет тело (усия) и является телом (ипостасью).

Объект исследования. В качестве объекта исследования постулируется феномен самоорганизующейся бытийности языка, граничащей с хаосом. Самоорганизующаяся бытийность языка частично объективируется (опредмечивается) в тексте: речи как события — речи-события — речесобытия. Вся проблема в том, чтобы из этого континуума вычленил фрагмент, который для исследования может стать наиболее информативным. Возможность и реальность такой объективации заложена в способности человека выходить на уровень готовности к экстремальным стрессогенным воздействиям (внешней и внутренней среды), отражая их; реагируя через изменение состояния сознания (высших психических функций) на стресс, под которым, в свою очередь, понимается широкий круг изменений психических проявлений, сопровождающихся выраженными неспецифическими и специфическими изменениями различных (в том числе речевых) коррелятов стресса. В культуре как постоянно осознанно и бессознательно повторяющейся попытке человека вскрыть смысл существования себя самого и окружающего мира, утвердить смысл собственной жизни в его соотнесенности со смыслом сущего происходит изоморфное семиотическое

перекодирование речесобытия в текст как факт и текст как оценку (праксиологическая и аксиологическая переориентация деятельности).

Таким образом, данная гипотеза синергетичности языка является итогом эволюции синергетической философской константы в дискурсивном поле европейской научной мысли. Синергетическая методология выполнила свою функцию организации «опытного знания» (естественно-научного в первую очередь) и обеспечила потенциальную возможность переноса парадигмы в иные отрасли знания, в нашем случае — гуманитарные.

Основные направления исследований. В первую очередь это попытки осмыслить и смоделировать язык в целом как один из синергетических феноменов, а также представить его как естественную модель становления целого. В качестве идеальной модели целостного синергетического объекта с полным правом может выступать естественный язык, через который оказывается возможным моделировать в разных масштабах, с разной степенью приближения историю становления индивидуального сознания, процессы его взаимодействия с родовым сознанием, с самосознанием народа.

Иным, не менее интересным направлением синергетических исследований являются занятия семиодинамикой. Семиодинамика изучает законы возникновения, развития и отмирания естественных систем в знаковом представлении, т.е. структуру качественных изменений в развивающихся системах. Процессы самоорганизации не исчерпывают качественных изменений, следовательно, семиодинамика по предмету шире синергетики; однако по методу она уже, так как ограничивается знаковыми представлениями. Синергетика акцентирует внимание на антиэнтропийных процессах в диссипативных структурах; пользуясь абстрактным языком знаков, ищет общие механизмы порождения новых образований. В этой достаточно общей тематике вырисовываются некоторые частные темы, а именно текст — его структурная самоорганизация, а также различные поэтические и прозаические жанры. В результате предварительных исследований было констатировано, что фактор размера (объема) текста значим, поскольку определяет циклические и периодические режимы его самоорганизации.

Помимо прочего в синергетических исследованиях языка выявилась роль метафоры в тексте. Метафора сигнализирует на поверхностном языковом уровне о наличии в тексте определенных «точек» неустойчивости системы, т.е. о стремлении ее к эволюции, однако одновременно она (метафора) является и элементом этой эволюции, элементом становления, в котором значение ускользает от формы. Этот процесс ускользания и есть становящийся смысл, пойманный в сети значения, но

утекающий сквозь ее крупные ячейки. Вот почему именно метафора отчетливо обнаруживает нестабильность языка-речи как сущностное свойство. Метафоризация — это прежде всего универсальный когнитивный механизм, выявляющий актуальный компонент личностного смысла, существующий как функциональная система репрезентированных в тексте ядерных и периферийных составляющих этого компонента. Метафора инкорпорирована в концептуальную систему реципиента, являющуюся базой ее осмысления, но одновременно направляет, задает путь своего осмысления.

Отдельной в настоящее время формирующейся отраслью синергетических исследований в сфере языка становится перевод как синергетический речемыслительный процесс. Переводческая деятельность предстает как реконструкция переводчиком на базе его концептуальной системы доминантного смысла исходного текста.

§ 14. Кондициональная лингвистика

Кондиционализм — позитивное методологическое направление, отрицающее объективность причинно-следственных связей; заменяет понятие причины понятием комплекса условий как случайного сочетания различных условий, вызывающих наличное состояние системы (языка).

Для любого специалиста по истории, в частности для историка языка, наверное, естественно задумываться о том, как могли бы развиваться события, если бы в них вмешались те или иные силы, та или иная личность, тот или иной случай. Научный кондиционал постоянно подспудно присутствует в размышлениях историков, не всегда отчетливо эксплицируясь в их публикациях. Но если это и происходит, то не всегда однозначно принимается научной общественностью, оставаясь на периферии научного знания. Такое происходит в настоящее время с идеями академика Н.А. Морозова (1854—1946), ревизующими мировую хронологию. В настоящее время в рамках этой парадигмы работает А.Т. Фоменко со своей группой. Возможно, в ней заключается побудительная сила к поиску путей решения той или иной историко-лингвистической проблемы; размышления о том, что могло бы произойти с языком при иных путях его развития, помогут ученому более четко ответить на вопрос о причинах и результатах состоявшегося языкового факта или явления. Наконец, предположения относительно возможного в других исторических ус-

ловиях развития языка содержат прогностический потенциал. Говорить о будущих изменениях в языке можно лишь после анализа реальных и вероятных путей его развития в прошлом. Невоплотившиеся перемены подспудно присутствуют в нынешних состояниях языка, и никто не знает, как они могут проявить себя на новых этапах развития. Однако, опираясь на наши знания о несостоявшемся, можно предсказывать, предугадывать — разумеется, с большей или меньшей степенью достоверности — какие-то тенденции языкового развития и наметить возможные меры противодействия негативным процессам.

Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что статья А.В. Исаченко о несостоявшемся варианте истории русского языка было открыто новое направление в науке, названное В.П. Нерознаком и Н.М. Сальниковым «виртуальной историей», а В.И. Супруном — «кондициональной лингвистикой».

В самом деле, в каждом языке можно найти поворотные моменты развития, после которых резко теряются одни черты и приобретаются другие; язык становится другим, создаются новые законы, формируются новые тенденции. Или иная ситуация: язык мог бы пойти по другому пути эволюции, но внутренние или внешние причины не позволили ему сойти с магистрального направления, затормозили или сделали невозможными инновации. Каким бы стал чешский язык и сохранился ли бы он вообще, если бы не будители? Или английский язык, если бы в 1066 г. Англия не была завоевана норманнами?

В своей статье Исаченко рисует один из вариантов несостоявшегося развития русского языка. Остановимся на ее содержании подробнее. Сам автор декларирует, что все его соображения следует понимать как некий мысленный эксперимент, не считая ход истории абсолютной необходимостью: во всех исторических процессах были и есть переломные пункты-распутья, выбор того или иного пути зависит от слепого случая. Таким распутьем в истории русского народа и языка был конец XV в., когда решался вопрос о руководящей политической силе в процессе объединения русских земель. Мы знаем, какое направление взяла история русского языка в результате победы Москвы. Москва решительно повернула вспять колесо истории не только самой страны, но и ее письменного языка. В орфографию вводились элементы, абсолютно чуждые русскому языку XV в., восстанавливалась буква *ж*, никогда не имевшая фонологического оправдания на восточнославянской почве; вводились написания типа *вsea* (вместо *вseя*), *пълкъ* (вместо *полкъ*), *великьи* (вместо *ве-*

ликий или великой); в письменную речь насильственно вводилась чуждая ей морфология, архаизировались синтаксис и лексика, стилизация письменного изложения становилась самоцелью и доводила текст до полной невразумительности (например, в произведениях дьяка Тимофеева). Все это увеличивало пропасть между письменным языком и языком населения: двуязычие, ликвидированное на Западе на исходе Средневековья, стало на Руси самым серьезным препятствием для ее духовного и культурного роста. С этим связан не только общий упадок московской литературы, отмеченный, например, Ф.И. Буслаевым, но и запаздывание русской культуры. Вплоть до второй половины XVIII в. торжествует никоновский принцип архаизации и византизации и русскому языку не суждено было приобрести право гражданства в национальной культуре. Мрачность картины не является результатом одностороннего сгущения красок. Но попытаемся представить себе на минуту, что в решающий период, в 1470-е гг., не Москва, а Новгород оказался завершителем «объединения русских земель». Языковедов в первую очередь интересуют судьбы языка. Язык новгородских летописей уже содержит ряд лексических элементов, связывающих текст не с Киевом, а с западнославянской традицией.

В Новгороде был создан первый свод законов восточных славян — Русская правда и вырабатывался деловой язык восточнославянского Средневековья. Именно там, а не в Киеве или Москве, были найдены личные записи и письма на бересте. Именно там церковнославянская языковая стихия вытеснялась диалектно окрашенным «естественным» языком населения. Если бы Новгороду был дан шанс развиваться и пропагандировать новое религиозное учение, то перевод Священного Писания на русский язык был бы неминуем: новгородский епископ Геннадий организует новый перевод библейских текстов в 1489—1499 гг. Даже не обладая буйной фантазией, нетрудно себе представить, какое направление взяло бы развитие русского языка, если бы в начале XVI в. вместо «киприановской реформы» появился бы полный русский текст Библии: амальгация между «книжным» и «естественным» языками началась бы не в XVIII в., а уже в XVI. И этот новый письменный язык, в фонетическом, морфологическом и синтаксическом отношении русский, начал бы свое триумфальное шествие по всей стране. Секуляризация языка неизбежно повлекла бы за собой секуляризацию всей культуры. Если бы в результате перевода Священного Писания на русский язык в XVI в. церковнославянский был бы оттеснен на второй план или попросту вытеснен, то процесс становления русского языка начался бы не в XVIII в., а в XVI и начи-

ная с XVII в. могла бы появиться наша новая «классическая» литература, как и в странах Европы. И вместо потрясающего «Жития», написанного неистовым протопопом на малограмотном, неотесанном языке, русская литература могла бы иметь своих Мольеров и Расинов — современников Аввакума. Не будем продолжать: ничего из вышеназванного не свершилось, и история России и русского языка получила именно тот ход, который нам известен. Наш экскурс в область научно возможного, но не состоявшегося имел целью снять панегирические акценты с традиционной истории русского языка, в которой эпитет «московский» приобрел почти мистический ореол. Признавая отдельные бесспорные заслуги московских самодержцев и самозванцев, дорогие русскому сердцу ассоциации, связанные с представлением о «кондовой» России и о московских «просвирнях», без которых якобы не было бы современного русского языка, следует сказать, что «московский вариант» русской истории и истории русского языка не оказался наиболее прогрессивным, наиболее удачным и даже не был «необходимым» и что только в результате радикальной переоценки ценностей можно и должно освободиться от стереотипа, отождествляющего Русь с допетровской Москвой.

Вышеописанные установки в настоящее время постарался развить в своих работах В.И. Супрун, использовавший подсказанный А.В. Исаченко исследовательско-эвристический прием для описания ситуации, которая сложилась между Новгородом и Москвой.

Кондициональные размышления Исаченко о возможных судьбах великорусского языка могут быть экстраполированы в настоящее. Не в эту ли сторону идут процессы в современных казачьих регионах, где высок престиж диалектной речи и формируется самостоятельное этносознание? Заявление о казаках как отдельном этносе, а не русском субэтносе, стало общим местом в работах многих историков и политиков, ведутся даже разговоры о выделении территории и определении границ проживания казаков. Не станем ли мы очевидцами создания казачьего (например, донского) языка?

Предложенный Исаченко мысленный эксперимент, получивший отклик и продолжение в работах современных филологов, позволяет говорить о востребованности данной парадигмы в науке о языке, поскольку имеет цель и возможность поставить под сомнение автоматизм и стереотип традиционных оценок истории, в том числе и истории языка, а также эвристическую возможность показать на фоне того, что могло бы быть, сущность происходящего на самом деле.

§ 15. Лингвистика измененных состояний сознания

Лингвистика измененных состояний сознания — особое направление в рамках общей психолингвистики наряду с нейролингвистикой, психиатрической лингвистикой, психолингвистикой онтогенеза, предметом которых являются аспекты нормальной языковой способности, обеспечивающие общественно целесообразную, адаптивно оправданную когнитивную и коммуникативную деятельность человека при измененных функциональных состояниях его сознания.

Становление лингвистики измененных состояний сознания. Речевая деятельность нормального человека при относительно краткосрочных, обратимых изменениях его функционального состояния, обусловленных задачами приспособления к разнообразным внешним нагрузкам, представляет собой область интересов лингвистики измененных состояний сознания. До настоящего времени она находилась на периферии внимания теоретиков, а в значительной мере выходила за его пределы. В общей теории измененных состояний сознания (ИСС), активно развиваемой в течение последних 30 лет, лингвистический аспект остается практически неразработанным.

Разработка лингвистики ИСС подразумевает перенесение в центр исследования закономерностей лингвистического обеспечения измененных функциональных состояний с опорой на концептуальные схемы, созданные в рамках современной теории функциональных состояний человека. Дело в том, что традиционно понимаемая, однако не формулируемая эксплицитно предпосылка лингвистической теории состоит в том, что языковое сознание может быть с удовлетворительной степенью полноты описано в терминах нормы и патологии, причем понятие множественности применимо если не исключительно, то со значительно большим основанием к последней, нежели к первой. В современной психологии все активнее обсуждается вопрос о множественности нормального сознания, выражающейся в наличии целого спектра его качественно различающихся между собой одноуровневых, возникающих в порядке адаптации к внешним нагрузкам, т.е. нормальных, состояний. Первая точка зрения (норма) представляет собой полезную абстракцию, вторая (патология) более адекватно отражает реальную динамику психической жизни современного человека, проводящего большую часть жизни в стрессогенном «третьем состоянии», а скорее всего — в совокупности таковых, промежуточных между нормой и патологией. Разработка фундаментальной концепции множественности со-

стояний нормального языкового сознания — актуальная задача современной психолингвистики и общего языкознания в целом.

Предмет лингвистики ИСС. Предметом лингвистики ИСС являются глубинные закономерности построения языка и речи, становящиеся поверхностными (непосредственно наблюдаемыми) в ходе нормальной, общественно целесообразной адаптации сознания к необычным условиям существования, т.е. взаимодействия эндогенных и экзогенных по отношению к организму факторов.

Основные направления исследований. Теория прерывных состояний сознания представлена научным направлением Ч. Тарта. Лингвистическая часть его концепции сводится к тому, что, в принципе, каждое исходное состояние сознания обеспечивается собственным, обусловленным лишь его внутренними закономерностями языком.

Теория непрерывных состояний сознания представлена концепцией К. Мартиндейла, согласно которой непрерывность состояний сознания можно доказывать лишь лингвистически.

Теория смежных состояний сознания представлена работами А. Дитриха и его последователей. В языковом плане эта теория, пожалуй, единственная, опирающаяся на солидный методологический фундамент. Дело в том, что еще В. Вундт обращал внимание на потенции сочетания лингвистических методик с психофизиологическими. В его учении об аффектах есть намеки, которые можно было бы развернуть с большой пользой для теории языка. Однако этот потенциал пока не реализуется.

Относительно всех трех подходов можно сделать вывод о том, что лингвистические показатели подтверждают каждый из них, хотя и не выводят за его пределы. По-видимому, это связано с тем, что каждый из подходов описывает реально существующие в сознании группы явлений и процессов. В целом же сознание значительно сложнее, чем любая схема. Поэтому некоторые его исследователи все чаще объединяют сильные стороны каждого из подходов.

Проблематика лингвистики ИСС изучалась в нашей стране до недавнего времени в ограниченных масштабах, в рамках и терминах других предметных областей. Задача ее непосредственного освоения впервые в отечественной науке была поставлена в начале 1990-х гг. в плане научных работ Института мозга человека РАН.

Лингвистика ИСС представляет собой интерактивную парадигму, предполагающую принципиальную согласованность состояния языкового сознания человека с его общим функциональным состоянием, что является оптимальным для понимания и дескрипции закономерных, адаптивно-обусловленных перестроений в организации языковой спо-

собности и речевой деятельности, обеспечивающих когнитивную и коммуникативную деятельность при внешних нагрузках различного происхождения. Таксономия лингвистических коррелятов измененных функциональных состояний является конструктивной для понимания закономерностей адаптации перестроения нормального языкового сознания. Лингвостатистическая обработка речевой продукции человека позволяет достоверно определить закономерности реагирования языкового сознания на возрастающую внешнюю нагрузку любого происхождения. Это реагирование выражается в дестабилизации привычного фонового состояния и переходе к измененным состояниям. Матричное построение, основанное на упорядоченных лексико-грамматических параллелизмах, является специфической единицей синтаксиса суггестивных текстов, учет которых имеет принципиальное значение для целей дескрипции и оптимизации психотерапевтического дискурса.

§ 16. Семиосоциопсихология

Семиотика — наука, исследующая свойства знаков и знаковых систем.

Социология — наука об обществе как целостной системе и об отдельных социальных институтах, процессах, общественных группах.

Психология — наука о психическом отражении действительности в процессе деятельности человека.

Становление семиосоциопсихологии. Исторически закономерно, что процесс вычленения новых явлений в сфере научных представлений о мире неизменно сопровождается попытками осмыслить, какое место в этом потоке явлений отведено человеку с присущим ему типом как внутренней — эмоциональной, интеллектуально-мыслительной, — так и внешней активности, проявляющейся в наблюдаемых действиях, актах поведения. Именно такую познавательную задачу выдвинула в свое время компьютерная лингвистика, возникшая как синтетическая область знания на стыке целого ряда технических и естественно-научных дисциплин и оформившаяся в самостоятельное научное направление. Еще в 1960-е гг., изучая общие закономерности процессов управления и связи в организованных системах, структурная и компьютерная лингвистика вычленила новый круг явлений, получивших название «информация». Новое понятие заняло достойное место в кругу таких понятий, как «материя» и «энергия». Одновременно как в самой компьютерной лингвистике, так и за ее пределами — в ряде гуманитарных

дисциплин (в социальной психологии, философии и социологии) возник вопрос о месте человека в потоке информации; о структурных особенностях механизма обратной связи в сложных системах управления; о месте языка или кода в важнейшей коммуникативной подсистеме, образуемой отношением «языковая информация — человеческая деятельность». Эта познавательная задача, в свою очередь, продиктовала необходимость вычленения из фактов и явлений окружающей действительности такого социально значимого объекта, который был бы способен вобрать в себя данную систему отношений, не ограничиваясь, однако, рассмотрением последних только как управленческих. Дело в том, что представителей разных областей обществознания и человековедения все чаще стал волновать вопрос о пределах компьютерно-информационного подхода к анализу связей человека с другими людьми; об ограниченных возможностях описания этих связей в терминах управления и целенаправленного воздействия независимо от того, идет ли речь о непосредственных эмоциональных контактах между людьми или о контактах, опосредуемых текстами (сообщениями), позволяющими людям особым образом организовывать значения смысловой информации в ходе обмена впечатлениями и представлениями, идеями и знаниями, эмоциями, ценностями и нормами. При этом претерпело изменение и само представление о тексте. Текст как определенный способ организации значений и структурирования смысловой информации, как воплощение мотивированной и целенаправленной интеллектуально-мыслительной активности индивида, т.е. текст как сообщение или единица коммуникации, привлек к себе внимание не только лингвистов и семиотиков, но и психологов, социальных психологов и социологов. Возрос интерес к категории «общение», позволяющей реконструировать по меньшей мере два взаимосвязанных теоретических объекта, изучавшихся обычно независимо друг от друга в рамках самых различных дисциплин: индивидуального сознания как субъекта интеллектуально-мыслительной деятельности, с одной стороны, и текста (сообщения) как способа актуализации этой деятельности (т.е. как «деятельностной структуры») — с другой.

Предмет семиосоциопсихологии. В рамках предмета семиосоциопсихологии рассматриваются знаковые формы общения, поскольку они пронизывают всю общественную деятельность, являясь непременным ее условием. В самом широком смысле знаковая деятельность, включая оперирование знаковыми системами, изоморфными естественному языку (пантомимический, изобразительный, музыкальный способы воплощения эмоциональной и интеллектуально-мыслительной деятельности сознания) и вторичными по отношению

к нему (дорожные знаки, знаки отличия и пр.), несомненно, является предметом не только общей (описательной), но и социальной семиотики. входящей, в свою очередь, в компетенцию социальной психологии общения. Специфика семиосоциопсихологии состоит в том, что она фиксирует внимание на основном, наиболее сложном виде социальной знаковой деятельности — деятельности текстовой, размывающей представления о границах знаковых систем.

Обслуживая другие виды человеческой деятельности, т.е. способствуя реализации целей как бы «внешних» по отношению к ней (выступая в этом смысле основой для общения сознаний), текстовая деятельность все более кристаллизуется в самостоятельный вид деятельности с «внутренними», реализуемыми в рамках общения целями коммуникативно-познавательного и эмоционального свойства. При таком подходе текст уже не может рассматриваться как единица языка в одном ряду с категориями предложения или сверхфразового единства. Текст (сообщение) рассматривается в семиосоциопсихологии как единица общения, иерархически соотносимая с категориями высказывания и семантико-смыслового (коммуникативного) блока, или *предикации*.

Задачи семиосоциопсихологии. Семиосоциопсихология, таким образом, изучает место текстовой деятельности среди прочих видов общественной деятельности; роль и место текстов (сообщений) при обмене всеми видами деятельности в процессе актуализации общественных отношений; пути и механизмы внедрения продуктов интеллектуальной знаково-мыслительной деятельности в общественную практику, культуру и общественное сознание.

§ 17. Теории происхождения языка и его эволюции

Т е о р и я — система основных идей, форма научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях действительности.

Э в о л ю ц и я — представление об изменениях объекта изучения, их направленности, порядке, закономерностях; определенное состояние системы языка рассматривается как результат более или менее длительного изменения ее предшествующего состояния; в узком смысле — представление о медленных, постепенных количественных изменениях в отличие от революции.

Данное направление по ряду причин в отечественном языкознании практически не прижилось, хотя в последние годы и появляются от-

дельные исследования, но в основном с «нелингвистической» стороны. Настоящая история этого направления, как считает Т.М. Николаева, начинается примерно в 1980—1981 гг., когда в лингвистике были сформулированы вопросы, тут же осознанные как жгучие и требующие немедленной реакции: когда возникла человеческая речь? как это произошло? какой была речь на первом ее этапе?

«Теория красного мрамора». Согласно этой теории, первичные морфемы функционируют как частички, обслуживающие семантическую систему некоего одного языка; со временем они распространяются на язык уже развившийся или производный от первичного. Все это напоминает большую сумку с разноцветными кусками мрамора, которая первоначально принадлежит только одному языку. Основной цвет мрамора — красный, и таких кусочков больше половины, остальные — разных цветов. Куски мрамора смешиваются, а потом пригоршнями разбрасываются по различным направлениям. Каждый новый язык получает свою порцию. Поскольку именно красного цвета было много, то он есть у всех языков. Но если, например, в сумке было мало бирюзового цвета, то, естественно, в ряде языков бирюзового не будет. На самом деле в этой несколько необычной гипотезе скрываются и креационистские идеи, и идеи «мозаичной эволюции», и — что самое интересное — возможности ранних эволюционных тупиков.

«Теория невидимой руки». Согласно данной теории, языковые изменения являются процессами ненатуральными, т.е. не зависящими от человеческой интенции и не имеющими цели. Однако они определяются третьей серией феноменов, диктующихся именно человеческой деятельностью, иначе говоря, это не зависящий от общих усилий результат индивидуальных поведенческих актов. Таким образом, языковая эволюция ни естественна, ни спонтанна, ни телеологична. Она продукт не имеющей дальней стратегии активности человека. Однако эта эволюция не может быть сопоставима и с биологической эволюцией, потому что в природе изменения абсолютно случайны, а в языке — нет. Все лингвистические инновации продуцируются по уже имеющимся моделям; при этом возможны их случайные взаимодействия. В целом данную теорию, наиболее цитируемую до конца 1980-х гг., можно считать переходной от позитивистских убеждений середины XX в. к телеологическим устремлениям его конца.

«Теория педоморфозиса, или ноотении». Данная теория принадлежит Б. Бичакжяну, который исходит из того, что врожденных моделей нет, но есть врожденные потенции. Идея формулируется довольно

просто: язык движется в сторону ранее усвоенного, отбрасывая приобретенное позднее и более сложное. Направление такого движения можно проследить по речи современного ребенка, отмечая, какие структуры ребенок предпочитает: эволюция языка есть, таким образом, результат движения языка назад. Интересно, что эта теория иллюстрируется реальными примерами. Так, в глагольном употреблении становится редким опатив и уменьшается доля субъюнктива — категорий, формулируемых сложным флективным способом. Некоторые глагольные конструкции последовательно заменяются лексическим способом. Новая морфология обычно упрощает предыдущую парадигму. Вместо флексии часто появляются вспомогательные глаголы. Языки движутся в аналитическом направлении; существенную роль при этом играет синтаксическая семантика, во многом подменяющая флективные способы семантикой позиции. Ингерентные фONOлогические процессы идут в сторону более ранних фонетических систем. Упрощением является и уменьшение супплетивизма во всех его квалификациях: дети, безусловно, предпочитают суффиксацию аблауту. Левоориентированные синтаксические конструкции с более глубокими рангами подчинения заменяются на близкий к иконическому правоориентированный порядок. В соответствии с этой тенденцией причастные конструкции и инфинитивные обороты в речи все чаще уступают место более простому паратаксису и гипотаксису. Из-за такой упрощенности в этой теории есть что-то соблазняющее. Например, слушая сегодня всевозможные теледиспуты и разного рода парламентские дебаты, можно легко сделать вывод, что для русского языка «позднеусвоенным» и потому отбрасываемым является место ударения и «правильное» управление глагола. Но подобные выводы слишком легковесны, чтобы о них можно было говорить серьезно. Несомненно одно: в лингвистической парадигме «яркие теории» вытесняют установки на методы описания.

§ 18. Биолингвистика

Био... — часть сложных слов, соответствующая по значению слову «жизнь», обозначающая связь с жизнью.

Становление биолингвистики. Биологическая лингвистика как теория и отрасль в современном языкознании, в частности в России, делает еще только первые шаги и постепенно оформляется в подлинно научное направление. Биолингвистика представляет собой

интегрированную область знания, в которой представлены достижения наук о природе вещей и социально-психических наук о природе человека как обладающего многочисленными генетически заложенными в нем свойствами, качествами и способностями.

Биолингвистика строится и опирается на три фундаментальных принципа: принцип энергетический, поскольку организм человека живет и управляется рядом биокосмических энергий, которые поступают извне в квантово-волновом порядке и мгновенно в нем преломляются; принцип интегративный (комбинированный), поскольку в человеческом организме одновременно взаимодействуют и особым образом объединяются всевозможные виды энергий, в том числе в плане физико-химическом, электрическом и психическом; принцип инволюционно-эволюционный, которым объясняется возникновение языка-речи на определенной стадии развития организма человека, когда создаются все необходимые предпосылки и условия путем постепенного совершенствования тела, мозга, души, желез внутренней секреции (гипоталамуса, гипофиза, шишковидной и щитовидной желез и пр.).

Биологическая лингвистика развивается сегодня исходя из основного постулата: язык — речь — память — мышление — осознание представляют собой естественные потребности человека с тех пор, как появились люди на планете Земля. Постепенно, в процессе эволюции, весь человеческий организм — тело, душа, психика — перестроился, возникла потребность единого функционирования (т.е. того, что мы называем сейчас коммуникацией — общением), и эта потребность закрепились генетически, в виде наследственности (филогенетический признак). Языку как генетическому (природному психофизиологическому) свойству не надо учить, он все равно возникает в человеческой окружающей среде в определенном возрасте человека, постоянно закрепляется и развивается.

В истекшем XX столетии, уже в первой его половине, вновь появились работы о естественной природе языка. И это совершенно не случайно, так как многочисленные достижения естествоиспытателей во всем мире в области таких наук, как физика, биология, математика, астрономия и др., позволили судить о языковых способностях человека в естественно-научном отношении.

Объект и предмет биолингвистики. Объектом биологической лингвистики в широком понимании является человек, наделенный мозгом, телом, духом, душой, умом, памятью, чувствами-эмоциями и другими способностями и качествами, которые в какой-то степени (можно сказать, в огромной) выделяют его из остального животного

мира. Биолингвистика как сравнительно молодая, зарождающаяся отрасль общего языкознания способна сегодня аргументированно осветить целый ряд до сей поры неявно поставленных задач и целей.

Биолингвистика как специальная наука о языке, о способностях и возможностях, биологически возникших у человека в силу практической необходимости совместного его функционирования с другими людьми (коммуникации), непосредственно связана с нейронно-компьютерной организацией человеческого мозга. При этом за психосоматические функции в человеческом организме одновременно несут ответственность как сам мозг (*brain*) непосредственно, так и специфические ответвления в нем в виде ума, памяти, сознания (*mind*). Таким образом, предметом биологической лингвистики являются способности ума, памяти, сознаваемого-несознаваемого, т.е. той части человеческой психики, которая обозначается термином *mind*.

Биолингвистика — это наука, которая исследует и разрабатывает свои проблемы на стыке формального языкознания, психологии речи и языка, физиологии нервных путей, клеточных систем, а также вопросы общей семантики как направления, в котором переплетаются явления и элементы языка, мышления, памяти и речи. Эта отрасль человеческого познания, которая вызвана к жизни в современную эпоху, когда данные одной науки могут привести к радикальным выводам в теории лишь при условии учета и использования современных достижений во многих смежных областях знаний. Биолингвистика, таким образом, представляет собой фундаментальную отрасль социально-психологических и естественно-научных дисциплин, вбирает в себя все то, что накоплено частными науками, и в то же время принципиально отличается от них своими задачами, целями и выводами. Биолингвистика воздвигается на основе дедуктивно-индуктивных гипотез, что, несомненно, способствует разработке кардинально важной темы взаимодействия и взаимосвязи мысли (обобщенного предметного мыслимого образа), языкового механизма (в виде незвуковой скрытой речи) и звучащей внешней речи.

§ 19. Гендерная лингвистика

Гендер, гендерный — от *англ.* *gender* — *грам.* род; *шутл.* пол; *поэт.* породить.

Становление гендерной лингвистики. Гендерная лингвистика, как считает А.В. Кирилина, по своей философской базе и методологии

исследования в отечественной традиции имеет расхождения по сравнению с западноевропейской и американской традицией. Хотя понятие «гендер» было введено в научное описание сравнительно недавно, гендерные исследования в языкознании уже оформились в самостоятельное научное направление. Вопросы взаимосвязи языка и пола его носителей (как вообще проблем пола и значимости этого фактора в процессе социализации личности), разумеется, обсуждались и ранее. Однако бурное развитие гендерных исследований на Западе совпало по времени с формированием новой философии науки, в первую очередь благодаря идеологии постмодернизма, а также появлению новой эпистемы в самой лингвистике.

Феминистская лингвистика. Гендерной лингвистике, как это показано в работах А.В. Кирилиной, предшествовала феминистская критика языка, или феминистская лингвистика, и по сей день продолжающая существовать параллельно с ней. Выявленные феминистской лингвистикой закономерности языковой системы доказывают наличие в ней «антиженской» асимметрии. Этот вывод интерпретируется с позиций гипотезы лингвистической относительности: язык не только продукт развития общества, но и средство формирования его мышления и ментальности. Исходя из этого, феминистская критика языка настаивает на переосмыслении и изменении языковых норм, считая сознательное нормирование языка и языковую политику вполне реальными и имеющими место по отношению к другим аспектам языка, например в политическом дискурсе. Одна из основных особенностей феминистской лингвистики состоит в том, что она очень быстро вышла за рамки «чистой лингвистики» и стала предметом оживленной междисциплинарной дискуссии в соответствии с современными тенденциями развития науки о языке. Выраженная радикальность этого течения в языкознании, стремление изменить нормы языка и по возможности саму языковую систему сделали его предметом острой полемики. Возникновение гендерных исследований, а также весьма самостоятельного нового направления — изучения маскулинности — во многом обусловлено именно этой полемикой.

Контрольные вопросы

К главе 1

1. Почему можно изучать язык как «вещь, принадлежащую природе»?
2. Почему можно изучать язык «как представление о мире»?
3. Что такое таксономия и генезис?
4. Каково соотношение комментария и критики в восприятии языка в европейской культуре?

5. Почему можно изучать язык «как исчисление элементов»?
6. В чем состоит «феномен флексии» в истории изучения языка?
7. Почему язык воспринимается как способ демистификации мира?
8. Почему язык становится объектом научного познания?
9. Как на уровне метафоры формируется представление о языке в XX в.?
10. Каковы перспективы восприятия языка в XXI в.?

К главе 2

1. Чем определяется разнообразие языков мира?
2. С каких точек зрения можно обнаружить общность между разными языками?
3. Что является единицами сравнения языков мира?
4. Каковы методы сравнения языков мира?
5. Что такое цельносистемная типология?
6. Что такое контенсивная типология?
7. Как строится исследование языка на основе понятийных категорий?
8. Как строится исследование языка на основе языковых универсалий?
9. Какие методы и с какими целями использует ареальная лингвистика?
10. Как выстраивается описание языков в синхронном и диахроническом языкознании?

К главе 3

1. Что такое парадигмы в науке о языке?
2. Каковы общие закономерности эволюции современного лингвистического знания?
3. Каковы основные положения трансформационной порождающей грамматики?
4. Каковы основные положения семантической теории?
5. Какова основная проблематика логического анализа языка?
6. Каковы основные постулаты функционального подхода к языку?
7. Каковы основные задачи исследования текста в современной лингвистике?
8. Что является объектом исследования в теории речевых актов?
9. Что представляет собой классификация речевых актов?
10. Какие дисциплины образуют цикл этнолингвистических исследований?
11. Каковы цели и задачи когнитивной лингвистики?
12. Что такое фрейм?
13. Каковы актуальные задачи компьютерной лингвистики?
14. Каковы общие задачи контрастивного изучения языков?
15. Какова роль Н.Я. Марра в развитии лингвистики XX в.?
16. Как анализируется язык в лингвосинергетике?

17. Каковы основные направления исследований в лингвистике измененных состояний сознания?
18. Что является предметом исследования в семиосоциопсихологии?
19. Каковы основные направления исследований происхождения языка?
20. Что является областью и предметом биолингвистики?

Проблемные задания

К главе 1

1. Найдите факты в культуре XX в., подтверждающие восприятие языка как аналога мироздания.
2. Найдите факты в культуре XX в., подтверждающие восприятие языка как представления о мире.
3. Найдите факты в культуре XX в., подтверждающие восприятие языка как исчисления формальных элементов.
4. Найдите факты в культуре XX в., подтверждающие восприятие языка как способа демистификации мира.
5. Найдите факты в культуре XX в., подтверждающие восприятие языка как объекта научного познания.
6. Найдите факты в культуре XX в., подтверждающие восприятие языка как системы и структуры.
7. Найдите факты в культуре XX в., подтверждающие восприятие языка как типа и характера.

К главе 2

1. Подберите самостоятельно примеры типологического описания языка.
2. Подберите самостоятельно примеры ареального описания языка.
3. Подберите самостоятельно примеры синхронного описания языка.
4. Подберите самостоятельно примеры диахронического описания языка.
5. Подберите самостоятельно примеры описания языка на основе понятийных категорий.
6. Подберите самостоятельно примеры семиотического описания языка.
7. Подберите самостоятельно примеры описания языка на базе языковых универсалии.

К главе 3

1. Как вы полагаете, есть ли перспективы развития генеративного подхода к языку? Обоснуйте свое мнение, изучив литературу по теме. Подтвердите свое мнение конкретными примерами исследований по этой проблематике.
2. Какое место занимает в лингвистике XX в. интерпретационная семантика? Обоснуйте вашу точку зрения. Проиллюстрируйте ее.

3. Насколько правомерно использование при анализе языка логических категорий? Аргументируйте вашу точку зрения.

4. Можно ли за счет функционального подхода определить параметры языка как феномена? Назовите параметры, которые следовало бы принимать во внимание.

5. Обобщите ваши знания и практические умения, касающиеся лингвистики текста в теоретическом и прикладном аспекте.

6. Объясните с точки зрения этнолингвистики, чем вызваны столь значительные различия в речевом и неречевом поведении представителей разных культур. Приведите соответствующие примеры.

7. Насколько вписываются основные идеи компьютерной лингвистики в современные представления о связи языка и мышления, языковых структурах и концептуализации и категоризации мира? Обоснуйте свое мнение. Приведите конкретные примеры.

8. Назовите причины, которыми можно объяснить новые результаты в исследовании языка, полученные в лингвосинергетике. Можно ли считать эти результаты неожиданными? Почему?

9. Насколько оправданной, с вашей точки зрения, представляется использование идей кондициональности в лингвистике? Обоснуйте свое мнение, приведя конкретные примеры.

10. Противоречат ли друг другу разные школы, сосуществующие в рамках парадигмы происхождения языка? Обоснуйте вашу позицию.

11. Выскажите свое отношение к проблематике и способам исследования в биолингвистике.

12. Какими вам видятся перспективы когнитивного исследования языка? Обоснуйте вашу точку зрения научными примерами из соответствующей литературы.

13. С чем вы можете согласиться в парадигме палеонтологии языка? Какие положения представляются вам дискуссионными и почему? Аргументируйте вашу позицию.

Литература

Байков, В. Г. К построению лингвистической теории прогнозирования // Вопросы языкознания. 1979. № 4.

Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

Барт, Р. Избранные работы. М., 1989.

Блумфилд, Л. Язык. М., 1968.

Бодрийяр, Ж. Система вещей. М., 1995.

Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963.

Бондарко, А. В. Функциональная грамматика. Л., 1984.

Бюлер, К. Теория языка. М., 1993.

- Вандриес, Ж.* Язык. М., 1937.
- Васильев, Л. М.* Современная лингвистическая семантика. М., 1990.
- Введение в гендерные исследования: ч. 1—2. Харьков; СПб., 2001.
- Вежбицкая, А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Гак, В. Г.* Языковые преобразования. М., 1998.
- Гаспаров, Б. М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Геллнер, Э.* Слова и вещи. М., 1962.
- Гийом, Г.* Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
- Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980.
- Границы науки: о возможности альтернативных моделей познания. Научно-аналитический обзор. М., 1991.
- Гухман, М. М.* Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.
- Дейк, Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Делез, Ж.* Логика смысла. М., 1995.
- Делез, Ж.* Различие и повторение. М., 1998.
- Деррида, Ж.* О грамματοлогии. М., 2000.
- Донских, О. А.* Происхождение языка как философская проблема. Новосибирск, 1984.
- Дридзе, Т. М.* Язык и социальная психология. М., 1980.
- Есперсен, О.* Философия грамматики. М., 1958.
- Золотоносов, М. Н.* Слово и тело: сексуальные аспекты, универсалии, интерпретации русского культурного текста XIX—XX веков. М., 1999.
- Иванов, Вяч. Вс.* Избранные труды. М., 2000.
- Измененные состояния сознания: современные исследования. М., 1995.
- Касавин, И. Т.* Познание в мире традиций. М., 1990.
- Касевич, В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
- Кассирер, Э.* Познание и действительность. СПб., 1996.
- Кирилина, А. В.* Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филологические науки. 1998. № 2.
- Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии: хрестоматия. М., 2001.
- Кравченко, А. В.* Знак, значение, знание. Иркутск, 2001.
- Кубрякова, Е. С.* Язык и знание. М., 2004.
- Куршлович, Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Лайонз, Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- Лакатос, И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995.
- Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: сб. обзоров. М., 1982.
- Лосев, А. Ф.* Избранные труды. М., 1993.

- Лотман, Ю. М. Избранные статьи. Таллин, 1992.
- Маковский, М. М. Лингвистическая генетика. М., 1992.
- Мауро, Т. Введение в семантику. М., 2000.
- Микешина, Л. А., Опенков, М. Ю. Новые образы познания и реальности. М., 1997.
- Нечипоренко, В. Ф. Биолингвистика и ее становление. М., 1984.
- Николаева, Т. М. Диахрония и эволюция (об одной тенденции развития языка) // Вопросы языкознания. 1991. № 2.
- Николаева, Т. М. Теории происхождения языка и его эволюции — новое направление в современном языкознании // Вопросы языкознания. 1996. № 2.
- О муже(н)ственности: сб. статей. М., 2002.
- Пауль, Г. Принципы истории языка. М., 1960.
- Пирс, Ч. С. Избранные работы. СПб., 2000.
- Полани, М. Личностное знание. М., 1985.
- Портнов, А. Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX—XX веков. Иваново, 1994.
- Принципы описание языков мира. М., 1976.
- Пятигорский, А. М. Избранные труды. М., 1996.
- Растье, Ф. Интерпретирующая семантика. М., 2001.
- Розенток-Хюсси, О. Речь и действительность. М., 1994.
- Рорти, Р. Философия и Зеркало природы. Новосибирск, 1997.
- Руденко, Д. Т. Имя в парадигмах «философии языка». Харьков, 1990.
- Семантика и категоризация. М., 1991.
- Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. М., 2002.
- Современные зарубежные грамматические теории: сб. обзоров. М., 1985.
- Сорокин, Ю. А. Введение в этнопсихолингвистику. Ульяновск, 1998.
- Спивак, Д. Л. Измененные состояния сознания. СПб., 2000.
- Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985.
- Сэпир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Теоретические основы классификации языков мира. М., 1982.
- Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания. М., 2000.
- Трубецкой, Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995.
- Фортуатов, Ф. Ф. Избранные труды. М., 1957.
- Фрумкина, Р. М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике // Вопросы языкознания. 1996. № 2.
- Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.
- Фундаментальные направления в современной американской лингвистике: сб. обзоров. М., 1997.
- Чейф, У. Л. Значение и структура языка. М., 1975.

- Черепанова, И. Ю.* Дом колдуньи: язык творческого бессознательного. М., 1996.
- Щур, Г. С.* Теории поля в лингвистике. М., 1974.
- Эволюция. Язык. Познание. М., 2000.
- «Я», «Субъект», «Индивид» в парадигмах современного языкознания: сб. обзоров. М., 1992.
- Язык и интеллект: сб. переводов. М., 1995.
- Язык и наука конца XX века. М., 1995.
- Язык как процесс и система: реферативный сборник. М., 1975.
- Языки и диалекты мира: проспект и словник. М., 1982.
- Языки мира. Проблемы языковой вариативности. М., 1990.
- Языки Российской Федерации и соседних государств: энциклопедия. М., 1997.
- Якобсон, Р. О.* Избранные работы. М., 1985.
- Якушкин, Б. В.* Гипотезы о происхождении языка. М., 1984.
- Ярцева, В. Н.* Контрастивная лингвистика. М., 1981.

Раздел III

Прикладные аспекты науки о языке

Прикладная лингвистика — направление в языкознании, занимающееся разработкой методов решения практических задач, связанных с использованием языка.

Прикладные сферы языкознания издавна отличались широким разнообразием. Наиболее древние из них — письмо (графика), методика обучения родному и неродному языкам, лексикография. В дальнейшем появились перевод, дешифровка, орфография, терминоведение. Одно из традиционных направлений прикладной лингвистики связано с участием в языковой политике государства и формируется как языковая политика и языковое строительство. Одновременно с развитием и совершенствованием классических областей прикладного языкознания во второй половине XX в. наметился и определился ряд новых его направлений, которые представляют собой логическое продолжение исторического развития прикладной лингвистики на новом этапе, обусловленном современной научно-технической революцией, укреплением взаимосвязи общественных, естественных и технических наук. К этим направлениям относятся: обработка информации, моделирование знаний, автоматическая обработка языка в его письменной и устной формах.

Глава 1

Письмо

§ 1. Языковая политика

Языковая политика — совокупность общефилософских и частнонаучных принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве.

Реформы русского письма. В данном параграфе необходимо рассказать о реформах русского письма как одного из фрагментов отношения общества к языку; коллективном выборе языка и соотношении языка и власти с точки зрения Л.Р. Зиндера. Развитие русского письма, его орфографии было постепенным. Его история знала две реформы: петровскую реформу азбуки (1708—1710) и реформу орфографии 1917—1918 гг. Петр I вместо церковной кириллицы, исключив из нее некоторые буквы, ввел новый гражданский шрифт, установил начертательное различие строчных и прописных букв (до этого использовались только прописные буквы), отменил обязательность постановки знаков ударения в каждом слове, что строго соблюдалось в печатных текстах. Вторую реформу провело Советское правительство, хотя готовилась она в рамках Академии наук с начала XX в. 23 декабря 1917 г. Народный комиссариат просвещения издал декрет о введении нового правописания. 10 октября 1918 г. Советом народных комиссаров был издан специальный декрет, подтвердивший декрет Народного комиссариата просвещения. Советская реформа была вызвана необходимостью расширить сферу применения новой орфографии, утвердить ее во всей советской печати. Реформа изъяла ставшие совершенно чуждыми духу русского языка церковно-славянские окончания *-аго*, *-яго* у прилагательных, причастий и местоимений (*добраго*, *пятаго*, *котораго*, *синяго*

и т.п.), заменив их русскими окончаниями *-ого, -его* (*доброго, пятого, которого, синего*). Было устранено разграничение форм *одни, они*, с одной стороны, и *однѣ, онѣ* — с другой (первые употреблялись для слов мужского и среднего рода, вторые — для слов женского рода). Формы *одни, они* теперь предназначались для всех трех родов. Реформа изменила также написание окончаний прилагательных, причастий и местоимений женского и среднего рода в именительном и винительном падежах множественного числа, которые писались с окончаниями *-ья, -ья* (*большія старья липы*). Была изъята форма *ея* (*ея сестра*) и оставлена только форма *еѣ* (*еѣ сестра*). Ликвидировалась буква *ѣ* («ять») и другие дублетные буквы, еще оставшиеся в алфавите, и т.д.

Реформа 1917—1918 гг. была первой и пока единственной реформой русской орфографии (петровская реформировала только азбуку).

В 1956 г. было проведено упорядочение орфографии. Это не было реформой правописания, поскольку не затронуло его основ, но унификация колеблющихся написаний коснулась всех его разделов.

Кроме названных реформ и упорядочения 1956 г. были еще два не проведенных в жизнь проекта реформ, подготовленных: 1) Сектором науки Наркомпроса РСФСР в 1930 г.; 2) Комиссией по усовершенствованию русской орфографии при Институте русского языка АН СССР и Отделении литературы и языка АН СССР в 1964 г.

Первый из этих проектов, декларировавший равенство на малограмотных и неграмотных, узаконивавший малограмотные написания, был отвергнут как научно не обоснованный.

Подготовка проекта 1964 г., длившаяся два года, сопровождалась большой и чрезвычайно интенсивной исследовательской работой. Научная его платформа отражала одно из направлений в теории орфографии (построенное на концепции Московской фонологической школы). Однако к обсуждению проекта не была подготовлена общественность, что показала развернувшаяся дискуссия. Особенно острой критике проект был подвергнут на страницах «Литературной газеты». При этом больше всего возражений вызвали первые четыре его пункта: изъять из алфавита *ѣ*, заменив его на *ь*: *сьезд, объявление* и т.п.; отменить употребление *ь* в грамматической функции: *ноч, доч, береч, не плач* и т.п.; писать *огурци, циган* и т.п.; писать по произношению *чорный, жоны, смягчонный, течот* и т.п. В результате реформа была отложена.

Совершенствование русской орфографии продолжается непрерывно, хотя и не в рамках реформы. Большая роль в упорядочении

правописания принадлежит словарям. Новые правописные тенденции отражают различные справочники. При этом необходимость координационной работы на данном этапе языковой политики и языкового строительства в начале третьего тысячелетия остается актуальной, в связи с чем в 1990 г. при Институте русского языка РАН была образована новая Орфографическая комиссия.

§ 2. Орфоэпия и культура речи

Орфоэпия — совокупность произносительных норм национально-языкового языка, обеспечивающая сохранение единообразия его звукового оформления; раздел языкознания, изучающий произносительные нормы.

Культура речи — владение нормами устного и письменного литературного языка, а также умение использовать выразительные средства языка в различных условиях общения в соответствии с целями и содержанием речи; раздел языкознания, исследующий проблемы нормализации с целью совершенствования языка как орудия культуры.

Норма в языке. Для исследования литературно-языковой нормы вообще и произносительной нормы в частности, как считает Л.А. Вербицкая, необходимо изучение не только внутренних системных, но и социолингвистических факторов, а также определенных психологических законов, которые управляют речевой деятельностью людей. До сих пор остается нерешенным вопрос, существует ли норма в самом языке или она вносится в язык извне, противопоставляется ли норма кодификации или не отличается от нее.

При рассмотрении одного из частных вопросов общей проблемы нормы — произносительной нормы принято различать два аспекта последней — орфоэпию и орфофонию.

Орфоэпия и орфофония. В самом общем виде можно сказать, что *орфоэпия* — это правила, определяющие нормативный фонемный состав слов, а *орфофония* — правила произношения вариантов фонем. Так, вопрос о том, следует ли употреблять в слове *тихий* твердое [x] или мягкое [xʲ], регулируется правилами орфоэпии, а требование произносить согласный [j] в конце слова как сонорный, а не глухой, относится к правилам орфофонии.

Орфоэпия для устной речи играет роль, подобную той, которую играет орфография для письменной речи (орфография определяет

буквенный состав слова на письме, орфоэпия — фонемный состав). Сознательной кодификации подвергается именно орфоэпия, так как фонемный состав слов хорошо осознается носителями языка.

Орфофонические различия носителями языка часто не осознаются. Вместе с тем диалектные и просторечные особенности обычно проявляются не в нарушении фонемного состава слова, а в изменении фонетических характеристик фонем, в искажении звуковой их реализации (например, недостаточная редукция безударных гласных, недостаточная мягкость [с']).

Реальные пути развития произносительной нормы определяются фонологической системой языка, прежде всего существующей в ней вариантностью. Произносительная норма также характеризуется известной вариантностью, которую допускает система.

При утверждении того или иного орфоэпического или орфофонического варианта в качестве ведущего варианта нормы большое значение имеет анализ основных тенденций развития фонологической системы. Чаше побеждают варианты, соответствующие этим тенденциям.

Знание основных направлений развития фонологической системы имеет особое значение для кодификаторов, вынужденных сознательно выбирать один из вариантов в случаях, когда один становится ведущим вариантом нормы, а второй — отживающим. При выборе одного из вариантов необходимо учитывать разнообразные фонетические, фонологические, морфонологические и экстралингвистические факторы, опираться на экспериментально-фонетические исследования реальной речи носителей языка.

§ 3. Стилеметрия и атрибуция текстов

Стилеметрия — прикладная филологическая дисциплина, занимающаяся измерением стилиевых характеристик с целью систематизации и упорядочения (типологии, атрибуции, датировки, диагностики, реконструкции и т.д.) текстов и их частей.

Стилеметрия. Термин «стилеметрия» ввел в научный обиход немецкий филолог В. Диттенбергер, решавший в конце XIX в. проблему авторства диалогов Платона с помощью частот слов, реализация которых не зависит от тематики текста. В России первым «стилеметром» был Н. А. Морозов, известный писатель и разносторонний ученый. Он ис-

пользовал частотные распределения служебных слов для отличения плагиата от подлинных произведений.

Объектом стилеметрии является текст, созданный конкретным автором, в конкретное время, в конкретной ситуации. Предметом исследования являются элементы стиля, которые понимаются как особенности периферии характеристики объекта. Стиль может быть описан через факультативные, поверхностные признаки текста, которые лишь неявным образом затрагивают его сущностные, глубинные характеристики.

Стилеметрия имеет дело с количественным классифицированием, а эта область классификационных занятий тесно соприкасается с несколькими научными направлениями: теорией группировок, теорией оценивания, распознаванием образов, теорией корреляции, количественной таксономией, методами психологического тестирования и др. Границы между этими направлениями стираются, и сегодня можно говорить о комплексе подходов и методов, занимающихся теми или иными видами количественной систематизации объектов произвольной природы.

К настоящему времени, как показывают исследования Г.Я. Мартыненко и С.В. Чебанова, накоплен большой опыт в применении статистического метода для решения проблемы спорного авторства (атрибуции) текстов; в сущности, этот метод стал хрестоматийным, причем не только в филологии (текстологии, источниковедении, стилистике), но и в криминалистике, медицинской диагностике, социальной психологии.

В последние годы круг решаемых стилеметрией задач и репертуар применяемых ею методов существенно расширились. Практической повседневностью стала количественная таксономия текстов, стилистическое приложение нашли дешифровочные модели, относительно самостоятельное направление образовала квантитативная типология текста, начала формироваться стилистическая диагностика, большое развитие получили методы реконструкции древних текстов.

Атрибуция текстов. При решении таких традиционных филологических задач, как атрибуция анонимного или псевдонимного текста, определение или уточнение датировки текста, типология жанров и функциональных стилей, становится очевидно, что, по мнению М.А. Марусенко, во всех вышеперечисленных случаях мы имеем дело только с одной научной задачей — либо с объединением объектов в однородные классы, либо с отнесением объекта (группы объектов) к какому-либо классу, либо с определением меры близости/удаленности между разными объектами (группами объектов).

При всей актуальности этих проблем и несмотря на то, что работа над ними ведется со времен филологов-классиков, нынешнее состояние дел не позволяет однозначно и с фиксированной достоверностью производить атрибуцию анонимного или псевдонимного текста, как и другие классификационные процедуры. Произведения анонимного или спорного авторства существуют в любой литературе. До настоящего времени процедура атрибуции таких текстов сводилась к тому, что филолог-литературовед, хорошо знакомый с периодом, в который был написан спорный текст, и с творчеством писателей, работавших в то время, пытался найти те или иные доказательства, позволяющие приписать данный текст известному ему автору. При этом самым важным являлись свидетельства внешнего характера, такие, как биографические данные предполагаемого автора, его пребывание в данном месте, круг его знакомств, переписка, политические взгляды и т.д. Пользуясь этим методом, разные исследователи зачастую приходят к совершенно противоположным выводам относительно предполагаемого автора анализируемого текста. Необходимо учитывать и субъективный фактор, который оказывает негативное воздействие в двух планах: с одной стороны, исследователи выбирают в качестве оснований для атрибуции те критерии, которые лучше «укладываются» в их гипотезу, с другой — проявляется отчетливая тенденция приписывать спорные тексты перу наиболее крупных и значительных писателей.

Новые перспективы в этой области открываются при комплексном подходе к проблеме атрибуции, когда для признания принадлежности анализируемого произведения данному автору необходимо учитывать доводы по меньшей мере трех основных групп: а) биографические; б) идеологические; в) стилистические. Чем большее число разных методов используется в процессе атрибуции, тем выше его точность и надежность, достоверность окончательных выводов.

Совершенствование исследовательских приемов связано с использованием средств и методов прикладной лингвистики, а также с четким разграничением сферы действия и возможностей традиционных филологических методов, их комплексным сочетанием со статистико-вероятностными методами, разработанными для решения классификационных задач и применяемых для задач атрибуции на основе межнаучного переноса.

§ 4. Стиховедение

Стиховедение — отрасль филологии, изучающая стихотворную природу литературного произведения; разделы стиховедения — фоника, метрика, ритмика, строфика.

Стихотворный текст в лингвистике. Стиховедение — это дисциплина, находящаяся на стыке лингвистики и литературоведения. Стихотворный текст интересует лингвистику как особого рода речь. Специфику этой речи определяют прежде всего метрика, ритмика, рифма и строфика.

Предметом изучения стиховедения являются: а) принципы организации стихотворного текста, отличающие его от прозаического; б) отражение этих принципов в тексте; в) вытекающие из них другие стороны звуковой организации текста.

Приведем мнение относительно всех этих проблем, принадлежащее М.А. Красноперовой.

В XX в. стиховедение активно опиралось на математические методы исследования, связанные в основном со статистической обработкой текстовых данных. Используемый аппарат переносился в стиховедение в готовом виде или разрабатывался специально применительно к его задачам. Такое направление исследований называется *математическим стиховедением*. Направление стиховедческих исследований, обслуживающее внешние по отношению к стиховедению задачи, называется *прикладным стиховедением*.

Наиболее развитыми направлениями математического стиховедения в метрике и ритмике являются вероятностно-статистическое моделирование и автоматизация.

Прикладное стиховедение. Прикладное стиховедение может обслуживать литературоведческие, лингвистические и другие задачи. В области литературоведения значимость стиховедческих исследований обусловлена тем, что они являются частью поэтики — науки о строении литературного произведения. Цели, выдвигаемые поэтикой перед стиховедением, связаны, с одной стороны, с изучением жанровых и стилистических типов, с другой — с изучением свойств отдельных произведений, творчества определенного автора, школы, литературной эпохи и т.д.

Прикладное стиховедение находит применение в поэзии и художественном переводе. Даже близкие разноязычные системы стихосложения, например русский и английский ямб, различаются особенностями в деталях. Во многих случаях арсенал стихотворных

форм в разных языках настолько различен, что без тщательного изучения принципов и практики иноязычного стихосложения становится невозможным качественный перевод. Совмещение переводческой и стиховедческой деятельности вполне обычно. Н.И. Гнедич, создатель классического русского перевода «Илиады» Гомера, был одновременно и создателем классической формы русского гекзаметра. Сам он опирался на гекзаметр, созданный в переводческой работе В.К. Третьяковского. Переводчиками являются крупные стиховеды нашего времени — М.Л. Гаспаров, А.Л. Жовтис и др.

Задачи стиховедения в области лингвистики определяются тем, что стихотворные тексты представляют собой речь особого рода. В силу этого лингвистический интерес имеют любые результаты их стиховедческого анализа. Лингвистика дает лишь свое направление в осмыслении этих результатов. Один из аспектов данного направления касается взаимоотражения стиховедческих и общелингвистических категорий — грамматики, фонетики, стилистики. Сюда относятся такие проблемы, как ритм и синтаксис, ритм и интонация, стилистические типы ритма и др. Самодовлеющую роль в ритмическом строении стиха играет его слоговая организация. Изучение свойств слоговых структур может быть продуктивным направлением прикладного стиховедения.

§ 5. Дешифровка

Дешифровка — изучение сообщений или текстов для обнаружения информации, закодированной или представленной способом, неизвестным исследователю.

Объекты и задачи дешифровки. Объектами дешифровки, по мнению Е.Д. Савенковой, являются тексты на языках каких-либо народов или записи на иных знаковых системах (ноты, картографические документы, математические формулы и т.д.). Этим определяется различие между лингвистической и нелингвистической дешифровкой. Последняя лежит за пределами языковедческих дисциплин, но ее роднят с ними общие семиотические закономерности.

Лингвистическая дешифровка включает в себя исследование исторических письмен и чтение тайнописи (криптограмм). В первом случае непонятность текста для исследователя обусловлена разрывом традиции, во втором — специальными усилиями, предпринятыми автором или шифровальщиком, чтобы сузить круг адресатов.

Лингвистическая дешифровка в широком смысле слова предполагает решение задач четырех типов.

1. Неизвестна только письменность, язык известен. Аналог: простой шифр, основанный на замене. Решение этой задачи, т.е. установление чтения забытых знаков, есть *дешифровка* в узком смысле слова.

2. Неизвестен только язык, письменность известна. Аналог: код. Решение этой задачи, т.е. установление значения единиц языка, звучание которых известно, называется *интерпретацией*.

3. Неизвестный язык записан неизвестным письмом. Аналог: зашифрованный код. Решение этой задачи, т.е. установление и звучания, и значения языковых единиц, называется *раскрытием*.

4. Чтение, перевод и анализ особенностей конкретного текста, записанного на неизвестном языке или неизвестной письменностью. Хотя такая деятельность, опирающаяся на решение приведенных выше задач, относится уже к области филологии, она качественно отлична от анализа текста на хорошо известном языке, поэтому ее называют *дешифровкой текста*.

Глава 2

Методика

§ 1. Методика обучения родному языку

Методика обучения родному языку — одна из педагогических наук; изучает процессы обучения родному языку: усвоение знаний о языке, формирование языковых и речевых умений и навыков; опирается на лингвистические и психологические концепции о роли языка в социальном развитии, о связи языка и сознания, речи и мышления.

Основные вопросы методики. Методика обучения тому или иному предмету должна обязательно содержать ответы на три главных вопроса: 1) о содержании обучения (чему учить?); 2) о целях обучения (для чего учить?); 3) о принципах, методах и приемах обучения (как учить?). Методика обучения родному языку обусловлена спецификой самого учебного предмета «русский язык» по сравнению с другими дисциплинами, а также связями методики обучения родному языку со смежными науками — лингвистикой, психологией и педагогикой. Специфика русского языка как учебного предмета обусловлена тем, что родной язык является не только предметом изучения, но и средством обучения (т.е. с его помощью учащиеся изучают все другие предметы), а также важнейшим средством общения в национальном коллективе, в частности средством передачи и получения самой разной информации.

Родная речь и ее освоение. Мышление человека развивается одновременно с процессом овладения им родным языком, усвоения форм родной речи. Предметом изучения на занятиях по русскому языку становятся различные значимые единицы языка — предложения, словосочетания, слова и морфемы, в которых зафиксированы, материализованы результаты познавательной деятельности людей.

В связи с этим различным упражнениям — лексическим и грамматическим — придается форма собственно логических упражнений. В результате многократных упражнений обучающийся все более четко и глубоко начинает выражать свои мысли в понятиях, суждениях и умозаключениях.

Постепенно овладевая на занятиях по русскому языку литературными нормами, обогащая свою речь, совершенствуя ее точность, выразительность и таким образом развивая свой интеллект, человек приобретает возможность успешно изучать все другие учебные предметы и тем самым расширять свои знания об окружающей действительности. При этом усвоение знаний о языке не является самоцелью, а представляет собой средство для формирования навыков и умений, необходимых для оптимального использования языка как средства общения. Главной, преобладающей в обучении языку является его коммуникативная функция.

Что касается принципов обучения и выбора наиболее целесообразных, эффективных и экономных методов и приемов передачи знаний и формирования умений и навыков, то в значительной степени их определение и описание обусловлены связями методики с психологией (особенно с возрастной психологией) и педагогикой (главным образом с дидактикой — теорией обучения).

§ 2. Методика обучения неродному (иностранному) языку

Неродной язык — термин, включающий понятие языка межнационального общения, а также иностранного языка, изучаемого в языковой среде и вне ее.

Обучение неродному (иностранному) языку. Наличие в каждом методе обучения иностранным языкам ведущей идеи, определяющей пути и наиболее эффективные способы достижения поставленной цели, составляет его характерную особенность. Например, для группы так называемых *прямых* методов ведущая идея овладения языком связана с установкой на непосредственное (имманентное) восприятие материала, усваиваемого интуитивно, в процессе речевой практики. При этом метод направлен на достижение определенной цели. Так, назначение интенсивных методов — практическое овладение устной речью в сжатые сроки, от которого зависят отбор учебного материала и способы его презентации, а главное — особая организация занятий, характерная именно для интенсивных

методов: максимальная активизация учащихся в ходе занятий, мобилизация скрытых психологических резервов личности, создание отношений доверия между учащимся и преподавателем.

Неадекватность избранного метода цели обучения делает его недостаточно эффективным и затрудняет овладение языком в заданных учебной программой параметрах.

Лингвистическая концепция как теоретическая база метода. В качестве теоретической базы каждого метода (или группы методов) используется определенная лингвистическая концепция, анализ которой позволяет классифицировать метод с учетом его принадлежности к той или иной группе. Так, теоретической основой аудиовизуального метода, возникшего во Франции в 1950-е гг., явилась концепция американской психологической школы — бихевиоризм, а лингвистическая теория опиралась на учение Ф. де Соссюра о языке и речи.

Лингвистическая концепция аудиолингвального метода разрабатывалась на основе дистрибутивной лингвистики американской лингвистической школы, возглавляемой Л. Блумфилдом и Э. Харрисом. Сознательно-практический метод, получивший теоретическое обоснование в советской методике, использовал в качестве психологической концепции теорию речевой деятельности (Л.С. Выготский), теорию поэтапного формирования умственных действий (П.Я. Гальперин), теорию установки (Д.Н. Узнадзе), в то время как лингвистическая концепция этого метода связана с именем Л.В. Щербы.

В основе метода преподавания иностранного языка лежит научно обоснованная система принципов обучения, являющихся отражением определенных концепций — лингвистической, психологической, методической. С помощью таких принципов устанавливаются: а) отбор языкового и экстралингвистического материала; б) приемы его введения; в) способы закрепления; г) последовательность подачи и дозировка материала по урокам. Другими словами, принципы обучения обуславливают отбор учебного материала, содержание, формы и средства обучения в рамках избранного метода.

Метод не зависит от условий и этапа обучения. В то же время выбор метода должен соответствовать условиям и этапу занятий. Хорошо известно, что прямой метод с наибольшей эффективностью используется на начальном этапе и при установке на овладение языком в узкой сфере общения. Фундаментальная подготовка по языку, включающая как практическое владение языком во всех сферах общения, так и знание системы языка, достигается в процессе занятий по группе сознательных методов.

В истории преподавания иностранных языков зарегистрировано несколько десятков методов обучения, возникших как социальный заказ общества. Например, аудиовизуальный метод появился в связи с потребностью общества в овладении разговорной речью в сжатые сроки. Сходная ситуация наблюдается в наши дни с интенсивными методами.

Причиной возникновения методов могут быть и достижения в развитии науки и техники, которые оказывают влияние на формирование новых методических концепций. Так, прогресс в области компьютерных технологий способствовал разработке программированного обучения. Исследования в области звукозаписи привели к созданию лингафонных кабинетов и концепции аудиолингвального метода.

Каждый новый метод нередко объявляется оптимальным и универсальным. Однако опыт работы и исследования в сфере дидактики свидетельствуют о том, что создание универсального метода — задача вряд ли осуществимая, ибо оптимальность метода определяется конкретными целями, задачами и условиями обучения. Так, аудиовизуальный метод можно считать наиболее эффективным на занятиях по развитию устной речи в сжатые сроки с опорой на аудиовизуальные средства. При овладении языком специальности оптимальными будут варианты переводно-грамматического метода.

§ 3. Автоматизированные обучающие системы

Автоматизированные обучающие системы (АОС) — вспомогательные, аппаратурные, аудитивные, визуальные и аудиовизуальные средства оптимизации учебного процесса и организации коммуникативности обучения в условиях аудиторной и внеаудиторной работы учащихся, а также их самостоятельной учебной деятельности.

Компьютеризация обучения. Компьютеризация обучения представляет собой одну из чрезвычайно сильных тенденций в современной педагогике. Вместе с тем это одна из сложнейших задач, стоящих перед системой образования. Именно автоматизированное дистанционное обучение способно коренным образом повысить эффективность обучающих воздействий благодаря повышенной мотивации, одновременно сокращая затраты человеческого труда вследствие того, что рутинные операции, связанные с образовательным процессом, пере-

кладываются на «плечи» компьютера и, следовательно, выполняются человеком лишь однажды, повторяясь машиной столько раз, сколько необходимо.

Автоматизированные обучающие системы могут использоваться при обучении различным дисциплинам. Однако здесь мы будем говорить в основном о системах, предназначенных для обучения иностранным языкам.

Функции АОС (приводятся по работам И. В. Жаркова). Функции автоматизированных обучающих систем определяются теми обучающими воздействиями, которые программы, входящие в систему, оказывают на обучаемых. К числу *основных* функций этих программ относятся: собственно обучение, тренировка, контроль, оценка. Такое разделение чрезвычайно существенно при проектировании и разработке обучающих программ: оно определяет общий вид сценария программы, форму диалога с обучаемым (если диалог предусмотрен), а также в некоторой степени и действия обучающего как до, так и после сеанса взаимодействия обучаемого с программой.

Возможно выделение нескольких *дополнительных* функций, выполняемых автоматизированными обучающими системами. Эти функции реализуются факультативно, в дополнение к одной или нескольким из основных. К числу дополнительных функций можно отнести:

- регистрацию результатов учебной деятельности. Особое значение эта функция приобретает в автоматизированных обучающих системах, имеющих в своем составе соответствующую базу данных; более того, при наличии такой базы данных регистрация результатов обучающих воздействий является наиболее эффективным средством ее ведения;

- информирование обучаемого. Эта функция может быть реализована в полном объеме при наличии в системе базы знаний: в этом случае обучаемому может быть предоставлена возможность посредством обращения к ней через запросы получать необходимую ему информацию;

- ведение диалога. Для ведения диалога необходим хорошо продуманный, приближающийся к естественному языку, позволяющий строить и распознавать необходимое множество высказываний;

- выбор стратегии и тактики обучения (настройка системы на обучаемого).

Глава 3

Лингвокогнитивное моделирование

§ 1. Моделирование языка

Моделирование — исследование какого-либо явления, объекта, процесса путем построения и изучения их моделей.

Модель — в языкознании искусственно созданное лингвистом реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением (обычно в упрощенном виде) поведение какого-либо другого устройства (оригинала) в лингвистических целях.

Модели языка. В настоящее время принято говорить о трех типах моделей языка. Первый — это модели, воспроизводящие тот или иной тип речевой деятельности: понимания (анализа) текста, порождения речевых произведений (синтеза), автоматического перевода; обучающие модели языка; интеллектуальные системы разных типов, использующие диалог на естественном языке, и т.д. Второй тип моделей — речевые произведения, являющиеся обязательными компонентами любых типов речевой деятельности, а следовательно, и обязательными компонентами любых ее моделей. Третьим типом моделей являются модели собственно языкового механизма, которые воспроизводят языковые закономерности понимания и построения речевых произведений. Вопросы моделирования излагаются здесь в соответствии с мнениями М.И. Откупщиковой, Л.В. Бондарко, В.Д. Буторова, В.В. Богданова.

Проблемы моделирования. Основные трудности моделирования различных видов речевой деятельности связаны с тем, что речевые произведения — тексты — моделируют действительный мир. Отсюда следует практическая невозможность создания универсальной моде-

ли, воспроизводящей все виды речевого поведения человека и анализирующей/синтезирующей любые тексты, описывающие все миры действительности, реальные и нереальные.

Обычные лингвистические описания структуры языка могут быть классифицированы как интеллектуальные структурные модели. Для ряда социально значимых целей эти модели оказываются высокоэффективными. Они используются для обучения родному и неродному языку, для перевода и редактирования. Очевидно, что они рассчитаны на интеллект человека, способный широко использовать так называемую интуицию, т.е. ассоциации, прошлый опыт, догадки и т.д.

Следует отметить, что в плане создания таких моделей лингвистика накопила материал, которому может позавидовать любая другая наука и который, несомненно, должен в той или иной мере быть использован при разработке компьютерных моделей речевого поведения.

Сложившаяся в последнее время практика моделирования систем речевого поведения, ориентированных на узкую предметную область, получает теоретическое обоснование в идеях о моделировании мира при помощи речевых произведений. Однако следует подчеркнуть, что даже при ориентации компьютерной системы на узкую предметную область эффективность и сама возможность автоматической обработки достаточно большого количества текстов существенно зависит от полноты, универсальности модели языкового механизма. Поэтому возникает необходимость построения общей такой модели, являющейся важнейшим компонентом компьютерной модели речевого поведения.

Кроме создания *математических моделей языка*, являющихся компонентом математического обеспечения, для компьютерных моделей речевого поведения требуется разработка *структурных лингвистических моделей*, воспроизводящих процессы функционирования языкового механизма, а также *структурных моделей*, воспроизводящих структуру языкового механизма. В отличие от обычных лингвистических описаний, эти модели должны отвечать требованиям точности, адекватности, простоты, компактности, непротиворечивости и полноты.

§ 2. Моделирование уровней языка

Уровни языка — некоторые фрагменты языка, подсистемы общей языковой системы, каждая из которых характеризуется совокупностью относительно однородных единиц и набором правил, регулирующих их использование и группировку в различные классы и подклассы.

Моделирование звуковой формы языка. Звуковая форма существования языка является основной и исходной для любого естественного языка. Это определяет особую роль фонетических исследований в прикладной лингвистике. Можно говорить об основных направлениях в изучении звуковой формы языковых единиц, к которым относятся:

1) анализ акустических характеристик речевого сигнала — для создания систем передачи речи по каналам связи, для разработки процедур автоматического распознавания и синтеза речи, для улучшения методики восстановления речи и слуха у больных с соответствующими нарушениями;

2) анализ артикуляторных характеристик процессов речепроизводства — для выявления механизмов управления произносительными органами со стороны соответствующих центров коры головного мозга, что облегчает понимание процессов, характеризующих высшую нервную деятельность человека. Такое понимание имеет и практическое значение при лечении больных, страдающих различными формами нарушения речи. Многие исследователи считают сведения о механизмах рчеобразования очень важными для построения систем автоматического распознавания и синтеза речи;

3) исследование процессов восприятия речевых сообщений слуховой системой человека, важное как для оценки значимости акустических свойств этих сообщений, так и для построения модели слуховой обработки речевого сигнала. Такого рода исследования чрезвычайно важны для специалистов и в области записи и передачи речевых сообщений, и в области автоматического распознавания и синтеза речи.

Все перечисленные направления в изучении свойств речевого сигнала имеют огромное значение при обучении родному или неродному языку. Значительное место в этой проблеме занимают выработка орфоэпических навыков, устранение диалектных и просторечных явлений, а также постановка так называемого сценического произношения.

Моделирование синтаксической структуры языка. Синтаксический анализ предложения — необходимый этап автоматической обработки текста или речи при решении различного рода задач в прикладной лингвистике. Целью синтаксического анализа является распознавание синтаксической структуры предложения или отдельных его частей. К основным проблемам моделирования синтаксиса в прикладной лингвистике относятся представление синтаксических структур естественного языка и разработка оптимальных методов (алгоритмов) синтаксического анализа, ориентированных на то или иное представление синтаксической структуры.

В настоящее время широко используются три основных способа представления синтаксической структуры предложения, а именно представление ее как: 1) структуры составляющих (дерева непосредственно составляющих); 2) структуры зависимостей (дерева зависимостей); 3) структуры, совмещающей свойства структур зависимостей и составляющих (ориентированной структуры составляющих).

Моделирование семантики. При моделировании семантики предложения прежде всего возникает вопрос о том, что считать смыслом предложения. Однозначного ответа на него в настоящее время не существует. Однако большинство исследователей сходится на том, что смысл предложения представляет собой сложное, многоаспектное образование. В содержании предложения сложнейшим образом сфокусированы характеристики экстралингвистической действительности, ее отражения в сознании человека в виде концептуальных структур, коммуникативных установок участников общения, а также особенности самого языка. При моделировании семантики предложения каждый из названных аспектов может получить статус исходного или даже единственного, если прочие аспекты по каким-либо соображениям не рассматриваются. В зависимости от того, какой исходный аспект кладется в основу моделирования семантики предложения, возможны, в принципе, четыре подхода: онтологический, концептоцентрический, синтактикоцентрический, антропоцентрический. В рамках каждого из них существует некоторая система воззрений, разработанных с различной степенью детальности. Поэтому важно выявить фундаментальные принципы и постулаты, которыми можно руководствоваться, строя теорию с преимущественной ориентацией на какой-нибудь один аспект.

Моделирование статистических параметров языка. На фоне непреходящего интереса лингвистов к технике обработки данных в настоящее время на первый план выдвигается вопрос о месте и роли статистического метода в лингвистике и особенностях его применения к

решению конкретных задач. Не теряет актуальности и попытка разобраться в том, на что может претендовать статистический метод и на что он претендовать не может.

В статистическом методе — универсальном методе познания действительности — оптимально отражены взаимоотношения между субъектом и объектом исследования, объектом и методом, объектом и знанием о нем. Позиция исследователя при этом характеризуется объективностью, беспристрастностью, а его интерес к объекту диктуется прежде всего практическими, прикладными целями, например задачей автоматического индексирования текста, его дешифровки или атрибуции.

В результате взаимодействия исследователя с объектом рождается статистическое знание, обладающее свойствами, вытекающими из позиции и интереса исследователя (объективность, прагматичность), а также объекта исследования (системность, стохастичность, симптоматичность, многомерность, конкретность, количественность) и метода исследования (строгость, приближенность, верифицируемость). Обращает на себя внимание тот факт, что метод взаимодействует не только с объектом, но и добытым знанием, отсюда свойство верифицируемости знания.

Моделирование уровня текста. К актуальным проблемам моделирования уровневой структуры языка, прежде всего уровня текста, относится компьютерная обработка древних рукописей и подготовка их к последующему изданию, что имеет большое историко-культурное значение. Немало рукописей на восточных, германских, романских, славянских языках дошли до нас из глубины веков. Изучением древних рукописей занимаются специалисты самых разных профессий: филологи, историки, этнографы, географы, экономисты, социологи. С точки зрения лингвистов, целью подлинно научной истории языка является строгое объективное воссоздание системы языка текстов.

Синхронное моделирование систем языка древних текстов предусматривает построение различных моделей на уровне морфологии, лексики. Такие модели могут быть как собственно морфологическими, ареально-типологическими, функционально-семантическими, так и хронологически-статистическими, описательными, формальными. При этом надо различать исследования, направленные, с одной стороны, на построение системы языка как таковой, а с другой — на воссоздание истории текста. При моделировании системы языка главным является выявление основных доминирующих типов и тенденций; здесь наиболее показательны морфология, высокочастотные

факты в статистике. История памятника связана с проблемами атрибуции текста, где главное — выделение диагностических различительных его признаков. Наиболее показательны в этом отношении письмо текста, его лексика, синтаксис, собственно стилистика, редкие факты статистики.

В процессе моделирования языка особое место занимают словоуказатели к древним памятникам литературы. Они нужны языковедам, литературоведам, историкам, этнографам, поскольку дают полное представление о лексике памятника, о типах слов и форм по их структуре, о характере применения титл, о видах использования графем и их последовательностях. Словоуказатели демонстрируют абсолютную частоту словоформы в тексте и в целом позволяют судить об общем семантическом характере приведенных слов. Идя по пути создания полных словоуказателей, реестров грамматических форм, конкордансов и словарей к отдельным памятникам (центрам письменности), сопоставляя затем между собой словники и словари текстов и зон, изученных лучше других, мы придем постепенно к относительно полной картине ареального и жанрового распределения лексики памятников письменности и сможем более уверенно говорить о неологизмах изводов, школ и авторов отдельных текстов.

Актуальной нерешенной проблемой в сфере составления автоматических словарей является автоматическое сведение словоформ к канонической (словарной) форме. Не говоря уже о трудности определения грамматической характеристики словоформы, следует отметить проблему отождествления графических вариантов одной и той же формы слова. Предпринимавшиеся в этой области усилия пока плодов не принесли, и единственной надежной процедурой сведения словоформ к канонической форме, к сожалению, является ручное постредактирование полученного словаря.

§ 3. Искусственный интеллект

Искусственный интеллект — условное обозначение компьютерных систем, моделирующих некоторые стороны интеллектуальной деятельности человека, его логическое, аналитическое мышление.

Искусственный интеллект: да или нет? В 1950-х гг. был поставлен вопрос: можно ли научить машину мыслить, как человек, или, другими

словами, можно ли создать искусственный интеллект? Ответ на него получить далеко не так просто, как это может показаться на первый взгляд. Сложность вопроса связана с тем, что мы очень плохо представляем себе, как человек мыслит. Общей теории мышления в настоящее время не существует. Более того, мы даже не знаем, что такое мышление, нет его определения, по крайней мере такого, которое удовлетворило бы одновременно философов, психологов, инженеров, лингвистов, а также других специалистов, участвующих в решении задач искусственного интеллекта.

Хотя различные исследователи по-разному определяют набор своих задач, тем не менее существует «устойчивая сердцевина» — проблемы, которые практически всеми специалистами включаются в число задач искусственного интеллекта. К таковым относятся, как считает И.П. Панков, решение задач, принятие решений, распознавание образов.

Решение задач. Этот термин объединяет многие проблемы: от доказательства теорем высшей алгебры и решения задач из учебника физики 6-го класса средней школы до бытовых проблем, например какой можно приготовить обед из имеющихся продуктов. Разумеется, здесь речь идет не о непосредственном решении упомянутых выше задач, а о нахождении общего механизма, который использует человек для решения подобных задач, т.е. не о решении задач, а о моделировании этого процесса.

Пока исследуются вопросы, в основном касающиеся моделирования решения различных математических задач. Это связано в первую очередь с тем, что математические задачи проще поддаются формализации. Кроме того, для общего решения проблемы следует разобраться с тем, каким образом человек проводит рассуждения, осуществляет логический вывод. Для моделирования решения только математических задач можно использовать формальную (математическую) логику. Однако для общего решения этой проблемы математическая логика (точнее, только математическая логика) вряд ли подойдет: человек пользуется логикой, весьма отличающейся от формальной. Это не значит, что люди не пользуются формальной логикой (или чем-то вроде этого), но они явно используют что-то еще для логических преобразований. Вероятно, мир, где господствовала бы только формальная логика, был бы очень скучен. Но если математическая логика — это хорошо разработанная научная дисциплина, то «логика человека» остается почти не исследованной.

Принятие решений. Эта проблема в основном рассматривается на материале стратегических игр, таких, как шахматы, шашки, го и т.д.

Работы по моделированию игр осуществляются отнюдь не только для развлечения скучающей публики. Скорее наоборот. Коммерческие программы, играющие в шахматы и другие игры, являются «побочным эффектом» работ такого рода. Дело в том, что «правила игры» существуют не только для перемещения фигур по шахматной доске, но и для размещения сырья и оборудования по предприятиям, передвижения полков и армий по театру военных действий, перемещения денежных средств по финансовой системе и т.д.

Выработка общих методов принятия решения о выборе в каждом конкретном случае правил, которые приводят к наилучшим результатам (т.е. нахождение оптимальной стратегии), не только дает возможность создать эффективные автоматизированные системы управления, экспертные системы, но и вносит свой вклад в общую теорию мышления.

Распознавание образов. Человеку свойственно классифицировать окружающий его материальный мир. Бесчисленное множество различных объектов он объединяет в группы. Два различных яблока, не очень похожих друг на друга, человек называет одним словом — *яблоко*. А груша, может быть, очень похожая на яблоко, тем не менее — *груша*.

Предполагается, что в процессе мышления человек создает некие эталонные образы объектов и групп объектов, с которыми имеет дело, и, сравнивая образ рассматриваемого объекта с эталонными образами, относит этот объект к той или иной группе. Такое действие и называется распознаванием образов.

Самое главное для решения проблемы распознавания образов — это найти ответ на два очень сложных вопроса: как создается эталонный образ (т.е. как человек членит, классифицирует мир) и какие отличия образа объекта от эталона являются существенными, а какие нет?

Человек имеет различные каналы получения информации об окружающей его действительности — зрительный, слуховой, осязательный и др., поэтому у него могут формироваться образы различных типов, и проблема их распознавания распадается на отдельные проблемы: распознавание зрительных образов, распознавание акустических образов и т.д.

Общение человека и компьютера. Одна из наиболее важных проблем искусственного интеллекта определяется необходимостью обеспечить общение человека с машиной на естественном языке. Актуальность ее состоит не только в том, что любое продвижение вперед в данной области приближает нас к созданию искусственного интел-

лекта и вносит вклад в развитие общей теории мышления, но и в том, что даже частичное, с существенными ограничениями ее решение может быть использовано для многочисленных практических применений, таких, как создание естественно-языковой надстройки для информационно-поисковых диалоговых систем, автоматизированных систем управления и других систем, для эксплуатации которых сегодня требуется изучать специальные языки, пользоваться специальными словарями и т.д.

Таким образом, из широкого спектра задач искусственного интеллекта важнейшей для прикладной лингвистики является проблема моделирования речевой деятельности человека, анализа и синтеза речи.

Глава 4

Терминоведение и лексикография

§ 1. Прикладное терминоведение

Термин — слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности.

Термины и терминосистемы. Терминоведение представляет собой современную научную дисциплину, предметом которой являются термины и терминологические системы (терминосистемы). Оно возникло в середине XX в. на стыке лингвистики, логики, информатики, психологии и ряда других наук. Поскольку термины в любом языке — это в основном слова или словосочетания, которые подчиняются практически всем закономерностям создания и функционирования слов и их сочетаний, предмет и методы терминоведения в значительной мере совпадают с предметом и методами лингвистики. В частности, как и лингвистика, терминоведение включает в себя два раздела — теоретический и прикладной. В представлении о них мы опираемся на работы В.М. Лейчика.

Теоретические предпосылки практической терминологической деятельности являются различными: выбор направлений последней определяется той или иной терминоведческой школой, в равной мере как и применяемые здесь принципы, методы, объем, уровни деятельности, ее результаты и внедрение этих результатов в практику, например в экономику. Так, отечественная терминоведческая школа развивает несколько направлений практической деятельности, среди которых: лексикографическая терминологическая деятельность; унификация терминов и терминосистем, включающая упорядочение, стандартизацию и гармонизацию терминов; терминологическое редактирование; перевод терминов при переводе научных, технических и иных специальных текстов; создание терминологических банков данных; организационно-методическую (научно-организационную)

деятельность терминологических органов и центров на разных уровнях — от отраслевого до международного.

Направления практической терминологической деятельности. Сфера использования результатов терминологической деятельности ежедневно ставит перед терминоведением новые задачи, вызывающие к жизни новые направления работы. Так, необходимость и реальная возможность автоматизации хранения и обработки огромных объемов специальной информации привели сегодня к созданию терминологических банков данных. Кроме того, в этой деятельности главную роль играют теперь сами потребители терминологии.

Практическая терминологическая деятельность имеет два взаимосвязанных аспекта: оптимизационный и нормативный. С одной стороны, вся она направлена на обоснование выбора оптимальных, т.е. наиболее соответствующих своей цели терминов и определений их значений, которые удовлетворяют потребность адекватного отражения объектов, процессов и признаков в специальных сферах. С другой стороны, отобранные оптимальные термины и определения закрепляются нормативными документами и предписаниями (стандарты, терминологические рекомендации, нормативные словари, редакторские указания и пр.). Эти документы и предписания имеют большую силу, чем нормы, используемые в нетерминологической сфере лексики, и здесь еще одно отличие терминоведения от лингвистики, поскольку терминоведение имеет дело с нормативными документами, которых не знает лингвистика, и эти документы обладают правовым статусом, а термины в них используются наравне с производственными нормами.

Таковы некоторые общие особенности прикладного терминоведения и направлений деятельности в его рамках.

§ 2. Научно-техническая и учебная лексикография

Лексикография — раздел языкознания, занимающийся практикой и теорией составления словарей.

Научно-техническая лексикография. Лексикографию наряду с орфографией, орфоэпией, основами культуры речи, методикой обучения языку А.С. Герд и М.А. Марусенко называют среди основных практически важных аспектов языкознания.

Объектом научно-технической лексикографии является теория и практика создания специальных (терминологических) словарей. В специальных словарях толкуется и определяется терминология и номенклатура от-

дельных наук и отраслей знания, представленная в книгах, журналах, а также в деловых документах министерств, ведомств, вузов, в производственной документации промышленных и коммерческих предприятий.

Учебная лексикография. Учебная лексикография является одним из самых молодых разделов общей лексикографии, имеющей долгую и хорошо изученную историю. В самом деле, если работы по составлению словарей разных типов ведутся в учреждениях, существующих подчас не одну сотню лет, то первый в России центр учебной лексикографии — Сектор лексикографии и словарей Научно-методического центра русского языка при МГУ (ныне Сектор учебной лексикографии Института русского языка им. А.С. Пушкина) — организационно оформился лишь в 1966 г. В настоящее время масштабы теоретической и практической работы по созданию русских одноязычных и русско-иноязычных словарей в нашей стране постоянно расширяются.

Специфической особенностью учебной лексикографии как научной дисциплины является ее тесная связь с общей лексикографией, лексикологией, семасиологией, психо- и социолингвистикой, а также с целым рядом проблем методики обучения языкам. Таким образом, кроме традиционных собственно лексикографических проблем учебная лексикография учитывает и многочисленные методические факторы: этап обучения, вид речевой деятельности, родной язык обучаемых, наличие или отсутствие языка-посредника, наличие или отсутствие языковой среды, возрастные особенности и уровень общей культуры обучаемых и т.д.

Учебная лексикография обеспечивает различные формы обучения русскому и иностранным языкам адекватными учебными словарями, дает правильные методические рекомендации по их использованию. Реализация принципов общей теории лексикографии способствует устранению из преподавания лексики лингвистически устаревших методов и приемов, определению границ и возможностей внутриязыковой и межъязыковой эквиваленции, выявлению потенциала лексико-семантической сочетаемости, конкретизации собственно лингвистических ограничений и области максимально эффективного применения каждого из этих приемов.

Правильный учет принципов общей теории лексикографии позволяет адекватно представить языковую реальность, а методические требования определяют самое существенное в учебном словаре — его насыщенность на изучение языка, применение на определенном этапе и для определенной формы обучения, т.е. его функцию.

В тесной взаимосвязи и взаимовлиянии лингвистики и методики заключается сущность учебной лексикографии как самостоятельной лингводидактической дисциплины.

Глава 5

Информационно-поисковые системы

§ 1. Автоматизация в лексикографии

Словарь — справочная книга, которая содержит слова (морфемы, словосочетания, идиомы и т.д.), расположенные в определенном порядке, объясняет значения описываемых единиц, дает различную информацию о них или их перевод на другой язык либо сообщает сведения о предметах, обозначаемых ими.

Автоматические словари. Появление автоматических словарей и автоматических терминологических банков как лексикографических объектов особого класса было обусловлено несколькими причинами: с одной стороны, это рост возможностей компьютеров, а с другой — осознание необходимости поиска путей повышения производительности труда лексикографа и переводчика.

Создание того или иного словаря в завершённом виде требует порой десятилетий работы. Не случайно, что первые достижения по автоматизации лингвистических работ проникли прежде всего в лексикографию. Стало очевидно, что выдачу различных словников, указателей больших объемов целесообразнее по возможности передать машине; прежде всего с помощью компьютера стали создаваться частотные и обратные словари.

Основное назначение автоматических словарей — повышение производительности труда человека при работе с текстами, а также сбор, хранение и обработка различных единиц языка, подлежащих лексикографической интерпретации.

В целом автоматические словари являются особым видом словарей прежде всего именно по функциональному критерию, поскольку предназначены для использования в практических системах автоматической переработки текста.

Экспертные системы и автоматические переводные словари. Обязательной частью любого автоматического словаря является словник. Словник может быть входом в систему семантического описания (базу знаний) или единственной составляющей лингвистической базы. Например, словари, создаваемые в системах информационного обслуживания и составляющие базы знаний систем машинного перевода, включают в себя дескрипторные словники, являющиеся входом в соответствующую базу знаний (тезаурус, систему фреймов). Словники систем машинного перевода содержат лексические единицы с морфологическими, синтаксическими и базовыми семантическими характеристиками, необходимыми для осуществления лексического и синтаксического анализа текста. Кроме того, такие системы должны включать описания значений, синтаксических и семантических правил. В системах устного ввода словник включает в себя написание словоформы, транскрипцию. Словник одноязычного автоматического словаря толкового типа полностью определяется принципами, которые заложены в проект такого словаря.

Автоматические переводные словари предназначены в основном для обработки научно-технических текстов, поэтому большая часть состава таких словарей представлена терминологической лексикой. Для повышения эффективности работы крупного автоматического словаря в него с необходимостью включается вся терминологическая лексика по его тематике, наиболее употребительная лексика из сопредельных тематических областей, общенаучная, общетехническая, а также наиболее употребительная общая лексика. Последняя нужна в первую очередь техническим специалистам, которые обычно хорошо знают лексику собственной специальности, но недостаточно — иностранный язык в целом.

Автоматические словари предназначены для обработки всех видов научно-технических текстов, поэтому они должны включать также термины — как стандартизованные и рекомендуемые, так и нереконструируемые, как устоявшиеся, так и новые.

§ 2. Машинный перевод

М а ш и н н ы й п е р е в о д — выполняемое на компьютере действие по преобразованию текста на одном естественном языке в эквивалентный по содержанию текст на другом языке, а также результат такого действия

История машинного перевода (по работам Л. Н. Беляевой и М. Н. Откупщиковой). В истории машинного перевода традиционно выде-

лялись два подхода: первый, связанный с индуктивным построением систем машинного перевода, с использованием в первую очередь доступной информации лингвистического характера, без априорных дедуктивных построений, ориентированный на использование переводных соответствий в рамках данной языковой пары; и второй — с декларированным преобразованием входного предложения через использование эксплицитного языка смысла в выходное предложение, передающее тот же смысл, что и входное, но обязательно теми же или эквивалентными (по структуре) языковыми средствами. Первый подход носил в разное время разные наименования: подход «грубой силы», инженерный подход, селективная стратегия, методы воспроизводящего инженерно-лингвистического моделирования, лексический подход, «прямой» метод и пр., иногда эти наименования имели негативные или пренебрежительные оттенки (подход *ad hoc*). Второй подход, появившийся позже первого, также имел разные варианты названий (соответственно и определенные различия в технике анализа и синтеза), например: глобальные стратегии, подход «смысл—текст», перевод с использованием семантических множителей, глубинного языка смысла и т.д. В настоящее время есть все основания констатировать, что в практическом применении машинного перевода и в перспективах развития его как части информационного обслуживания приходится иметь дело только с первым подходом, поскольку второй не ассоциируется более с действующими системами машинного перевода или вообще с машинным переводом — все действующие в мире его системы так или иначе построены по принципу передачи определенных переводных соответствий в заданной паре языков, и нет ни одной действующей системы в рамках второго подхода. Это не означает, однако, что второй подход не дал позитивных результатов для проблемы машинного перевода в целом.

Рассматривая машинный перевод с точки зрения его реального вклада в развитие науки и техники, следует остановиться прежде всего на аспекте экономическом. Экономически машинный перевод способствует научно-техническому прогрессу, ускоряя и удешевляя получение иностранной информации на растущем из года в год рынке научно-технических переводов. Однако машинный перевод не представляет собой нечто самостоятельное, не зависящее от окружающей среды. У него лишь свои, особые требования ко всей установившейся системе научно-технического перевода и научно-технической информации в целом. Широкий спектр информационных услуг, которые может оказать и уже оказывает машинный перевод, — избира-

тельное распределение неотредактированных переводов в целях сигнального оповещения, перевод заголовков, рубрик, аннотаций и пр. в оперативном режиме — предполагает формирование новых норм обращения с информацией посредством определенного учета информационных потребностей заказчика. При этом главный экономический эффект собственно машинного перевода пропорционален уменьшению вложенного в редактирование человеческого труда и, соответственно, прямо зависит от повышения качества машинного продукта. Последнее является следствием эффективности лингвистической модели, лежащей в основе алгоритма.

Лингвистические модели машинного перевода. Современные лингвистические концепции, лежащие в основе алгоритмических моделей современных систем машинного перевода, обычно идут не глубже так называемого этапа трансфера, т.е. переводных соответствий в рамках конкретной языковой пары. Практика внедрения и использования систем машинного перевода требует совершенствования лингвистического обеспечения этих систем в части словарей и алгоритмов анализа и синтеза текстов. По мнению некоторых специалистов, актуальным становится формирование теории машинного перевода, которая позволила бы проверять гипотезы на практике. Как традиционная теория перевода начинает использовать приемы, методы и результаты различных лингвистических дисциплин — функциональной и контрастивной лингвистики, социо- и психолингвистики, — так и теория машинного перевода может быть создана только с учетом содержательного анализа методов и результатов таких дисциплин, как лингвистическая теория перевода, теория научно-технического перевода, прикладная лингвистика, когнитология. Подобный учет в аспекте действия систем машинного перевода в существующих сетях научно-технической информации определил главное направление совершенствования лингвистических моделей, а именно — выявление закономерностей перевода с одного естественного языка на другой на уровне собственно переводных соответствий. Стало очевидным, что перевод принципиально отличается от смыслового толкования высказывания, от его представления на языке смысла. Опыт систем, которые базировались на смысловом представлении как цели анализа и на движении от глубинного смыслового представления к поверхностной структуре, показывает, что такое движение связано со значительными потерями информации, которая впоследствии должна быть снова восстановлена. В этом отношении наиболее показателен опыт Гренобльской группы во Франции, которая, принципиально придерживаясь эксплицитно смыслового подхода, при разра-

ботке практических систем прибегает к переводу на уровне переводных соответствий. Именно этим обстоятельством — необходимостью возврата к поверхностной структуре от глубинной — и объясняется отсутствие практических систем машинного перевода в рамках второго подхода; подобный возврат связан с необходимостью запоминать последовательно все шаги от структуры входного предложения к глубинной и затем от глубинной к поверхностной структуре выходного языка.

§ 3. Издательское дело

Издательское дело — отрасль культуры и производства, связанная с подготовкой, выпуском и распространением книг, журналов, газет, изобразительных материалов и других видов печатной продукции.

Автоматизация издательского дела. Автоматизация издательского процесса не только позволяет переложить на «плечи» компьютеров воспроизведение текста авторского оригинала в полиграфическом виде, но и разрешает автоматизировать целый ряд процессов его лингвистической обработки. Рассмотрим эти процессы с позиции В.В. Партыко.

Компьютеризированная технология выпуска изданий несколько изменила границы и специфику этапов традиционной технологии. В настоящее время можно выделить следующие этапы в данном технологическом процессе: *авторский этап* (состоит в записи автором текста своего произведения на машинный носитель информации); *редакционный этап*, который включает в себя: а) корректуру и редактирование текста авторского оригинала; б) редакционно-издательскую деятельность (рецензирование, обработку корреспонденции, поиск информации в базах данных и т.д.); *этап конструирования* (состоит в задании полиграфических параметров для каждого элемента текста: формата набора и полосы, кегля и гарнитуры шрифтов и т.д., а также меток для выделения элементов текста); *этап полиграфического воспроизведения* (состоит в отработке полиграфических параметров для каждого элемента текста с помощью компьютера); *этап тиражирования*, т.е. печатания текста в заданном количестве экземпляров (присутствует только при необходимости выпуска издания в традиционном «бумажном» виде); *этап распространения* (состоит в передаче информации из издательств к читателям с помощью носителей информации или через электронные каналы связи, что в целом образует издательскую сеть).

Как видим, лингвистическое обеспечение отсутствует лишь на чисто техническом этапе тиражирования, на остальных этапах оно в той или иной мере присутствует обязательно.

Поскольку этапы издания хронологически могут быть совмещены (например, автор, набирая текст, сам осуществляет на первом этапе предварительное редактирование текста), то одни и те же функции лингвистического обеспечения могут реализовываться на разных этапах.

Лингвистическое обеспечение отдельных этапов издательского процесса. На авторском этапе авторы для набора текста используют различные текстовые процессоры, т.е. программы, позволяющие набирать и модифицировать текст. В такие текстовые процессоры часто встраивают следующие лингвистические функции: поиск синонимов указанного автором слова и — при необходимости — автоматическая замена этого слова на синоним; поиск слов, содержащих ошибки или отсутствующих в эталонном орфографическом словаре; перенос слов при достижении заданного формата. Кроме того, на данном этапе можно автономно использовать толковые и энциклопедические словари, позволяющие осуществлять быстрый доступ к нужной автору словарной статье.

На редакционном этапе реализуются такие функции по обработке текста, как корректура и редактирование. Кроме того, параллельно с обработкой текста осуществляется редакционно-издательская деятельность. Перечисленные функции реализуются как в специально предназначенных для этих целей редакционно-издательских системах, так и в других типах используемых в процессе подготовки издания систем, в которые встроены эти функции.

Тексты произведений как объект корректуры и редактирования состоят из следующих элементов: простые тексты (графемы-буквы, морфемы, слова, словосочетания, предложения, сверхфразовые единства; блоки — разделы, главы и т.п.; дискурс — текст как целое); специальные тексты, например рубрики, сокращения, наименования единиц измерений и т.д.; сложные тексты, т.е. формулы и таблицы; тексты, образующие аппарат произведений (титальный лист, выходные сведения, указатели и т.д.); служебные тексты, т.е. метки элементов текста и команды полиграфического оформления.

Предметом обработки авторских текстов на данном этапе являются два процесса: 1) приведение текстов в соответствие с оригиналом; 2) приведение текстов в соответствие с существующими нормами. Первый принято называть корректурой, а второй — редактированием. В корректуре и редактировании можно выделить два типа опера-

ций: а) контроля, т.е. нахождения отклонений; б) реконструкции, т.е. исправления отклонений, найденных в процессе контроля. Весь текст, таким образом, является объектом операций контроля, и только те его сегменты, в которых найдены отклонения, — объектом операций реконструкции. Среди отклонений следует различать: а) искажения — отклонения от оригинала; б) ошибки — отклонения от норм; в) погрешности — отклонения от оригинала и норм одновременно.

Лингвистическое обеспечение может быть разделено на автономное и системное. Автономное содержит толковый словарь, энциклопедические словари. Системное делится на блоки: опорная база данных, массив норм, программы.

Опорная база данных включает в себя: словари антонимов, синонимов, орфографический, словарь с морфологической, синтаксической, семантической и прагматической информацией (общезыковой и отраслевой), словари эталонных переносов (для разных языков), списки морфем, единиц измерений, сокращений, персоналий, полиграфических команд, меток элементов текста, стандартных элементов библиографических описаний, специализированные информационно-поисковые языки, рубрикаторы. Массив норм содержит массивы лингвистических норм отдельно по уровням: графем, морфем, слов, словосочетаний, предложений, сверхфразовых единств, блоков, дискурса; психолингвистических норм для читателей с высоким уровнем подготовки, с низким уровнем подготовки; правил переноса (для разных языков). Каждый компонент структуры можно представить как отдельный объект, хотя некоторые компоненты могут быть совмещены (например, словарь с лингвистической информацией может быть совмещен с орфографическим словарем и словарем синонимов). Для этого есть все необходимые технические предпосылки.

Контрольные вопросы

К главе 1

1. В чем состоит значение письменной речи для социального прогресса?
2. Каковы три категории письма?
3. Чем отличается графика от орфографии?
4. Что такое норма в языке?
5. Как осуществляется атрибуция текста?
6. Как стихотворный текст изучается в лингвистике?
7. Каковы объекты и задачи дешифровки?

К главе 2

1. Каковы основные вопросы методики обучения родному языку?
2. Как происходит освоение родной речи?
3. Как эволюция лингвистической парадигмы влияет на эволюцию методов преподавания неродного (иностранного) языка?
4. Чем обусловлена компьютеризация обучения в современных условиях?

К главе 3

1. Какие типы моделей языка вам известны?
2. Каковы в настоящее время основные проблемы моделирования в лингвистике?
3. Какие уровни языка вам известны?
4. Какие задачи решаются за счет моделирования фонетического уровня?
5. Какие задачи решаются за счет моделирования морфемного уровня?
6. Какие задачи решаются за счет моделирования лексического уровня?
7. Какие задачи решаются за счет моделирования синтаксического уровня?
8. Какие задачи решаются за счет моделирования текстового уровня?
9. Каковы задачи, решаемые на основе моделирования интеллектуальных процессов?

К главе 4

1. Каковы теоретические предпосылки практической терминологической деятельности?
2. Каковы основные направления современной практической терминологии?

К главе 5

1. Что является объектом научно-технической лексикографии?
2. Каково основное назначение автоматических словарей?
3. Каковы основные лингвистические модели машинного перевода?
4. Как лингвистически обеспечивается издательский процесс?

Проблемные задания

К главе 1

1. Подготовьте реферативный обзор истории русского письма.
2. Подготовьте реферативный обзор принципов языковой политики в России и СССР в XX в.
3. Подберите самостоятельно примеры атрибуции текстов в филологической практике.
4. Подберите самостоятельно примеры анализа стихотворного текста.

К главе 2

1. Следует ли составлять разные программы обучения по разным иностранным языкам для разной возрастной и социальной аудитории? Обоснуйте свое мнение.

2. Имеется ли у вас личный опыт преподавания? Учитываете ли вы при разработке методики ту или иную лингвистическую парадигму? Подготовьте реферат по этому вопросу.

3. Подготовьте реферативный обзор истории методик преподавания родного или неродного (иностранного) языка в их соответствии с господствующими лингвистическими парадигмами в культуре.

К главе 3

1. Выстройте систему аргументации в защиту той или иной модели языка.

2. Подготовьте реферативный обзор одной (по вашему выбору) из проблем моделирования языка в современной лингвистике.

3. Сравните принципы моделирования различных уровней языка в современной лингвистической практике. Как вы полагаете, соответствуют ли все модели и все принципы, во-первых, самому языку как объекту моделирования, во-вторых, господствующим в культуре лингвистическим парадигмам? Аргументируйте свою точку зрения.

4. Подготовьте реферативный обзор задач моделирования интеллектуальных процессов, способов и результатов моделирования.

К главе 4

1. Насколько сопоставимы, с вашей точки зрения, различные терминологические системы? Проанализируйте несколько терминосистем с лингвистической точки зрения.

2. Подготовьте обзорный реферат по основным направлениям развития современной терминологии.

К главе 5

1. Подготовьте сообщение о роли лексикографии в истории культуры.

2. Подготовьте реферативный обзор современных автоматических словарей.

3. Подготовьте реферативный обзор основных моделей машинного перевода.

4. Подготовьте реферативный обзор основных компьютерных программ, обеспечивающих односторонний и двусторонний перевод.

5. Подготовьте обзорный реферат по использованию лингвистического обеспечения в различных сферах человеческой деятельности — творческой или технической.

Литература

- Баранов, А. Н.* Введение в прикладную лингвистику. М., 2003.
- Бондарко, Л. В., Вербицкая, Л. А. и др.* Прикладное языкознание: учебник. СПб., 1996.
- Волков, А. А.* Грамматология. М., 1982.
- Дориченко, С. А., Яценко, В. В.* 25 этюдов о шифрах. Популярно о современной криптографии. М., 1994.
- Лекомцева, Ю. К.* Введение в формальный язык лингвистики. М., 1983.
- Лосев, А. Ф.* Введение в общую теорию языковых моделей. М., 2004.
- Маркус, С.* Теоретико-множественные модели языков. М., 1970.
- Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.
- Соколов, Н. Н.* Письмо: вчера, сегодня, завтра. М., 1989.
- Языковая норма. Типология нормализационных процессов. М., 1996.

Раздел IV

Методы исследования языка

Методы исследования языка находятся в строгом соответствии с моделями и теориями, принятыми, как мы видели, в данное время в данной языковой культуре. Метод всегда соединен с целью, следовательно: когда мы говорим о методе, то подразумеваем иерархию целей познания. Для студента-лингвиста, желающего проникнуть в лабораторию методов, основная проблема будет состоять не во множественности выбора, ибо в действительности ее не существует, а в преодолении абсолютизации одного какого-то метода как якобы универсального. Сила современной лингвистики — в богатстве и разнообразии методов, отвечающих разнообразию и сложности стоящих перед исследователем задач и целей.

Данный раздел посвящен обсуждению актуальных методов исследования языка: фиксации и описанию, анализу и синтезу, трансформации и интерпретации.

Глава 1

Эффективное исследование и его компоненты: методология и метод

Методология — в языкознании — учение о принципах исследования в науке о языке; определяет подход к объекту, взаимоотношение между субъектом и объектом исследования, способ построения научного знания, общую ориентацию и характер лингвистических исследований; тесно связана с лингвистической теорией, в значительной мере обуславливает научные результаты исследования.

Метод — 1) обобщенные совокупности теоретических установок, приемов, методик исследования языка, связанные с определенной лингвистической теорией и с общей методологией; 2) отдельные приемы, методики, операции, опирающиеся на определенные теоретические установки как техническое средство, инструмент для исследования того или иного аспекта языка.

Глубоко изучить объект — значит прежде всего определить его наблюдаемые и потенциальные свойства, синхронное состояние и предысторию его становления, научиться на достаточно серьезных основаниях прогнозировать его будущее и делать выводы о том, что было бы, если бы он попал в определенные, необычные для него условия. Желание изучить объект чаще всего возникает тогда, когда обнаружено его существование, т.е. обнаружены некоторые его свойства. Поэтому на первых порах изучение объекта связано с накоплением как можно большего количества сведений о наблюдаемых в нем свойствах.

Эффективность исследования. Для эффективности исследования объекта отнюдь не безразлично, как и какие именно свойства должны наблюдаться в нем феноменологически, т.е. какова очередность и каковы средства их обнаружения в исходной форме и каков вид фиксации в конечной. Например, свойства могут обнаруживаться «нево-

оруженными» органами чувств или инструментально, т.е. с помощью приборов; фиксироваться непосредственно в той форме, в какой обнаружены, или же в форме, преобразованной или пересчитанной по определенным правилам.

С учетом названных моментов отработанные приемы получения феноменологических знаний в исследовательской практике относят обычно к числу методик исследования.

Накопление и вывод новых знаний из феноменологических требуют определенных опорных, априорных по отношению к искомым, знаний более универсального характера, отражающих в сознании исследователя онтологические сущностные представления о типах наблюдаемых объектов или хотя бы об их аналогах. Такие знания составляют еще один необходимый компонент эффективного исследования — концепцию, которая в высших своих формах представляет определенную научную теорию.

В процессе получения выводного знания об объекте априорные положения концепции аналогичны «большим посылкам» в силлогизмах, а конечные формы представления феноменологических сведений об объекте — «малым посылкам», но в соответствии с целями исследования нужны отработанные приемы логического перехода от этих посылок к выводам о не наблюдавшихся феноменологических свойствах объекта. По-видимому, именно наличие таких приемов, ориентированных на определенную феноменологию и концепцию, дает право говорить о существовании метода исследования.

Выведение знаний может осуществляться по-разному: либо путем комбинирования конструктов, формально, либо путем выявления потенций базовых компонентов, анализа и взаимосотнесения понятий об этих компонентах.

При прочих равных условиях эффективность исследования тем выше, чем более функционально адаптированной системой является изучаемый объект, ибо системная взаимообусловленность его свойств благоприятствует выведению из феноменологических знаний, с опорой на теоретические, максимума логических и, следовательно, приводит к повышению эффективности разработки методик и методов, по отношению к которым многие специальные принципы, например системной типологии, должны рассматриваться в качестве концепции.

Объект исследования и предмет исследования. В науковедении есть два термина: «объект исследования» и «предмет исследования», причем под предметом часто понимают теоретический образ объекта как источника мысленного получения выводных и феноменологических

знаний об объекте без непосредственного к нему обращения. В конце XX в. в научный обиход был введен еще один термин — «концепт». С его помощью удалось акцентировать аспект научного исследования, при котором происходит мысленное «охватывание» того, что непосредственно наличествует перед исследователем.

Методология, метод и методика. Знания об объекте исследования накапливаются в двух формах. Во-первых, в максимально целостном, интегрированном виде — как концепт данной науки; во-вторых, как сумма разрозненных фактологических, еще не эксплицированных знаний об объекте исследования на уровне явления, т.е. чисто феноменологически как фактологический массив. Но если фактологический массив, включая несвязанные знания, — это просто не разобранная пока копилка знаний, то концепт, представляя собой связанное целое, может быть в науке не единственным.

Предположим, что в течение определенного периода времени ученые пользуются некоторым методом. Как и всякий инструмент познания, любой конкретный метод позволяет более эффективно изучать одни стороны или аспекты объекта и менее эффективно — другие. Поскольку концептуальная картина интегрируется прежде всего на основе выводных знаний, а исследователь получает их при посредстве метода, то естественно, что особенности метода накладывают отпечаток на формирующийся концепт данной науки. Метод оказывается той призмой, через которую рассматривается объект и видится концепт. А так как методов может использоваться несколько, то и концептуальные знания об объекте данной науки могут накапливаться в виде нескольких самостоятельных концептов пусть и одного объекта.

В зависимости от общего уровня развития науки и, в первую очередь, от уровня развития ее методологии концепты науки могут представляться ученому либо как совершенно независимые и несовместимые, либо как отрицающие друг друга, либо как частично перекрывающиеся, либо, наконец, как взаимодополняющие, допускающие осуществление еще одного шага интегрирования и создание такого концепта более высокого яруса, по отношению к которому остальные окажутся разными частными проекциями одной и той же сущности, объективно свойственной изучаемому явлению.

Метод связан не только с научной концепцией, но и с методологией науки. При всей близости этих понятий они существенно различаются прежде всего по объему. Методология — это учение о структуре, логической организации, методах и средствах научной деятельности. Концепция — это определенный способ понимания, трактовки каких-либо яв-

лений; основная точка зрения, руководящая идея для их освещения; ведущий замысел, конструктивный принцип различных видов деятельности. Метод — это способ, путь исследования, а также сама исследовательская теория, опирающаяся на соответствующий метод. Отсюда ясно, что методология является наиболее общим, широким понятием. Она может быть основой для многих концепций. Например, в рамках сравнительно-исторической методологии в разные периоды ее становления и совершенствования формулировался ряд концепций компаративистики, соответствовавших каждому из этих периодов: концепция Ф. Боппа и его последователей, концепция младограмматиков, концепция А.А. Потебни и т.д. Структурная методология, обязанная своими основными постулатами учению Ф. де Соссюра, реализовывалась, как известно, в виде существенно различающихся концептуально школ структурализма. То же можно сказать о типологической методологии языкознания и конкретных типологических концепциях.

Метод как важнейшая составляющая включается и в методологию, и в концепцию, хотя разработка, формулирование его ведущих принципов, определение приемов, из которых он складывается, последовательность их использования диктуются не столько методологией, сколько концептуальными установками. Он, как правило, представляет собой совокупность приемов, вводимых в действие в определенной последовательности. Таковы, в частности, приемы реконструкции, относительной хронологии, экстраполяции и т.д. в сравнительно-историческом методе; приемы сегментации, субституции, дистрибуции и т.д. в структуральном методе. Нередко слова «метод» и «прием» в процедурно-техническом смысле употребляются как синонимы. Поэтому в лингвистической литературе вполне обыденными являются терминологические сочетания типа «метод реконструкций», «метод сегментации», «метод оппозиций» и т.п.

Современная методология вооружает исследователя важными сведениями об универсальных законах мироздания, которые позволяют, во-первых, осмыслить объект данной науки как занимающий вполне определенное место и играющий определенную роль в общей сети взаимосвязей и взаимодействий явлений развивающейся действительности и, во-вторых, благодаря этому выбрать и разработать методы получения выводного знания с учетом своеобразия объекта исследования, обеспечивающие как наиболее высокую эффективность экспликации новых и накопленных ранее фактологических знаний, так и интеграцию знаний об объекте, полученных с помощью уже имеющихся методов и отложившихся в теории в виде разрозненных концептов.

Глава 2

Наблюдение: фиксация, описание и классификация

§ 1. Метод описания по частям речи

Части речи — классы слов языка, выделяемые на основании общности их синтаксических, морфологических и семантических свойств.

Члены предложения — структурно-семантические компоненты предложения, выраженные полными словами или словосочетаниями.

Одним из наиболее распространенных методов описания языка следует считать метод квалификации синтаксических форм через способы их морфологического выражения. Впервые в отечественном языкознании на такую возможность и целесообразность описания указал А.А. Потевня в работе «Из записок по русской грамматике» (1889). Он посчитал, что члены предложения и части речи соотносительны, поэтому описание языка на уровне предложения есть, в сущности, выявление синтаксических функций частей речи. Идеи Потевни нашли свое развитие в XX в., в первом издании «Русского синтаксиса в научном освещении» (1914) А.М. Пешковского, которому соответствия между членами предложения и частями речи представлялись следующим образом: сказуемое — спрягаемый глагол; подлежащее — несогласуемое, неуправляемое и непримыкающее слово; дополнение — управляемое или примыкающее имя; определение — согласуемое имя; обстоятельство — наречие; второстепенное сказуемое — инфинитив. При таком подходе к строю предложения распознать тот или иной его член означало найти часть речи, выполняющую соответствующую функцию.

§ 2. Метод эксперимента

Экспериментальные методы — в языкознании — методы, позволяющие изучать факты языка в условиях, управляемых и контролируемых исследователем.

Приемы экспериментальной фиксации и описания синтаксических явлений получают широкое распространение начиная с 1920—1930-х гг. Родоначальниками этого метода в отечественном языкознании являются А.М. Пешковский и Л.В. Щерба. Они считали, что, «экспериментируя», т.е. создавая разные примеры, ставя исследуемую форму в самые разнообразные условия и наблюдая получающиеся при этом «смыслы», можно сделать несомненные выводы об этих «значениях».

Например, синтаксический эксперимент есть прежде всего изменение условий контекста: исходный синтаксический факт, устанавливаемый предположительно, должен быть подтвержден или опровергнут экспериментальной заменой. Так, раскрывая синтаксический смысл слова *лишь* в стихотворной форме «По синим волнам океана, лишь звезды блеснут в небесах...», Пешковский пишет: «Где гарантия, что ученик понимает слово *лишь* во временном смысле, а не в ограниченном (т.е. в том смысле, что только звезды, а месяца нет)? Опять-таки только в замене слова *лишь* словами *когда*, *как только* и т.д., т.е. в сущности в раскрытии временного смысла данного придаточного предложения».

Эксперимент на уровне семантики слова. Начало экспериментальному изучению значений слова было положено методикой семантического дифференциала, предложенной американским ученым Ч. Осгудом в 1950-е гг. В дальнейшем она была принята к активному применению в психолингвистике. В частности, широкое распространение получил разработанный Осгудом прием семантического шкалирования, «измерения значения».

Экспериментальные приемы описания семантики не претендуют на замещение традиционных, а рассматриваются как дополняющие их. Однако в каких-то случаях они оказываются незаменимыми. Речь идет прежде всего о ситуациях, связанных с описанием значений слов, не образующих в системе языка четких группировок (наименования плодов, веществ, животных, минералов, небесных тел и т.д.); прилагательных и наречий, которые труднее поддаются анализу, чем существительные и глаголы. Сюда же относятся слова с эмоционально-оценочной семантикой типа *дрянь*, *чушь*, *мымра* и т.п. Сторонники

внедрения эксперимента в семасиологию считают именно экспериментальные приемы анализа значения наиболее эффективными для таких случаев.

§ 3. Метод парадигматического описания

Парадигматика — 1) один из двух аспектов системного изучения языка, определяемый выделением и противопоставлением двух типов отношений между элементами или единицами языка — парадигматических и синтагматических; раздел науки о языке, занимающийся парадигматическими отношениями, их классификацией, определением области их действия и т.д., противопоставляется синтагматике по типу изучаемых отношений и их группировок; 2) в более широком смысле — то же, что языковая система, понимаемая как совокупность лингвистических классов — парадигм, противопоставляется синтагматике как синониму понятия лингвистического процесса и текста.

Традиционно-парадигматический метод прошел длительный путь становления и совершенствования со времен Античности до 1930-х гг. Разным этапам этого пути соответствуют разные приемы исследования языка и полученные с их помощью результаты.

Одним из древнейших приемов традиционно-парадигматического метода является установление соответствия между двумя явлениями (единицами) языка, нередко переходящего в тождество (отождествление). Таким путем выделялись в античной традиции, например, имена и глаголы, определявшиеся через их соответствие субъекту и предикату логического суждения. При объединении слов в лексико-грамматические классы (части речи), выявляемые по их общим, так называемым категориальным, значениям с целью идентификации единиц каждого класса прибегают к приему подстановки (замещения). Иными словами, в той же синтаксической позиции имя замещается именем, глагол — глаголом, наречие — наречием и т.д. В принципе, посредством того же приема подстановки, но с учетом уже не категориальных, а более конкретных лексических значений выявлялись такие единицы языка, как синонимы. В традиционно-парадигматический метод входит и прием противоположения, используемый при выявлении единиц лексики языка, определяемых как антонимы, омонимы, паронимы и т.д., т.е. слов, противостоящих друг другу по их положению, статусу в языке или противопоставляемых друг другу во-

лею автора, что особенно характерно для художественной речи. Возможности подобного противопоставления слов, их значений, коннотаций практически безграничны, что открывает широчайшую перспективу в процессе создания или воссоздания внутренней формы слова в поэтической речи.

Впоследствии под воздействием структуралистских идей традиционно-парадигматический метод перестает восприниматься как особый метод. Он уступает место методу оппозиционному, в котором анализу языковых явлений и отношений по противоположениям отводится исключительное место.

§ 4. Метод описания по лексико-семантическим группам

Лексическое значение слова — содержание слова, отражающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении.

Исследования лексико-семантической системы языка предполагают использование метода выявления и описания значений слов в практике составления толковых словарей в различных национальных модификациях. В европейской лингвистической традиции он связан с работами Й. Трира, в отечественной — Ф.П. Филина.

Этот метод представляет собой процедуру объединения двух, нескольких или многих слов по их *лексическим значениям*. Под лексическим значением понимается при этом предметное содержание слова, т.е. соотносительность слова с миром вещей, явлений и пр. При этой процедуре в лексико-семантических группах слов, во-первых, обнаруживаются действующие в данном языке закономерности и правила развития значений слов, во-вторых, реализуются собственно языковые закономерности. Например, такая группа, как *руки — ноги = конечности*, характеризуется наличием родовидовых соотношений, представляющих собой внутреннее, специфическое явление языка, обусловленное ходом его исторического развития. Ярким примером внутренней обусловленности компонентов лексико-семантических групп, согласно Филину, являются синонимы и антонимы.

Данный метод в разных его модификациях и вариантах достаточно широко используется в современной исследовательской и аналитической практике.

§ 5. Лингвогенетический (сравнительно-исторический) метод

Сравнительно-исторический метод — совокупность приемов и процедур историко-генетического исследования языковых семей и групп, а также отдельных языков, используемая в сравнительно-историческом языкознании для установления исторических закономерностей развития языков.

В современном языкознании методика генетических исследований языков представляет собой сумму конкретных приемов изучения истории как отдельных языков, так и их родственных групп. Эти приемы составляют одну из конкретных реализаций диахронического подхода к языку и используются для построения некоторой совокупности знаний об их историческом развитии. Результатирующими продуктами лингвогенетических исследований являются исторические грамматики отдельных языков и сравнительно-исторические грамматики языковых семей.

Среди всего многообразия относящихся сюда частных методик, дающего иногда повод считать генетическое языкознание одной из наиболее точных областей всего комплекса гуманитарных наук, особенно четко разграничиваются приемы: а) генетического отождествления фактов; б) реконструкции соответствующих архетипов (праформ); в) хронологизации; г) локализации явлений и их системно связанных совокупностей. Комплекс этих приемов входит в равной мере в методику как исторического исследования отдельно взятого языка, так и сравнительного изучения группы родственных языков (сравнительно-исторический метод).

Предпосылки генетических исследований. Объективную основу генетического отождествления языковых явлений составляет генетическая сравнимость отдельных фактов и их совокупностей как в рамках единого языка, так и в масштабах групп родственных языков. В отдельно взятом языке или в нескольких представителях языковой семьи всегда присутствует определенное число генетически тождественных единиц, т.е. величин, восходящих к единому историческому знаменателю прошлого языкового состояния, но претерпевших те или иные изменения. Так как в условиях языкового контакта генетически тождественные единицы на правах заимствований проникают и в неродственные языки, то приемы генетической идентификации единиц могут быть применимы и по отношению к материалу последних. На этом основании становится возможным применение сравнительно-исторической методики исследования также к неродственным языкам.

Первоначально объем лингвогенетических исследований совершенно неоправданно сужался за счет преимущественного внимания к реконструкции праязыковых состояний, которая рассматривалась в качестве основной цели исследования, в то время как все дальнейшее развитие групп родственных языков не было предметом достаточного изучения. Однако постепенно утвердилось более широкое понимание содержания целей и задач генетических исследований, в результате чего их основной задачей в современном языкознании признается раскрытие процессов исторического развития родственных языков (или отдельно взятого языка), в то время как реконструкции архетипов, как, впрочем, и моделированию в целом, отводится подчиненная решению этой задачи методическая роль. Соответственно такой важный фрагмент генетических исследований, как сравнительно-исторический метод, определяется как система научно-исследовательских приемов, используемых при изучении родственных языков для построения картины исторического прошлого этих языков в целях раскрытия закономерностей их развития от языка-основы. Предметом дискуссий в настоящее время остается лишь вопрос об объеме вхождения новообразований отдельных языков в сферу компетенции сравнительно-исторического метода.

Сравнительно-исторический метод. Сущность, смысл и назначение сравнительно-исторического метода определены уже в его названии: он служит для сравнительного изучения языкового материала, изменяющегося во времени. Следовательно, сравнение и историзм — главные черты и основополагающие установки этого метода.

Понимание назначения сравнительно-исторического метода не было одинаковым на всем протяжении его истории, различалась и совокупность приемов анализа, которые в нем объединялись. Для основоположников сравнительно-исторического метода он представлял собой прежде всего способ, средство реконструкции того, что исторически не засвидетельствовано, но некогда должно было существовать, коль скоро имеется наследие. Таков пафос устремлений компаративистов первого поколения от Ф. Боппа до А. Шлейхера.

Позднее, благодаря деятельности младограмматиков, приходит расширительное толкование роли и назначения сравнительно-исторического метода: он рассматривается и используется не только как средство реконструкции праязыковых состояний, но и как надежный инструмент для выяснения закономерностей в истории развития родственных языков. Это свидетельствует о том, что возможности сравнительно-исторического метода раскрывались и осознавались постепенно, в соответствии с задачами, решаемыми с его помощью.

Сравнительно-исторический метод — это не просто совокупность приемов и процедур их реализации, служащая для изучения истории родственных языков, но и строго продуманная концепция отбора и интерпретации соответствующего материала, опирающаяся на выверенные исследовательской практикой принципы. К числу последних относятся: отбор языкового материала, подлежащего сравнению; сравнение, направленное на выявление родства; реконструкция праязыковых форм — важнейший принцип сравнительно-исторического метода, то, ради чего проводится отбор материала для сравнительно-исторических наблюдений, основанный на предположении, что огромное разнообразие языков — это не изначальное состояние языковой ситуации в мире, а результат исторического развития. Разные языки объединяются в группы и семьи по признаку родства, общности происхождения. Родственные языки и их группы считаются произошедшими из языка-основы, праязыка. Поскольку факты праязыка или праязыков исторически не засвидетельствованы, они могут быть восстановлены, реконструированы лишь гипотетически.

Реконструкция. Выделяют три типа реконструкции: реконструкцию внешнюю, реконструкцию внутреннюю и так называемый «филологический метод». Как видно из самой терминологии, первый тип реконструкции связан с выходом за пределы единой языковой системы, второй остается в ее рамках, а третий, оперируя разновременными письменными памятниками языка, может применяться в обоих случаях. В качестве особой разновидности внешней реконструкции иногда указывают «обратную реконструкцию», когда во внимание принимаются данные языка-основы значительно более раннего состояния. Например, реконструкция общегерманского состояния выполняется на базе не только исторически засвидетельствованных германских языков, но и известного науке представления о наиболее позднем периоде в существовании общеиндоевропейского языка-основы.

Моделирование. Важным в современном генетическом исследовании языков является метод моделирования. Хотя в практике компаративистики он используется фактически с самого ее зарождения, специальная его разработка стала объектом внимания лишь в последнее время. Модельный характер ряда понятий генетического языкознания находит яркое отражение уже в метафоричности его терминологии, включающей такие компоненты, как «языковое родство», «языковая семья», «праязык», «дочерние языки» и т.п. Терминология отражает, конечно, не сходство реальных языковых отношений с биологическими, которое, по-видимому, действительно усматривалось в свое время А. Шлейхером, а сходство отдельных лингвистических мо-

делей (прежде всего модели «родословного древа») с биологическими. Очевидно, что реконструированные праформы, верификация которых на дальнейшем материале затруднена, представляют собой только предполагаемые модели языковых фактов прошлого. Например, конкурирующие представления о составе и качестве ларингальных фонем в раннем индоевропейском состоянии по сей день остаются на правах моделей.

Праязык и праязыки. Одним из центральных методических понятий, связанных с моделированием взаимоотношений генетически родственных языков, в компаративистике остается понятие праязыка, или языка-основы. Оно только с течением времени вычленилось из первоначально синкретического представления ранних компаративистов о некотором реальном предшественнике группы родственных языков и о совокупности его реконструированных фрагментов.

В настоящее время методическое понятие праязыка разных степеней как некоторых совокупностей частных реконструкций, соотносимых с определенными хронологическими уровнями, приобрело в науке статус необходимого регулярного концепта, обладающего большой объяснительной силой и, по существу, направляющего все генетическое исследование группы родственных языков.

Особое место в генетическом языкознании занимает вопрос о степени единообразия постулируемых исследованием праязыков. Все, что известно в настоящее время о формах существования языка, подтверждает членение его на территориальные диалекты и наличие в нем социальной языковой дифференциации.

Этимологический анализ. К методическим приемам описания и классификации в рамках лингвогенетических исследований относятся становление хронологии изучаемых языковых фактов и этимологический анализ.

Возможность реконструкции отдельных элементов какого-нибудь языкового уровня создает предпосылку для реконструкции целостных систем: фонологической, грамматической и лексической. При этом перспективы реконструкции варьируются от уровня к уровню. Наиболее широки они, как показывает исследовательская практика, в области фонологии и морфологии, характеризующихся более или менее ограниченным набором структурных единиц. Фонологическая реконструкция приводит к фонематической схеме древней праформы. Фонологическая становится возможной при условии установления объективных процессов, имевших место в фонетической субстанции языка.

Наиболее велики трудности в области лексической реконструкции — особенно в связи с ее неизбежным семантическим компонентом. Так,

еще А. Мейе отмечал, что, просматривая этимологический словарь, мы получаем такое впечатление, будто индоевропейский язык обладал словами и корнями абстрактного и общего значения, а каждый из индоевропейских говоров надо представлять себе вроде какого-нибудь современного литовского говора, бедного общими понятиями и изобилующего точными названиями конкретных действий и мелочей домашнего обихода.

Лексические и отчасти грамматические реконструкции в силу своего семантического компонента так или иначе приводят исследование к интересным выводам внелингвистического порядка (например, о древней локализации соответствующего общества, о его социально-экономической структуре, материальной и духовной культуре и т.д.). Такого рода палеонтологическому исследованию, составляющему в прошлом важное направление работ языковедов-индоевропейцев, способствует применение методики, известной под девизом «*Wörter und Sachen*» («Слова и вещи»), которая позволяет от реконструкции определенного лексемного инвентаря переходить к постулированию имплицитного им культурно-исторического фона. Например, то обстоятельство, что в этимологическом словаре абхазско-адыгских языков фиксируется наличие исконных лексем со значениями «море», «берег (с галькой)», «рыба (крупная, морская)», «гора» // «высокий лес» // «колючий кустарник» и т.п., надежно локализует ареал носителей языка-основы примерно на местах нынешнего расселения абхазо-адыгов. С другой стороны, факт исконной общности скотоводческой терминологии в сванском и других картвельских языках и отсутствия такой общности в земледельческой терминологии многое говорит об укладе жизни древних картвелов на определенных этапах их истории. Однако применение данной методики требует большой осторожности: оптимальная в этом отношении ситуация предполагает наличие тех или иных внелингвистических подтверждений соответствующих выводов. Л. Блумфилд отмечал в этой связи, что, например, для протоалгонкинского языка формально могут быть реконструированы формы **paškesikani* (ружье) и **eškoteewaapoowi* (виски), которые, однако, не могут соотноситься с местными реалиями доколумбовой эпохи, будучи поздними композитами.

Синтаксическое описание. На уровне синтаксического описания известны несколько методов, получивших свое название по именам языковедов, которые эти методы разработали и активно использовали.

Метод А.А. Потевни. А.А. Потевня предложил поставить в центр исторического синтаксиса исследование синтаксических тенденций, действующих на протяжении длительных отрезков времени, так как в

этом случае поддаются закономерному обоснованию изменения, происходящие в языке исподволь и непрерывно; каждый факт или группа фактов при этом становится материализацией тенденций, т.е. обеспечивается необходимым научным объяснением. Та или иная тенденция, возникающая в языке, приводит в движение значительные массы языковой системы, с разной степенью очевидности актуализируя ее. Следовательно, для того чтобы научно осмыслить соответствующую тенденцию как синтаксическую закономерность, необходимо опираться на массовый, значительный по количеству, языковой материал.

«*Морфологический метод*» Б. Дельбрюка. Смысл использования методики морфологических исследований в синтаксисе Б. Дельбрюк видит в том, чтобы, отталкиваясь от данных морфологии, попытаться осветить вопросы сравнительно-исторического синтаксиса. Содержание морфологического метода состоит в следующем: в основу сравнительно-исторического изучения синтаксиса кладется учение об исконных значениях, которые делятся на относительные и абсолютные; под относительными исконными значениями понимаются функции языковых праформ, выявляемые в результате сравнения значений, представленных в древних памятниках; абсолютные исконные значения устанавливаются путем разложения анализируемой формы на этимологические значения. Если удастся выявить смысл этих компонентов, то становится ясным исконное абсолютное значение формы или синтаксического сочетания, на базе которого она выросла. Именно этот прием является собственно морфологическим.

«*Аналогический метод*» А. Мейе. Смысл данного метода, как это явствует из его названия, состоит в том, что выводы, касающиеся функций или структуры праязыковых форм, основываются на поиске аналогичной функции или структуры синтаксического оборота в сравниваемых родственных языках. Если одна и та же (аналогичная) функция или структура оборота обнаруживается во всех либо многих родственных языках, то эта функция или структура экстраполируется на праязык.

«*Комбинированный метод*». Необходимость комбинированного подхода к сравнительно-историческому изучению синтаксиса обосновывает Г.С. Кнабе, опираясь на опыт и достижения компаративистики XX в. К числу таких достижений относятся, в частности, отчетливо сформулированная теория развития строя предложения от паратаксиса к гипотаксису; положение о преобладании в древнейший период аппозиции и примыкания над другими типами связи между словами; о соотносительности процесса становления частей речи и членов предложения; о формировании предложения от простого к сложному.

Реконструкция архаичных значений слов. Особый интерес в современной лингвистике представляет реконструкция архаичных значений слов. Общая методика установления древнейших слов является наименее разработанной отраслью сравнительно-исторического языкознания. Объясняется это тем, что исследователи значительно меньше внимания уделяли семантике реконструированного слова или формы. Реконструкция, не идущая вразрез с определенными фонетическими соответствиями, обычно рассматривалась как достижение поставленной задачи. Значение так или иначе прикладывалось. Правда, наряду со сравнительно-историческими изысканиями велось составление этимологических словарей, и надо сказать, что таких словарей в настоящее время существует уже значительное количество, однако их авторы больше заботились об установлении этимологических связей слов, чем об определении их более архаичных значений. Другой причиной относительно слабой разработки этой проблемы являются большие трудности, с которыми всегда приходится сталкиваться исследователю, работающему в области исторической лексикологии.

Кроме того, по сравнению с системой словообразовательных и словоизменяемых формативов словарный состав языка меняется значительно быстрее. Носители индоевропейского языка-основы имели определенные названия для таких частей тела, как голова, рука, нога и т.д. Однако в современных индоевропейских языках эти части тела нередко называются по-разному, ср., например, рус. *голова*, нем. *Kopf*, алб. *krue*, фр. *tête*, перс. *sār* и т.д. При этом невозможно определить, какое из слов в ряду является наиболее архаичным.

Хронологизация и локализация. Одну из существенных задач генетико-лингвистического исследования составляет решение вопроса о пространственно-временной соотнесенности языковых фактов прошлого. Поскольку языки существуют во времени и пространстве, внимание к этому вопросу — необходимое условие историзма в генетическом изучении языков. Следует подчеркнуть, что для самой лингвистики преимущественное значение имеют факты относительной, а не абсолютной хронологизации и локализации явлений. Обе проблемы постоянно обнаруживают тесную взаимосвязь, так что в ходе решения одной из них во многих случаях имплицитно присутствует решение другой. Более того, согласно исследованиям Э. Сепира и его учеников, а также специально рассматривавших данный вопрос представителей итальянской неолингвистики, оказались возможными временные импликации из пространственных характеристик языков. Вместе с тем факты абсолютной хронологизации и локализации явлений имеют прежде всего внелингвистическую значимость.

В технике хронологизации выделяются две основные группы приемов: определение временной последовательности явлений и совмещение явлений во времени. Одну из сложных проблем лингвистической хронологии составляет периодизация истории языка, как правило, вызывающая широкие дискуссии. Она остро стоит не только для документально не засвидетельствованного периода языковой истории (ср. контроверзу вокруг периодизации праславянской эпохи в славистике или периодизации истории индоевропейского праязыка), но и для языков, обладающих длительной литературной традицией (ср. проблеме периодизации грузинского литературного языка). Практика исследований в наиболее прогрессирующих отраслях компаративистики показывает целесообразность по степени контролируемости выделения по крайней мере двух временных срезов — наиболее позднего периода в существовании языка-основы (накануне распада праязыка) и некоторого предельного, достигаемого реконструкциями.

Приемы лингвистической хронологизации можно условно разделить на внутренние и внешние по отношению к рассматриваемой языковой системе. Ведущая роль принадлежит обычно внутрилингвистическим критериям. Чаще всего они опираются на установление соответствующих причинно-следственных отношений: если выясняются причины наступившего изменения, то тем самым определяется и временная последовательность связанных этими отношениями фактов. Выводы аналогичного порядка можно сделать, зная, что один какой-либо факт служит необходимой предпосылкой возникновения другого (ср. отношения корневого и производного слов, двух лексических синонимов: одного — немотивированного, а другого — представленного описательным образованием). В этом отношении наиболее популярным критерием всегда было поведение заимствований в данной системе. Например, знание эпохи древнегерманско-финских контактов дает возможность по поведению германизмов датировать некоторые фонетические процессы в финском языке.

Глоттохронология. Для определения глубины лингвистического времени применяются также количественные методы. Наиболее интересной методикой считается предложенный М. Сводешем так называемый глоттохронологический, или лексико-стагистический, метод датировки доисторических дивергенций внутри праязыковых единств. Появлению глоттохронологии способствовали в основном два обстоятельства: общий интерес к проблеме членения праязыковых единств, имеющей в индоевропейском сравнительном языкознании довольно длительную историю, и необходимость сравнительно-исторических исследований многочисленных индейских языков Америки, которые,

как известно, не имеют письменной традиции и засвидетельствованы в преобладающем большинстве случаев лишь в синхронном состоянии.

В основе глоттохронологического метода лежат следующие теоретические положения:

- закономерности морфемного распада в различных языках мира позволяют определить временную глубину залегания праязыков, подобно тому как геология путем анализа содержания продуктов распада определяет их возраст;

- изменение словарного состава различных языков совершается неодинаково: в каждом языке, помимо широкого словаря, изменяющегося более или менее быстро в зависимости от конкретных культурно-географических условий его функционирования, имеется так называемый основной словарь (*basic dictionary*), отражающий универсальные и общечеловеческие понятия и изменяющийся довольно медленно; в этот основной словарный фонд входят названия некоторых частей тела, элементарных и наиболее известных явлений природы, элементарных действий, качеств и т.д.; предполагается, что темп изменения этого словаря, т.е. процент сохранения его фонда, символически обозначаемый r , для всех языков приблизительно одинаков: равен примерно 85% за одно тысячелетие.

Ностратическая гипотеза. Развитие сравнительно-исторического изучения языков различных семей всегда сопровождалось попытками расширить круг родственных языков, протянуть связующие нити от одной семьи языков к другой в целях доказательства их генетического родства в далеком прошлом.

Истории лингвистической науки известны попытки сблизить индоевропейские языки с семитскими, финноугорские с алтайским, индоевропейские с тюркскими и урало-алтайскими и т.д. Имеются попытки сближения тюркских языков с уральскими, тюркских с монгольскими, финноугорских с дравидскими, финноугорских с индоевропейскими, уральских с юкагирскими и т.д.

Если в прежнее время в большинстве случаев производились попытки сближения отдельных семей языков, например семитских с индоевропейскими, тюркских с финноугорскими и т.д., то современный этап развития ностратики характеризуется стремлением устанавливать группы родственных языков, включающие очень большое количество членов. Например, замечает А.Б. Долгопольский, вероятностная оценка сходства между морфемами индоевропейских, уральских, алтайских, чукотско-камчатских, картвельских и семито-хамитских языков показала, что это сходство не может быть случайным и не может быть результатом заимствований, а следовательно, приходится

его объяснять генетическим родством. Эти языки Долгопольский называет сибиро-европейскими. Те же языки, но за вычетом чукотско-камчатских, получают в работах В.М. Иллича-Свитыча название ностратических языков, под которыми понимается большая языковая семья, включающая по крайней мере шесть языковых групп Старого Света — индоевропейскую, алтайскую, уральскую, дравидскую, картвельскую и семито-хамитскую.

Пытаясь генетически связать языки Старого и Нового Света, М. Сводеш приходит к выводу о существовании большой языковой группы, которая им названа дене-финской (*finnodennean*) по названиям двух пространственно наиболее отдаленных членов группы этих языков: языков дене (атапасских) в Америке и финноугорских в Евразии.

§ 6. Лингвогеографический метод

Лингвистическая география — раздел языкознания, изучающий территориальное распространение языковых явлений.

Основной задачей лингвистической географии является изучение пространственного размещения языковых явлений и решение вопросов, связанных с этим размещением.

Картографирование языковых фактов, выявление глубины и количественной характеристики их прикрепленности к тем или иным территориям служат накоплению территориально-паспортизированного материала — фактологического материала для сравнительно-исторических интерпретаций.

Основная задача лингвистического картографирования — это воссоздание реальной картины распространения и функционирования языковых фактов разных уровней на всей территории действия языка. Картографирование проводится выборочно: общее для всего языка им практически не охватывается. Но содержание лингвистического картографирования не исчерпывается констатацией и фиксацией пространственного распределения выпадающих из общего языка, т.е. диалектных, данных. Его результаты используются:

- в сочетании с показаниями письменных памятников — для установления относительной хронологии языковых изменений;
- для создания более совершенных классификаций диалектов и говоров;
- при проведении исследований в области истории языка, а также исторической типологии;

- в процессе изучения межъязыковых контактов;
- при изучении быта, процессов, связанных с этническим расселением;
- для решения задач описательной и исторической этнографии, истории культуры и т.д.

Методы лингвистической географии и их значение. Применение методов лингвистической географии произвело в первую очередь переворот в диалектологии. Но данные, полученные в результате применения методов лингвистической географии, чаще всего имеют вспомогательное значение и сами нуждаются в проверке другими методами.

Мы можем, например, констатировать, что на территории Франции, согласно данным атласа Ж. Жильерона, распространено три названия лошади — *ega*, *cavala* и *jument*, причем территориальное распространение *ega* представлено очень небольшой территорией в середине Франции. Однако для выяснения фактической истории слова *ega* территориальное распространение ровным счетом ничего не дает. Ее приходится выяснять тем же традиционным сравнительно-историческим методом (*ega* < лат. *egua*, ср. др.-инд. *acva*, др.-перс. *aspa* и т.д.). М. Бартоли утверждает, что лексические архаизмы сохраняются главным образом в изолированных и периферийных областях, ср.: сардин. *ebba* (лошадь), но ит. *cavalla*, исп. *dia* (день) и рум. *zi*, но фр. *jour*, ит. *giorno*. Но ведь окончательное убеждение в том, что исп. *dia* (день) архаичнее фр. *jour* опять-таки складывается не из факта их территориального распространения, роль которого сводится только к намеку или предварительному указанию. Для установления архаичности необходимо вновь обратиться к истории этих слов. Исп. *dia* и рум. *zi* развились из слова, представленного в латинском языке классического периода словом *dies* (день), тогда как фр. *jour* и ит. *giorno* восходят к лагинскому прилагательному *diurnum* (дневной).

Более эффективным является использование топонимики и гидронимики в целях выявления законсервированных в топонимических названиях слов, ныне уже исчезнувших из языка. Например, название населенных пунктов Бутырки и Ворыпаево нельзя объяснить при помощи слов современного русского языка. В старом русском языке бутырками назывались дома, стоящие особняком, на отшибе. Название Ворыпаево происходит от ныне уже неупотребительного имени Ворыпай, образованного от слова *ворон* (разбой, грабеж, насилие).

Топонимические названия иногда могут содержать специфические значения слов, в современном словаре уже не сохранившиеся.

Название деревни Пятницкое Сельцо может показаться неискушенному этимологу уменьшительно-ласкательной формой от слова *село*. Между тем прежде сельцом называлось село, которое не было церковно-приходским центром.

Топонимические названия могут иногда быть использованы при изучении истории звуков данного языка.

Таким образом, каждое лингвогеографическое исследование предполагает три основных этапа работы: 1) подготовка языкового материала; 2) картографирование; 3) интерпретация карт.

Локализация. Методы лингвистической географии позволяют определять центры распространения языковых явлений. Если, например, лингвистическое явление распространено на двух смежных территориях, то первоначальным центром возникновения инновации, вероятнее всего, может быть та территория, где интересующее нас лингвистическое явление обладает более высокой частотностью употребления. Любопытна в этом отношении замена гуттуральных звуков смычными шелевыми в некоторых индоевропейских языках. Такое явление отмечено в индоиранских, армянском, славянских, балтийских и албанском языках.

Так называемое второе передвижение согласных в немецком языке, т.е. переход смычных *t, p, k* в спиранты и аффрикаты, вполне систематический характер имеет в верхненемецких диалектах. В диалектах Рейнской области, например в среднефранкском, имеются многочисленные реликты слов, не охваченных передвижением. Очаг возникновения второго перебора согласных находится явно в области распространения южнонемецких диалектов.

Признаком инноваций может служить конфигурация языкового ландшафта. Если лингвогеограф имеет дело с клинообразным или ступенчатым ландшафтом, то должен знать, что такие ландшафты обычно связаны с распространением инноваций. Если в пределах одного и того же ареала имеются неодинаково звучащие формы, то среди них, как правило, есть инновации. Например, в центре острова Сардиния имеются формы *janna* (дверь), *formi* (муравей), *ilex* (дуб), а на периферии эти же формы звучат как *jenna*, *furmi*, *elex*, что отражает разные периоды латинизации Сардинии. Центральные формы являются более архаичными.

Изучение языковой аттракции. К методике лингвогеографического описания относится изучение явлений языковой аттракции, которое состоит в выяснении того, находится ли очаг распространения рассматриваемого явления действительно в области распространения соседнего языка и сохраняет ли язык, воспринимавший это явление, специ-

фическую идиоматичность, наблюдавшуюся и в языке, послужившем источником распространения.

Изучение явлений языковой аттракции иногда осложняется тем, что какой-либо из соседствующих языков может частично выступать в роли субстрата. А вот результаты влияния исчезнувшего языка-субстрата могут обнаружиться в пределах как одного языка, так и целой группы языков, если предполагается, что они имеют общий язык-субстрат. Несмотря на различие этих двух случаев, общая методика исследования остается той же. Применение методов лингвистической географии дает возможность картографировать языковые явления, которые предположительно рассматриваются как результаты влияния языка-субстрата. Однако полученная таким образом сумма сведений нуждается в дальнейшей интерпретации.

Наконец, данным методом можно определить ареалы языковых союзов, что практически сводится к выявлению общих особенностей языков, входящих в данный языковой союз. Эти особенности могут быть занесены на карту или отдельные карты, отражающие каждое общее явление особо. Представленный на карте материал подвергается интерпретации. Генезис общих явлений может быть очень сложным (влияние общего языка-субстрата, возникновение явления в каком-либо одном языке и последующее его распространение на другие языки, влияние смежного по территории языка, случайные конвергенции и т.д.).

§ 1. Позиционно-морфематический метод (Московская школа)

Московская (Фортуновская) школа — важнейшее направление в отечественном языкознании (русистика, славистика, компаративистика, общая теория языка), сложившееся в результате научной и преподавательской деятельности Ф. Ф. Fortunatova в Московском университете в 1876—1902 гг. и оказавшее существенное влияние на развитие отечественного (а в известной мере и европейского) языкознания.

Определяющими чертами Московской школы с самого начала ее существования выступают «морфематизм» и учет позиций, в которых актуализируется фонема. Именно на эти черты указывает А. А. Реформатский в своей полемике с представителями Ленинградско-Петербургской фонологической школы Л. В. Шербы. Так, отмечая главные пункты расхождений между «москвичами» и «ленинградцами», он сделал вывод, что основное у ленинградцев — это «антиморфематизм», установка на «автономность фонетики», боязнь морфемы и ее связи с фонемой, от чего идут все прочие пункты как следствия. Вопрос о позициях, их определение и классификация составляют наиболее важное звено в трудах Московской фонологической школы.

С учетом этих обобщающих оценок, а также принципов фонологического анализа, принятых в Московской фонологической школе, предложенный и разработанный ее представителями метод выявления и описания фонем можно назвать *позиционно-морфематическим*. Общий смысл его сводится к следующим положениям:

- фонема рассматривается в морфеме как ее составляющее;
- морфема считается фонологически тождественной самой себе, хотя фонетический ее облик может быть разным в зависимости от

конкретных фонетических условий; например, слова *вода* и *школа* имеют фонологически тождественное окончание *-а*; корень слов *вода*, *водяной*, *водный* состоит из одних и тех же фонем, хотя некоторые из них реализуются каждый раз по-разному; следовательно, тождество морфемы определяет границы и объем понятия фонемы;

- фонемы как составляющие морфем функционируют в разных позициях, среди которых выделяются сильные и слабые;
- фонема выявляется в сильных позициях;
- сильная позиция — это позиция, благоприятная для выявления функций фонем, а слабая — неблагоприятная, ущербная.

§ 2. Метод изолирования (Ленинградско-Петербургская школа)

Ленинградская школа — научное направление в исследовании звукового уровня языка. Основоположник — Л.В. Щерба (последователь И.А. Бодуэна де Куртенэ), его ученики — С.И. Бернштейн, Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич.

Петербургская (Ленинградская) школа в языкознании — одна из школ русского предреволюционного и советского языкознания 1920—1930-х гг. В нее входили прежде всего ученики И.А. Бодуэна де Куртенэ по Петербургскому университету — Л.В. Щерба, Е.Д. Поливанов, Л.П. Якубинский, С.И. Бернштейн, Н.В. Юшманов. В историографию русского и советского языкознания термин был введен А.А. Леонтьевым и Я.В. Лоя.

Вычленяя фонемы из речевого потока и идентифицируя их, Л.В. Щерба пользовался особым, специально разработанным им методом, который сам же назвал методом изолирования. Он считал возможности использования этого метода достаточно широкими, поскольку с его помощью можно выявлять самые разные единицы языка, однако применял его прежде всего для вычленения фонем. Постулаты и суть метода изолирования в процессе выявления фонем сводятся к следующему:

- звуковые (фонетические) единицы автономны, самостоятельны; чтобы выявить их, вовсе не обязательно обращаться к более крупным единицам языка, в составе которых они функционируют; достаточно углубленного и вдумчивого анализа самих этих фонетических единиц методом изолирования;
- звуковые представления (единицы) обычно остаются у порога сознания, а основной интерес речи лежит в смысловых представле-

ниях; тем не менее эти два типа представлений связаны между собой: так, звук [л] в словах *пил, бил, дала* ассоциирован с представлением прошедшего времени; [а] в словах *корова, вода* ассоциировано с представлением субъекта; [у] в словах *корову, воду* — с представлением объекта и т.д.; благодаря подобным смысловым ассоциациям элементы наших звуковых представлений получают известную самостоятельность, тем самым становится возможным их изолирование, выделение;

- элементы звуковых представлений, подобные русским *а, и, с, т, к* и т.д. и полученные в результате изолирования, называются фонемами; они психичны и потому социально значимы;

- являясь изолируемыми отрезками более общих акустических представлений, фонемы сами по себе также оказываются общими представлениями, представлениями-типами, которым соответствует колеблющееся произношение;

- фонемы реализуются в речи в виде оттенков, которые зависят от конкретных фонетических условий; следовательно, фонемами являются те оттенки, которые находятся в наименьшей зависимости от окружающих условий; оттенки фонем в силу того, что они не могут быть ассоциированы со смысловыми представлениями, являясь лишь неосознанным следствием окружающих условий, не способны к перенесению по аналогии, т.е. не являются теми основными единицами, с которыми мы только и можем оперировать в лингвистике.

§ 3. Компонентный анализ

Метод компонентного анализа — метод исследования содержательной стороны значимых единиц языка, имеющий целью разложение значения на минимальные семантические составляющие

Сущность компонентного анализа определяется рядом положений: во-первых, в соответствии с достижениями современной лингвистики постулируется, что значение слова — это сложный феномен; во-вторых, этот сложный феномен можно разложить на составляющие, для обозначения которых используются разные термины: «компоненты значения» (содержания), или «семантические компоненты», «дифференциальные элементы», «фигуры содержания», «семантические множители», «дифференциальные признаки», «нозмы», «семы». Однако большинство исследователей предпочитают оказывать термину «сема». В-третьих, разложению слова на его семантические множители

ли должно предшествовать распределение значений по семантическим полям, выделение семантических полей.

Раньше всего и результативнее компонентный анализ был использован при исследовании терминов родства. Проиллюстрируем сущность компонентного анализа именно на них, но ограничимся для удобства наименованиями представителей двух последующих и двух предшествующих поколений.

Прежде всего, естественно, надо исходить из того, что все термины родства данного языка образуют одно семантическое поле. Далее составляется полный список всех терминов родства, употребляемых в данном языковом коллективе. В нашем случае — это термины родства, называющие представителей четырех поколений: *отец, мать, дедушка, бабушка, сын, дочь, внук, внучка, дядя, тетя, племянник, племянница, брат, сестра, двоюродный брат, двоюродная сестра*. Все эти термины указывают на пол родственника, некоторые — на поколение. Все содержат указание на то, составляют ли родственники с говорящим прямую или непрямую линию родственных отношений. Прямые родственники являются либо предками, либо потомками говорящего по прямой линии, не прямые имеют с говорящим общих предков, но не являются сами предками или потомками говорящего. Непрямые родственники, в свою очередь, подразделяются на две категории: боковые, все предки которых совпадают с предками говорящего, и дальние — те, у кого только некоторые предки совпадают с предками говорящего.

На основании этих наблюдений формулируется гипотеза, согласно которой любой из терминов родства может быть охарактеризован по трем параметрам.

А. Пол родственника (мужской = a_1 , женский = a_2). *В.* Поколение родственника (на два поколения старше говорящего = $v + 2$, на одно поколение старше говорящего = $v + 1$, поколение говорящего = 0, на одно поколение младше говорящего = $v - 1$ и т.д.). *С.* Линейность: прямая линия = c_1 (сюда входят прямые предки или потомки говорящего), боковая линия = c_2 (все не прямые родственники, имеющие всех или нескольких общих предков с говорящим) и дальние = c_3 (все кровные родственники, не являющиеся родственниками по прямой или боковой линии). Отсюда следует, например, что термин *дедушка* состоит из трех сем, которые можно выразить следующим образом: $a_1 + c_1 + (v + 2)$. Аналогичным образом можно записать и семный состав слова *сын*: $c_1 + c_1 + (v - 1)$ и т.д.

§ 4. Морфемный и словообразовательный анализ

Морфема — минимальная значимая единица текста.

Морф — элементарная единица морфонологии, предельный элемент означающего морфемы.

Словообразование — образование слов, называемых производными и сложными, обычно на базе однокоренных слов по существующим в языке образцам и моделям с помощью аффиксации, словосложения, конверсии и других формальных средств.

Морфемный (морфологический, структурный) анализ (разбор слова по составу, как его определяют в школе) относится к тем немногим типам лингвистического анализа, которые получили чрезвычайно широкое распространение в практике школьного преподавания. Принципы, методы, понятия морфемного анализа разрабатывались усилиями многих филологов начиная примерно со второй половины XIX в.

Задача морфемного анализа — установить факт членимости слова на морфемы и выделить сами эти морфемы по возможности с указанием на значения, вносимые каждой из них в содержание производной части слова.

От морфемного анализа существенно отличается *анализ словообразовательный*: если морфемный анализ связан с ассоциативным планом языка, предполагающим синхронное сопоставление многих или всех однокоренных слов, то проводить словообразовательный анализ путем одновременного привлечения всех родственных слов невозможно. Словообразовательный анализ имеет дело с сопоставлением только двух основ: производной и производящей. По этой причине он в зависимости от морфемного состава производной основы часто оказывается ступенчатым.

Разработка принципов и методики словообразовательного анализа, противопоставленного анализу морфемному, начинается примерно с конца 1920-х гг. Позднее, в конце 1940-х гг., своеобразие и общие принципы статического (синхронного) словообразовательного анализа были развернуто сформулированы Г.О. Винокуром. Разработанная им теория словообразовательного анализа была конкретизирована в трудах ряда ученых, прежде всего Н.М. Шанского.

§ 5. Типологический анализ

Типология — сравнительное изучение структурных и функциональных свойств языков независимо от характера генетических отношений между ними.

Типологический анализ характеризуется рядом существенных моментов, определяющих его эвристические возможности:

- он используется для изучения всех языков независимо от того, связаны они отношением родства или нет;

- им охватываются языковые факты, отмеченные общностью либо структуры, либо отношений, либо функций, либо какими-то их сочетаниями; например, русский и турецкий языки не связаны отношением родства, тем не менее по каким-то типологическим признакам могут быть объединены: в каждом из них существительные склоняются, изменяются по числам и т.д., хотя само это изменение имеет как совпадающие, так и несовпадающие линии; типология фиксирует прежде всего общее для языков, объясняя это общее;

- он имеет дело прежде всего с фактами синхронного порядка, причем сопоставлению с целью выявления типологических черт подлежат любые синхронные срезы двух и более языков, если соответствующий их инвентарь оказывается достаточным для проведения материально подкрепляемых параллельных наблюдений.

Задачи типологического анализа. В самом общем плане типологический анализ призван решить две задачи: с одной стороны, выявить изоморфизм языков мира, т.е. совокупность свойств, присущих всякому естественному языку; с другой стороны, выявить алломорфизм языков, т.е. совокупность свойств, присущих части языков. Решение первой задачи формирует специфическую область кроссгенетических исследований, которая может быть охарактеризована как универсология, в отличие от собственно типологии, связанной с решением второй задачи. Выявление алломорфизма практически оформляется в виде классификации языков. Целью при этом является установление системы лингвистических типов и распределение всех языков по классам, соответствующим этим типам. Данное направление типологического исследования принято именовать *системологией*. Однако систематизация типовых свойств языков не исчерпывает всей проблематики алломорфизма. Имея систему классов языков, можно перейти к их внутренней характеристике, чтобы вскрыть, с одной стороны, как создается отдельность, целостность языкового типа, с другой — как проявляется типовое единообразие в индивидуальном многообра-

зии языков, входящих в один класс, т.е. показать, чем различаются го-мологически сходные языки. Это направление типологического ис-следования принято именовать *характерологией*.

Объекты типологического анализа. Цель типологического исследо-вания в значительной мере определяет выбор объектов, подлежащих типологизированию.

Для цельносистемной типологии характерен выбор языков в целом, поскольку осознать отдельность языка, межъязыковые границы легче, чем границы между фрагментами системы внутри одного языка. Но в определенной ситуации выбор именно фрагментарного способа навязывается характером самого исследуемого материала. В частности, такое происходит при построении диалектной типологии: диалекты образуют замкнутый континуум с максимальной генетической близос-тью, и типологические различия между ними концентрируются прежде всего на фонологическом уровне. Например, в плане морфологическо-го выражения числа в имени венгерский язык сближается с такими языками, как тибетский и японский, где различение единичности и множественности морфологически иррелевантно, что объясняется на-личием в венгерском языке двух исключаящих друг друга способов вы-ражения множественности — суффиксального и с помощью счетных слов, так что наряду с парами типа *ember* (человек) — *emberek* (люди) имеются пары типа *ember — tíz ember* (десять человек), *ember — sok ember* (много людей), где имя, определяемое счетным словом, выступает в де-нумеризованной форме, как в тибетском или японском языке.

Типологическая классификация. Можно говорить о двух способах построения типологической классификации: аксиоматическом и конструктивном. *Аксиоматический* способ предполагает заданный список общих утверждений о структуре языка, которые однозначно определяют систему классов. *Конструктивный* способ предполагает принципиальную нефиксированность набора признаков, и эти при-знаки, выбираемые произвольно, исчерпывают то, что считается за-данным при этом способе классификации.

§ 6. Логико-синтаксический метод

С и н т а к с и с — характерные для конкретных языков средства и пра-вила создания речевых единиц.

Раньше других методы и приемы синтаксического анализа языка, складывавшиеся в течение длительного времени, определились в

рамках так называемого логико-грамматического направления. И это естественно, поскольку синтаксическая наука в целом формировалась с опорой на логику. Первые опыты синтаксического анализа представляют собой попытки перенести понятия логики на грамматику, синтаксис. Появляются синтаксические понятия «предложение», «подлежащее», «сказуемое», параллельные логическим понятиям «суждение», «субъект», «предикат» и ориентированные на них.

Отчетливо принципы и содержание этого метода, получившего впоследствии название логико-синтаксического, были сформулированы в России в середине XIX в. Большой вклад в его разработку в русском языкознании внесли Н.И. Греч, И.И. Давыдов, Ф.И. Буслаев. Из западноевропейских ученых наиболее влиятельным в этой области был профессор К. Беккер, который считается основоположником логико-грамматического направления в изучении языка.

Содержание метода. В практическом плане смысл и содержание логико-синтаксического метода сводятся к следующему:

- предполагается, что предложение состоит из отдельных членов;
- члены предложения по их конструктивному и семантическому весу неоднородны: среди них различаются конструктивно необходимые и конструктивно факультативные; первые называются главными, последние — второстепенными; второстепенные лишь объясняют и дополняют главные. Например, в предложении *Гости съезжались с женами и дочерьми, наконец освобожденными от затворничества домашнего указами государя и собственным его примером* (А.С. Пушкин) конструктивно необходимыми и, следовательно, главными считаются первые два слова — *Гости съезжались*;

- второстепенные члены противопоставлены не только главным, но и самим себе; они могут рассматриваться двояко: а) по синтаксическому употреблению; б) по значению;

- считается, что члены предложения характеризуются иерархической организацией, причем вершину иерархии образует член, без которого предложение невозможно, а основание — члены, наличие или отсутствие которых не влияет на собственно грамматическую структуру предложения: сказуемое — подлежащее — второстепенные члены;

- синтаксический анализ простого предложения и есть нахождение в нем главных и второстепенных членов, определение их функций на основе логических вопросов, ср.: *Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и, следовательно, была влюблена* (А.С. Пушкин).

Если анализу подлежит сложное предложение, то необходимо указать, по какому типу синтаксической связи (сочинение или подчинение) объединены его части: если по типу подчинения, то надо определить, какой частью главного служит придаточное предложение.

§ 7. Психолого-синтаксический метод

Коммуникация — общение, обмен мыслями, сведениями, идеями — специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности.

Введение в практику лингвистического анализа данного метода принадлежит А.А. Шахматову. Задача синтаксиса, по Шахматову, состоит в рассмотрении способов обнаружения мышления в слове. Мышление же — это прежде всего соединение, сочетание представлений. Следовательно, психологическую основу предложения составляет *коммуникация*. А коммуникация, в свою очередь, двучленна: она состоит из психологического субъекта — господствующего представления и психологического предиката — подчиненного представления. Таким образом, связав синтаксическое понятие «предложение» с психологическим понятием «коммуникация» и установив между ними определенные взаимоотношения, Шахматов приходит к выводу, что предложение есть совокупность грамматических единств, одни из которых оказываются господствующими, другие — подчиненными. Главные члены и есть господствующие слова в господствующих грамматических единствах. Все остальные слова в составе грамматических единств, образующих предложение, — это второстепенные его члены, ср.: *В нашем саду на высоких деревьях ближе к пруду свили себе гнезда какие-то перелетные птицы.* В этом предложении, считает Шахматов, два словосочетания — *в нашем саду на высоких деревьях ближе к пруду свили себе гнезда* и *какие-то перелетные птицы*, — из которых первое расчленяется на четыре грамматических единства: 1) *в нашем саду*; 2) *на высоких деревьях*; 3) *ближе к пруду*; 4) *свили себе гнезда*. Четвертое из них — господствующее, а остальные — зависимые, компоненты которых образуют второстепенные члены.

Психолого-синтаксический метод в ряде существенных моментов (прежде всего в квалификации членов предложения) переплетается с логико-синтаксическим, с одной стороны, и структурно-синтаксическим — с другой.

§ 8. Формально-грамматический метод

Форма — в языкознании — внешняя, наблюдаемая, связанная со слуховым или зрительным восприятием сторона языка.

Формальный подход — в языкознании — это изучение средств, которыми реализуется язык; эквивалент формализованного или эксплицитного подхода в противоположность подходу неформальному или интуитивному.

Формальный подход к анализу синтаксических явлений (шире — грамматических в целом) в русском языкознании справедливо связывают со школой академика Ф.Ф. Фортунатова. Формально-синтаксический метод наиболее последовательно реализован в работах М.Н. Петерсона.

Петерсон исходил из того, что предметом синтаксиса является словосочетание. Отсюда задача синтаксиса отдельного языка сводится, во-первых, к описанию всех типов словосочетаний и их функций, что составляет предмет описательного синтаксиса; во-вторых, к определению происхождения типов словосочетаний и соединений словосочетаний, их основных функций в истории языка, а это уже предмет исторического синтаксиса.

Непосредственное содержание изучения синтаксиса складывается из двух разделов: 1) описания соединений слов (т.е. словосочетаний); 2) описания соединений словосочетаний. Описать словосочетания — значит прежде всего установить способы и средства соединения слов друг с другом в рамках словосочетания.

§ 9. Синтагматический анализ

Синтагматика — один из двух аспектов изучения системы языка, анализ отношений между знаками языка, последовательно расположенными при их непосредственном сочетании друг с другом в реальном потоке речи или в тексте; противопоставляется парадигматике.

Синтагматическое изучение речи как самостоятельный тип синтаксического анализа предложения утвердился в основном в XX в., хотя как прием стилистического рассмотрения языка восходит к традициям Античности.

Задача синтагматического анализа — проникновение в семантическую структуру предложения (высказывания) в соответствии с его ак-

туальным содержанием, диктуемым контекстом речи; выявление смысловых и стилистических оттенков, которыми сопровождается общее содержание высказывания.

Например: *Внезапно, / среди глубокой тишины, / при совершенно безоблачном небе, / налетел такой порыв ветра, / что сама земля, казалась, затрепетала под ногами...* (И.С. Тургенев). В этом предложении при данном членении выделяются пять синтагм, неодинаковых по лексико-грамматическому объему: первая состоит из одного слова, выполняющего роль отдельного члена предложения, вторая и третья включают в себя соответственно простое и сложное словосочетания, четвертая и пятая равны предложениям.

Нередко тот или иной смысл предложения, возможность объединения слов в словосочетания, а также выявление синтаксических функций членов предложения зависят от соответствующего членения речи на синтагмы, ср.: *Усталые туристы / сели отдохнуть; Усталые, / туристы сели отдохнуть. Студент из университета / получил приглашение на конференцию; Студент / из университета получил приглашение на конференцию.*

Таким образом, синтагматическое членение речи дополняет анализ предложения по членам и по словосочетаниям, выделяемым в предложении.

§ 10. Анализ по позиционным звеньям

Позиция — в языкознании — условия реализации какого-либо фрагмента языка в речи, включающие: непосредственное окружение и положение по отношению к иным фрагментам языка.

Методика синтаксического анализа по позиционным звеньям разрабатывалась в работах профессора Т.П. Ломтева, который исходил прежде всего из следующих постулатов:

- целью всякого синтаксического исследования всегда является познание сущности, или субстанции, синтаксических явлений;
- субстанция лингвистических единиц данного порядка находится в вышележащем, а не в нижележащем уровне; так, субстанция элементарной морфологической единицы находится не в фонеме и не в самой морфеме, а в определяющей по отношению к морфеме структурной модели слова;
- член предложения, будучи смысловой единицей, выявляемой в результате смыслового анализа текста, не может квалифицироваться как единица синтаксическая; аналогично обстоит дело и со словосочетани-

ем, которое выражает не понятие об элементарной синтаксической единице, а отношения между словесными формами в последовательном ряду их объединения; словосочетание — это морфологическая группа, образующая не простую, а сложную синтаксическую единицу; следовательно, ни член предложения, ни словосочетание не являются элементарными синтаксическими единицами;

• сущность синтаксической единицы должна определяться на основе коммуникативной природы языка; синтаксическая система языка служит для выражения прежде всего цели общения, которая сводится к сообщению.

Отсюда становится очевидно, что сущность синтаксических единиц заключается в их назначении в высшем плане, в плане сообщения; план сообщения имеет свои единицы, характеризующиеся не воспроизводимостью, но производимостью, устанавливаемостью в момент сообщения.

§ 11. Анализ по типам синтаксических связей

Синтаксические связи — то же, что валентность — способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами.

Широкое распространение в рамках разных лингвистических традиций XX столетия получил метод, предписывающий членить предложение на составляющие его компоненты и квалифицировать их на основе существующих между ними в данном высказывании грамматических связей.

Впервые отчетливо тип синтаксической связи как возможная опора для выделения и характеристики фактов синтаксиса был отмечен С.Д. Кацнельсоном в 1948 г. В западноевропейское языкознание эта идея была привнесена Л. Теньером.

Согласно Кацнельсону, главный объект синтаксического рассмотрения — предложение — состоит из элементарных единиц, называемых членами предложения, которые в свою очередь делятся на главные и второстепенные. Главные члены предложения определяются по их соотношению с логическими понятиями субъекта и предиката, а второстепенные допускают двоякий подход: 1) по синтаксическому употреблению; 2) по значению. Присоединяясь к главным, второстепенные члены либо согласуются, либо управляют, либо не согласуются и не управляют. Соответственно такие члены предложения называются определениями, дополнениями и обстоятельствами.

Следовательно, устанавливается прямая зависимость между типом синтаксической связи, в которую вступает то или иное слово с господствующим в составе предложения, и его синтаксической природой, выражаемой в терминах членов предложения.

§ 12. Анализ по непосредственно составляющим

Метод непосредственно составляющих — представление словообразовательной структуры слова и синтаксической структуры словосочетания или предложения в виде иерархии вложенных друг в друга элементов.

Метод анализа по непосредственно составляющим (НС) был разработан в рамках американской дескриптивной лингвистики. Для выяснения его сущности обратимся к следующему примеру: *Старый человек, который живет там, пошел к дому своего сына*. Синтаксический анализ этой фразы предполагает рассмотрение отношений каждого входящего в нее слова с каждым другим или же со всеми словами. Но идти по пути изучения отношений каждого слова со всеми остальными — значит избрать слишком громоздкий и потому нецелесообразный путь. Так, в высказывании из ста слов пришлось бы проанализировать четыре тысячи девятьсот пятьдесят отношений. Следовательно, экономнее характеризовать отношение каждого слова с каждым другим, выделяя такие пары слов, между которыми ощущается наиболее тесная связь. При этом каждое слово может быть членом только одной такой пары. Исходя из этого, приведенную выше фразу можно попарно расчленить на такие группы: Старый человек, который живет там, пошел к дому своего сына. Далее предполагается, что каждая пара слов функционирует в высказывании как единое целое. Подтверждением тому считается возможность замены любого из сочетаний слов одним словом, ср.: *старый человек — старик; который живет — живущий; к дому — туда; своего сына — Мориса* и т.д. Таким образом, анализ сводится к постепенному сокращению числа единиц путем объединения их в пары до тех пор, пока число это не будет равно двум. Синтаксический анализ в данной методике состоит в основном из выявления последовательных слов НС и непосредственных конструкций, из описания отношений, существующих между непосредственно составляющими, и тех, которые нельзя свести к отношениям между ними.

§ 13. Анализ дискурса

Д и с к у р с — связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте: речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания. Таким образом, дискурс — это речь, погруженная в жизнь. Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно.

Анализ дискурса рассматривается как описание закономерностей в языковых реализациях, используемых людьми для сообщения значений и интенций.

Модели анализа. В практике дискурса выделяются два типа моделей анализа дискурса:

1) *формальные*, когда семантические качества языковых форм не учитываются, как и исторические аспекты языка. Эти модели используются в теории речевых актов, этнометодологии (анализе разговора) и этнографии речи. Формальные теории дискурса рассматривают формы существования разговорного языка под углом зрения взаимодействия людей в социологическом аспекте; предмет их анализа — транскрипции последовательности речевых взаимодействий, причем исследуемые единицы (например, речевые акты, ходы в общении, обмен репликами) лежат выше уровня предложения;

2) *содержательные*, когда анализ дискурса полностью сосредоточен именно на семантическом и историческом аспектах, как в теоретическом, так и в практическом плане (тому пример — подход М. Фуко). Содержательный анализ направлен на объяснение явлений речевой деятельности, материал исследования черпается из истории, из письменных памятников.

В последнее время этот метод характеризуется:

- повышенным вниманием к интратекстуальному описанию (морфологии дискурса);
- критикой каузальной концепции отношений между внутрдискурсными и внедискурсными функциями;
- подходом к высказыванию с точки зрения интерпретации их последовательностей, а не их продуцирования.

Конверсационный анализ. Одной из наиболее продвинутых дисциплин, исследующих дискурс, является конверсационный анализ,

или «анализ разговора». Именно это эмпирическое направление позволило установить, как организован реальный, а не абстрактный дискурс.

Зародившись в середине 1960-х гг., конверсационный анализ развивался группой молодых американских социологов, занятых точным, детальным исследованием смен речевых действий. Их целью была эмпирическая разработка процедур установления социологических параметров для собеседников, для их установок по отношению к ходу разговора. Исследование базировалось на показаниях разговора во всей его целостности, при учете не только речей, но и самой обстановки и даже атмосферы.

Важным достижением конверсационного анализа были наблюдения над смежными репликами в разговоре. На основе этого исследования оказалось возможным построить или уточнить целевую модель организации дискурса, уточнить принцип кооперированности и максимы П. Грайса, а также верифицировать принципы межличностной прагматики.

§ 14. Стилистический анализ

Стилистика — раздел языкознания, имеющий основным предметом стиль — во всех языковедческих значениях этого термина — как индивидуальную манеру исполнения речевых актов, как функциональный стиль речи, как стиль языка и т.д.

Стилистический анализ может вестись на материале как любого из традиционно выделяемых уровней, так и охватывающего все эти уровни. Он стремится прежде всего к выявлению вариативности в языковом функционировании. Существующие методы стилистического анализа варьируются по глубине и полноте охвата рассматриваемого явления во всей сложности его прямых и опосредованных связей.

Метод стилистического эксперимента. А.М. Пешковский предложил прием искусственного придумывания стилистических вариантов к тексту. При этом он исходил из того, что всякие наблюдения над языком — это почти всегда эксперимент. Так, обратившись к гоголевской фразе *Чуден Днепр при тихой погоде*, можно экспериментировать: *Красив Днепр при тихой погоде* — *Прекрасен Днепр при тихой погоде* и т.д. Целью такого эксперимента является углубленное понимание текста, а не усвоение именно данных синонимов. Например, замена *чуден* словом *прекрасен* не так явно ослабляет текст, как замена на сло-

во *красив*, и это ослабление можно понять только с учетом общей гиперболичности и экзальгированности языка «Страшной мести». Анализ конкретного фрагмента соотносится с тем, частью чего он является, и шире — с целым произведением, а если возможно, то и с другими произведениями того же автора и той же эпохи. При выявлении стилистических функций и возможностей тех или иных языковых фактов важную роль играет подбор форм, противостоящих им в синхронной языковой системе. Стилистический анализ на базе синтаксиса сводится к экспериментированию над тем, что называется синтаксическими синонимами.

Системно-функциональный анализ. Как системно-функциональный может быть квалифицирован метод синхронного стилистического анализа, разработанный в рамках пражской функциональной лингвистики, в частности в работах Б. Гавранека и В. Матезиуса. Этот метод базируется на том, что целостная организованность должна быть присуща всем реальным разновидностям языка: разговорному языку, территориальным диалектам, литературному языку. Например, литературный язык расчленяется на функциональные стили, которые различаются не только совокупностью лексических, грамматических и прочих средств, но и структурной организацией этой совокупности. Выделяются три слоя литературного языка: маркированный разговорный слой, специальный слой (слой научного языка) и поэтический язык. При анализе следует разграничивать понятия «функциональный язык» и «функциональный стиль» (или «языковой стиль»).

Функциональный (языковой) стиль — это то, что существует в языковом высказывании, но потенциально не содержится в языковой структуре. Это результат индивидуализированной организации языка, подчиненной обычаю и условностям. Организация высказывания по индивидуальному вкусу дает *индивидуальный*, или *субъективный*, стиль. Если же высказывание строится по правилам надындивидуального вкуса, общепринятых условностей, по обычаю, тогда мы имеем дело с *объективным* функциональным стилем.

Соответственно строится стилистический анализ, будучи направленным на выявление совокупности средств и их организации в индивидуальном (субъективном) стиле или же при решении той же задачи, но с учетом установлений надындивидуального вкуса, обычая, условностей — областью объективного функционального стиля.

Стилистический анализ в отечественной лингвистике. В отечественной лингвистике начиная с конца 1950-х гг. стилистический анализ как метод разрабатывался и широко использовался для выявления стилистических средств и их функций в художественном тексте. По-

нятие стиля связывалось при этом с понятием стилистических средств языка, стиль оказывался вторичен по отношению к этим средствам, поскольку признавался совокупностью составляющих его языковых средств. В свою очередь, стилистическими, или стилеобразующими, считались не все средства языка, а только особо «окрашенные» в содержательном плане, поскольку, они кроме основного значения, несут в себе и значения дополнительные — коннотативные. Стилистические средства объединяются в стили. Различают стиль языка и стиль речи. *Стиль языка* — это одна из частных систем или подсистем, входящих в общую систему. Понятие стиля языка в основном определяется теорией функций языка и их реальным разграничением. В таком аспекте стиль языка — это структурный облик функции языка в ее многообразных проявлениях. *Стиль речи* — это употребление языка в соответствии с целями, задачами, условиями коммуникации, это индивидуально-характерологическое использование языка как одно из проявлений общего поведения человека. Стили речи не ограничены как по количеству, так и по возможностям использования языка.

Таким образом, подходы к стилистическому анализу, к осмыслению метода его проведения в современной отечественной лингвистике базируются на выявлении и оценке роли стилистических средств, соотносимых со сферами функционирования языка и жанровыми принципами их включения в структуру речевых произведений.

Стилистические исследования конца XX в. Характерная примета стилистических исследований последнего времени — это углубление и расширение контекста рассмотрения стилистических явлений в соответствии с местом стилистики в структуре филологического знания как дисциплины, промежуточной между лингвистикой и литературоведением. Если лингвистические подходы и инструментарий позволяют разложить объект анализа, увидеть и осознать его составляющие в контексте структуры языка, его существования и динамичного функционирования, то точка зрения литературоведения обязывает иметь в виду то, чему и как служит полученный посредством лингвистических процедур состав языковых средств.

Вместе с тем при всей бесспорности успехов описательно-теоретической, синхронной стилистики современного русского языка здесь еще многое предстоит сделать, в особенности в плане уточнения объема предмета и задач фронтального описания состава языковых средств каждого из важнейших стилей в их динамике, структурно-функционального взаимодействия между ними, соотносительности их с проблемами культуры речи общества в его социальной, производст-

венно-профессиональной и прочей дифференциации. Практически только-только начинается работа по жанрово-стилистическому изучению богатейшего наследия русской национальной словесно-художественной культуры в ее классических образцах.

Историческая стилистика. Количество проблем неизмеримо возрастает при обращении к исторической стилистике. Что должно быть ее предметом и объектом? Каковы ее категориальные, основополагающие признаки? Можно ли описывать ее, опираясь на единые принципы и понятия безотносительно к историческим этапам, или же эти основания должны меняться от этапа к этапу? Как соотносятся между собой постулируемые для каждого исторического этапа стили и структура литературного языка, стили и жанры памятников письменности, стиль языка и стиль эпохи? Какова роль внешних факторов в становлении и функционировании стилей? Как соотносятся между собой общие эстетические представления, каноны эпохи и стили языка, их состав и структура? В какой мере структурные изменения в языке влияют на состав и структуру стилей? Таков перечень возможных и отчасти решенных проблем.

Очевидно, что стилистика не может быть поделена между лингвистикой и литературоведением, когда речь идет об анализе текста. Она должна оставаться общефилологической отраслью — такова она по природе предмета изучения. Возможности ее именно в этом аспекте убедительно показаны в работах Д.С. Лихачева.

Речь идет также об истории образных, поэтических средств в том плане, в каком их рассматривали А.А. Потебня, А.Н. Веселовский и др. Эта область исторической поэтики требует, чтобы в процессе изучения текстов учитывались также требования определенной эстетической системы того, кто пользовался поэтическими средствами для их создания. Одна из назревших задач в этой области — создание исторических словарей по поэтике.

Таким образом, история стилистических средств, история стилей языка и жанров словесности, стилистика текстов, историческая поэтика близки между собой и решают сходные задачи, исходя из специфики предмета рассмотрения каждой из них.

Глава 4

Организация: операция и трансформация

§ 1. Трансформационный метод

Трансформационный метод — метод представления синтаксической структуры предложения, основанный на выведении сложных синтаксических структур из более простых с помощью небольшого набора правил преобразования (трансформаций).

Трансформационный метод в рамках дескриптивистики отражает методику синтаксического анализа, которая получила название трансформационной грамматики. Сам этот метод считается продолжением дистрибутивных процедур на синтаксическом уровне и связывается с именами американских лингвистов Э. Харриса и Н. Хомского.

Считается общепринятым, что трансформационный метод имеет дело с двумя типами правил: правилами порождения глубинных структур и правилами преобразования глубинных структур в поверхностные.

Обратимся к примерам: *Маленький мальчик бросил мяч. Что бросил маленький мальчик?* Эти два предложения связаны между собой по смыслу, но различаются по целевой установке. Для анализа предложений, в принципе, важнее учитывать то, что их сближает. В первом предложении действие глагола *бросил* переходит на прямой объект *мяч*, во втором — слову *мяч* соответствует вопросительное слово *что*, стоящее в начале предложения. На этом основании можно предположить, что слова *мяч* и *что* выполняют одинаковую роль по отношению к глаголу. Трансформационная грамматика считает, что в подобных случаях вопрос образуется путем замещения именной группы объекта соответствующим вопросительным словом и перемещения этого слова в начало предложения. Например: *Маленький мальчик бросил мяч* > *Маленький мальчик бросил что?* > *Что маленький мальчик бросил?* > *Что бросил маленький мальчик?*

Применение трансформационного метода предполагает также определение направления трансформаций, которое осуществляется следующим образом: вся синтаксическая система языка разбивается на ряд подсистем, одна из которых считается исходной, ядерной, остальные — производными. При этом ядерная подсистема характеризуется как набор элементарных типов предложений, а любой сколько-нибудь сложный синтаксический тип представляется трансформом одного или нескольких ядерных типов.

Все трансформы данного предложения образуют его парадигму, куда входят образовательные формы (номинации типа *Осмотр пациента профессором*; *То, что профессор осматривает пациента* и т.д.) и изменительные формы (формы времени, наклонения, вопроса и отрицания).

Таким образом, задача трансформационного метода состоит в том, чтобы свести различные предложения и их типы к минимуму на основе единства глубинных структур.

§ 2. Метод актуального членения

Актуальное членение предложения — членение предложения в контексте на исходную часть сообщения — тему (данное) и на то, что утверждается в ней, — рему (новое).

Под актуальным членением подразумевается такое членение предложения, которое существенно в данный момент речи. Оно противостоит формальному членению, поскольку имеет своей задачей не разложение предложения на грамматические элементы, а выяснение способа включения его в предметный контекст, на базе которого оно возникает.

С точки зрения теории актуального членения предложение (высказывание) состоит из двух коммуникативных частей: 1) исходной точки (или основы) высказывания, т.е. того, что является в данной ситуации известным или по крайней мере может быть легко понято и из чего исходит говорящий; 2) ядра высказывания, т.е. того, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания.

Например, в следующих трех предложениях каждое предшествующее может быть квалифицировано как «исходный пункт» для последующего: *Жил-был когда-то один король, и было у него три сына. Старшему из них пришлось на ум пойти по свету искать невесту.* Исходный пункт высказывания, таким образом, содержит то, о чем сообщается в предложении, — предмет сообщения, а ядром является само сообщение. Следовательно, ядро образует коммуникативный центр высказывания.

Для обозначения исходного пункта и ядра высказывания в языкознании употребляются разные термины, предложенные представителями различных лингвистических школ: «логический субъект» и «логический предикат», «психологический субъект» и «психологический предикат», «смысловой субъект» и «смысловой предикат», «основа» и «ядро», «тема» и «рема», «данное» и «новое» и др. Однако из этих обозначений предпочтительными считаются термины «тема» и «рема», откуда следует, что актуальное членение есть членение на тему и рему в соответствии с коммуникативной задачей данного акта речи.

§ 3. Метод семантического поля

Поле — совокупность языковых единиц (главным образом лексических), объединенных общностью содержания (иногда общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений.

Идеи и принципы, которые впоследствии были объединены под общим понятием «метод семантического поля», складывались постепенно и восходят к началу XX в. В числе тех, кто вплотную подошел к формулированию этих идей и принципов, отмечают, например, А.А. Потебню, М.М. Покровского, Р. Мейера, Г. Шпербера, Г. Ипсена. Окончательно принципы метода семантического поля были сформулированы в 1930-х гг., и основоположником его по праву считается немецкий ученый Й. Трир.

Семантическое поле — это компактная часть словаря, покрывающая какую-то определенную «понятийную сферу» данного языка. Оно неповторимо, управляется своими, внутренними, законами и реализует свою «картину мира», не совпадающую с аналогичным явлением как в разных языках, так и в истории одного и того же языка. Задача исследователя состоит в том, чтобы определить специфические для данного языка распределение, связь и взаимообусловленность значений.

Само описание лексической системы языка в свете сказанного предполагает прежде всего разбиение ее на лексические макросистемы, обслуживающие те или иные понятийные сферы, например семантическое поле радости, семантическое поле родства, семантическое поле быта, семантическое поле обучения, семантическое поле цвета, семантическое поле одежды и украшений. Лексика, сосредоточенная вокруг каждого из семантических полей, образует отдельную микросистему. К установлению конечного числа таких микросистем и

взаимных отношений между ними в языке определенного периода и сводится главная задача исследователя, переходящего в процессе работы от общих понятий к конкретным языковым фактам.

На иных началах строится «семантическое поле» В. Порцига. В отличие от абстрактно-концептуального метода Трира, метод Порцига за исходную точку принимает сами языковые факты. Для Порцига принципиальное значение имеет анализ отношений между тремя классами слов: глаголами, именами существительными и именами прилагательными. При этом самыми важными оказываются слова, способные выражать признаки и выполнять предикативную функцию, т.е. глаголы и прилагательные. К тому же они семантически конкретнее существительных. В силу этого ядром «элементарного семантического поля», согласно Порцигу, могут быть только глагол и прилагательное.

Задача, которая решается с помощью метода Порцига, состоит в выявлении того, каким образом отдельные языковые элементы включаются в семантическое поле, ядро которого образуют те или иные глаголы или прилагательные. Например, глаголы *идти, хватать, петь* предполагают соответственно существительные *ноги, руки, голос*; прилагательные *белокурые, карие* в русском языке предполагают соответственно *волосы, глаза*. Следовательно, можно включать все слова, обозначающие предметы и признаки, в том числе и производные, в элементарные семантические поля, характерные для данного языка, — так называемые синтагматические поля, основывающиеся на валентных свойствах слов, в отличие от парадигматических полей Трира.

К методу семантических полей близко примыкает широко используемый в современной лексикологии метод тематического описания лексики.

§ 4. Метод перекрестных рядов (исследование формы слова)

Форма слова — морфологическая разновидность слова (класса слов), несущая определенный комплекс категориальных грамматических значений, свойственных данной части речи.

Разработка метода перекрестных рядов связана с Московской (Фортуна-товской) школой. Непосредственной задачей, которая решалась с его помощью, было выявление того, что собой представляет форма слова как объект морфологии и каковы «формальные категории слов». Например, слово *стекло* в сознании носителей русского языка (естественно, речь идет о тех, кто подготовлен к подобному осмыслению) распадается на две

части: *стекл-* и *-о*. Это есть результат сравнения слова *стекло* со словами *стекла, стеклу, стеклом, стеклянный, стеклышко, стекляшка, застеклить* и т.д., с одной стороны, и *весло, помело, перо, серебро, полотно, сукно, долото, кольцо* и т.д. — с другой. Сопоставление его с первым рядом слов позволяет действительно выделить в нем часть *стекл-*, в то время как на фоне второго ряда легко различается сходная для всех слов часть *-о*.

Чтобы установить, есть у слова форма или нет, необходимо, чтобы в языке существовало два ряда слов, похожих по звукам и по значению на данное слово. При этом последнее образует точку пересечения, перекрещивания этих рядов: с помощью вертикального ряда выявляется вещественная часть слова, а с помощью горизонтального — формальная, ср.:

стекл-о, окн-о, весл-о, сукн-о, долот-о и т.д.

стекл-а

стекл-у

стекл-ом

и т.д.

§ 5. Метод оппозиций (Пражская школа)

О п п о з и ц и я — лингвистически существенное (выполняющее семиотическую функцию) различие между единицами плана выражения, которому соответствует различие между единицами плана содержания.

Пражская лингвистическая школа — одно из основных направлений структурной лингвистики. Центром ее деятельности стал Пражский лингвистический кружок (создан в 1926 г., творческий расцвет в 1930-х гг., распался организационно в начале 1950-х гг.). Кроме чехословацких филологов, таких, как В. Матезиус, Б. Трнка, Б. Гавранек, Я. Мукаржовский, позднее В. Скаличка, в кружок входили питомцы Московского университета Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон, а также С.О. Карцевский, близкий к Женевской школе.

Метод оппозиций в его современном толковании был разработан представителями Пражской лингвистической школы применительно сначала к фонологии, затем — к морфологии. Непосредственной базой для теории морфологических оппозиций послужило учение о фонологических оппозициях Н.С. Трубецкого, который исходил из того, что всякое различие предполагает противоположение. Признак звука способен приобрести смысловоразличительную функцию, если он противопоставляется другому признаку, являющемуся членом звуковой оппозиции (звукового противопоставления).

Звуковые оппозиции (противопоставления), способные дифференцировать значения двух слов данного языка, являются фонологическими, фонологически дистинктивными или смыслоразличительными, ср.: *том* : *ком* : *лом* : *сом* : *дом* и т.д. Оппозиции, лишённые такой способности, называются фонологически несущественными, несмыслоразличительными.

По допустимости/недопустимости одинаковых окружений звуки бывают взаимозаменяемыми и взаимоисключающими. Взаимоисключающие звуки (фонологические элементы) не образуют фонологических оппозиций, так как никогда не встречаются в одном и том же звуковом окружении.

Фонема — кратчайшая фонологическая единица языка, служащая различительным признаком словесной структуры, — выявляется в фонологической оппозиции. Выявление фонемы в фонологической оппозиции базируется на противоположении фонетических характеристик фонем, ибо фонема — это совокупность, пучок фонологических признаков.

Признаки, по которым одни фонемы противопоставляются другим, называются фонологически существенными, релевантными. Например, в русском языке фонема [б] противопоставляется фонеме [б'] по признаку твердости/мягкости, совпадая по всем остальным признакам; аналогичным образом обстоит дело в ряду противопоставления по звонкости/глухости [б] : [п], [в] : [ф], [з] : [с], [д] : [т]. Поэтому фонему можно определить как совокупность фонологически существенных признаков.

Основной единицей языка на морфологическом уровне, согласно Пражской школе, является морфема, квалифицируемая как пучок элементарных морфологических оппозиций (например, числа, лица, вида, падежа). В условиях различных оппозиций она разлагается на элементарные значения (семы). Так, русская глагольная форма *бегут* включает в себя сему числа, выявляемую в противоположении *бегут*: *бежит*; сему лица, выявляемую в противоположении *бегут*: *бежим*; сему времени, выявляемую в противоположении *бегут*: *бежали (будут бежать)*, и т.д.

§ 6. Дистрибутивный метод

Дистрибутивный анализ — метод исследования языка, основанный на изучении окружения (дистрибуции, распределения) отдельных единиц в тексте и не использующий сведения о полном лексическом или грамматическом значении этих единиц.

Дистрибутивный метод разработан и внедрен в научный оборот представителями американской школы структурализма (дескриптивисти-

ки), сложившейся в 1930—1950-х гг. на базе идей Л. Блумфилда. Основные приемы исследования языка систематизируются в рамках данного метода следующим образом.

1. Начиная с «сырого речевого материала», лингвист в конечном счете приходит к определению грамматической структуры языка.

2. В качестве необходимого и достаточного рабочего материала для конкретного дистрибутивного анализа признается единичное и законченное высказывание на данном языке.

3. Процедура анализа законченного высказывания покоится на двух главнейших принципах: а) на установлении элементов, из которых складывается высказывание; б) на определении дистрибуции элементов относительно друг друга.

4. С помощью экспериментальной техники сегментации и дальнейшего дистрибутивного анализа полученных сегментов происходит установление элементарных единиц (фонем) в высказывании — отрезке речи, ограниченном с обеих сторон паузами. Цель дистрибутивного анализа — идентификация выделенных элементов (единиц) текста, т.е. установление того, какие из них являются вариантами (аллофонами) одной и той же фонемы, а какие — разными фонемами. Причем дистрибуция (порядок расположения) элемента определяется как совокупность всех окружений, в которых он встречается, т.е. сумма всех (различных) позиций (употреблений) элемента относительно употреблений других элементов.

5. Выделяются три этапа дистрибуции элементов:

- дополнительная дистрибуция. Единицы (элементы) текста (высказывания) считаются находящимися в отношении дополнительной дистрибуции, если они не встречаются в одинаковых окружениях (позициях). Таковы, например, гласные по степени закрытости в русском языке в зависимости от соседства с мягкими или твердыми согласными;

- контрастная дистрибуция. Единицы (элементы) текста считаются находящимися в отношении контрастной дистрибуции, если они встречаются в одинаковых окружениях и различаются значениями, ср.: *том — там, том — дом — лом — ком* и т.д.;

- свободное чередование. Единицы (элементы) текста считаются находящимися в отношении свободного чередования, если они встречаются в одинаковых окружениях и не различаются значениями. В таких случаях они являются вариантами одной и той же единицы языка (фонемы), ср.: *гусь — уусь*.

Глава 5

Интерпретация

§ 1. Лингвистическая интерпретация

Интерпретирующая лингвистика — направление в языкознании, возникшее в 1960-е гг. и получившее распространение к середине 1970-х гг. под влиянием семиотики, теории интерпретации в литературоведении, интерпретирующей семантики в лингвистике и т.д.; объясняет факты речи и языка через понятие интерпретации, а также выявляет механизмы интерпретации при понимании и общении.

В связи с необходимостью решения проблемы понимания в общем языкознании предпринимались и предпринимаются попытки построения общей теории интерпретации, включающей разнообразные ее аспекты: философский, психологический, лингвистический, математический, когнитивный, семиотический и др.

Интерпретация и герменевтика. Понятие лингвистической интерпретации связывается в философской традиции с герменевтикой, в которой тема интерпретации является чуть ли не основной. В нее включаются: сам процесс понимания как конечный результат интерпретации «вселенского текста» (Ф. Шлейермахер), отношения человека к миру (экзистенциальная феноменология М. Хайдеггера), к бытию, которое само может быть понято как язык (лингвистическая онтология Х.Г. Гадамера). П. Рикёр называет интерпретацию сложным процессом и считает ее методами объяснение и понимание. Интерпретация в герменевтике происходит в так называемом герменевтическом круге, или цикле, который подобен схеме Шлейермахера: текст—контекст—текст. Диалектическим ее базисом является понимание целого через части и наоборот в контексте культурно-исторических традиций.

Ф. Шлейермахер и типы интерпретации. Ф. Шлейермахер выделяет два типа интерпретации: *грамматическую* и *техническую*.

Грамматическая (языковая) интерпретация происходит в сфере языка, проводится согласно общим его принципам и законам и является объективным методом исследования текста. Она включает анализ слов (лексикона, значений, этимологии, метафор) и словосочетаний, грамматических форм; выявление точных правил синтаксиса и (словарных) значений отдельных языковых конструкций, содержащихся в интерпретируемом тексте, созданном иным субъектом (и на ином языке). В контексте того или иного автора она состоит в выявлении логических ударений, акцентов. Техническое истолкование текста — это некое искусство установления скрытых значений и смыслов с учетом социокультурных, психологических и исторических факторов, позволяющих реконструировать изначальный смысл чужих понятий. Шлейермахер выделяет две основные операции интеллекта: одна связана с формулированием определенной мысли в речи, другая — с пониманием того, о чем говорится в речи.

В качестве метода понимания Шлейермахер рассматривает дивинацию, которая, с одной стороны, является процедурой подстановки себя на место автора понимаемого текста; с другой — актом вдохновения, позволяющим понять смысл, вложенный в текст говорящим или пишущим; с третьей — некоторыми необходимыми характеристиками социального, культурно-исторического и личностного контекста индивида, первоначально продуцирующего понимание.

Герменевтика исследует также стилистическую интерпретацию, которая осуществляется при оформлении произведения в соответствии с правилами определенного вида искусства и с теми задачами, которые призвано решить то или иное произведение. Ориентируясь на раскрытие основной идеи произведения, стилистическая интерпретация охватывает такие стилистические средства выражения, как метафора, гиперболы и другие тропы, а также аллегории, аллитерации, рифмы, анафоры и т.п. — все то, что позволяет качественно оценить стиль автора (видовой, национальный, индивидуальный) и выяснить его включенность в категорию предшественников и современников. Такой анализ дает возможность воссоздать целостность произведения как воплощение основной идеи.

Аналитическая традиция. Ч. Филмор, вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, ввел понятие семантики, ориентированной на понимание (П-семантики), противопоставляя ее семантике, ориентированной на выявление условий истинности высказывания (И-семан-

тике). Целью П-семантики является определение связи между языковыми пластами и возможностью их полного понимания в данной ситуации. В целом для выявления семантики фреймов наибольшую ценность имеют не условия истинности высказывания, а условия его правильного и полного понимания. Соответственно формула И-семантики существенно модифицируется: в нее вводятся говорящий, принцип кооперативного общения и другие категории, необходимые для понимания высказывания.

Интерпретация как деятельность. В каждый определенный исторический момент практика диктует тот или иной угол зрения, интерпретацию действительности и знаний и, следовательно, специфику понимания как осмысления. Интерпретация в таком ракурсе выступает как универсальная процедура рассмотрения действительности через призму общественных нормативов и ценностей, а ее объект — как нормативно-ценностная деятельность система. Подобный практический подход к интерпретации позволяет не только познать ее деятельностную природу, но и смысловую структуру с входящими в нее уровнями, формируемыми в ходе какой-либо деятельности. Сущность интерпретации как деятельности составляет знание, которое преобразуется в различные формы с помощью процедур и механизма концептуальной интерпретации, где ведущее место принадлежит механизму взаимодействия смысловых структур и, следовательно, форм знаний.

Интерпретация в общении. В языке все является интерпретацией. В частности, сами выражения на естественном (или искусственном) языке являются интерпретацией, производимой человеком, который создает эти выражения, и эти самые выражения, в свою очередь, подвергаются интерпретации, которая может интерпретироваться тоже, и т.д. Для устранения неоднозначности выражений используются: знание конкретного языка; знание прагматических факторов; внеязыковые факторы; универсальные языковые факторы.

Таким образом, вся языковая деятельность человека в сущности своей является интерпретационной как в речевом творчестве, так и в процессе коммуникации. Причем взаимопонимание в процессе общения прямо не связано с тем, что оно получает одинаковый или в основном совпадающий набор интерпретаций для одних и тех же языковых выражений. Понимать выражение — это не просто быть в состоянии дать этому выражению некоторую интерпретацию, но и участвовать в той «языковой игре», которую навязывает автор выражения в данных условиях. Языковое поведение, «языковая игра» (по Л. Витгенштейну) не существует без определенной деятельности и

вне ее. Ее образцы и нормы — это образцы и нормы конкретного вида деятельности. Значение слова можно выучить социально, в контексте определенной деятельности, потому как сам язык является ее частью.

Лингвистические концепции интерпретации. Взгляд на лингвистику как науку об интерпретации базируется на интерпретивистском понимании человеческой деятельности вообще и научной в частности. Интерпретация при таком подходе рассматривается как процесс получения на основе исходного объекта другого, отличного от него, предлагаемого интерпретатором в качестве равносильного исходному на конкретном фоне ситуации. Интерпретационный механизм в связи с целями интерпретации обслуживает разные сферы языка (говорение, понимание, редактирование, комментирование, перефразирование, рассуждение, аргументация, обучение, перевод и т.д.), существует для всех языков, не зависит от данного конкретного языка и в этом смысле универсален.

При описании языка большое значение приобретает компедий «схем знаний», совместимых с языковым описанием таким образом, чтобы на основе такого компедия можно было моделировать интерпретации высказываний.

В общей лингвистической теории интерпретации В.З. Демьянков выделяет несколько типов интерпретации.

Синтаксическая интерпретация (Н. Хомский, Дж. Лакофф, Дж. Грубер) — это правила соотнесения глубинной и поверхностной структур, объяснение глубинных структур в терминах поверхностной структуры; трансформации или формальные правила замены синтаксических структур, которые распадаются на обязательные и факультативные; описание правил, участвующих в деривации предложений.

Семантическая интерпретация (Р. Лиз, Ч. Филмор) выводится из синтаксической. Это структура непосредственно составляющих в терминах порождающей семантики. Ее ядро — смысл предложения во всех его аспектах. Механизм семантической интерпретации сводится к употреблению трансдеривационных правил (конверсационных постулатов) соотнесения двух смыслов у двух предложений для перестройки предложения. При этой процедуре выводятся «каноническое» семантическое (буквальное) значение предложения и имплицитные значения.

В упрощенном виде семантическая интерпретация выглядит как соединение синтетической информации со сведениями, заложенными в словаре (набор словарных статей для получения смыслового представления предложения).

Логическая интерпретация. В данном случае интерпретации с помощью исчисления предикатов подвергаются те предложения, которые можно осмысленно интерпретировать как истинные или ложные. В этом ключе о логическом представлении можно говорить как о таком этапе интерпретации предложения, который непосредственно предшествует этапу определения истинного его значения (называемого ассерторическим).

Прагматическая интерпретация (Дж. Росс) объединяет воедино семантические и прагматические свойства языковых выражений и рассматривает их главным образом в контексте речевых актов.

Грамматическая интерпретация. Этот тип интерпретации объединяет «правила игры» и правила конкретной грамматики; употребление конкретных схем и правил, содержащихся в универсальной грамматике, перевод этих правил в правила конкретной грамматики.

Грамматическая интерпретация в рамках когнитивной грамматики представляется как набор стратегий, с помощью которых происходит понимание и производство предложений.

Интерпретация дискурса. Выделение интерпретации дискурса необходимо, поскольку дискурс может быть также определен как результат интерпретационной деятельности человека, как такое единство предложений, которое направлено на выполнение определенных стратегических и тактических задач общения в широком смысле и на индикацию социальной нормальности автора дискурса, его логики, внимательности в выборе речевых средств и т.д. Кроме того, выделение данного типа интерпретации значимо при представлении текста как большого предложения (сложного предложения с разнообразным синтаксисом, характеризующимся синтаксическими способами соположения предложений типа сочинительной, подчинительной и других связей). Интерпретация дискурса неразрывно связана с прагматической интерпретацией, так как определяющими ее факторами становятся: а) мотивировка высказывания и стратегия ведения разговора, построения дискурса; б) классы речевых средств, воплощающих эти стратегии; в) связность высказываний.

Морфологическая интерпретация. Это вид интерпретации текста, при котором устанавливается, какие грамматические формы каких лексем составляют текст словоформы; он формализован и используется как интерпретатор компьютерной базы данных, т.е. как транслятор «дословного» перевода. Морфологическая интерпретация строится на восьми принципах, которые могут быть применены к интерпретации как процессу в целом. К ним относятся:

1) принцип композиционности (значение целого предложения есть функция от значений его частей);

2) принцип когнитивного диссонанса для правильной интерпретации сложных предложений;

3) принцип минимальной интерпретации для прямого толкования;

4) принцип множественности и упорядочения видов интерпретации (интерпретацию получают как правильные, так и неправильные предложения);

5) принцип предложения (предпочтительны те толкования, которые минимально изменяют внутренний мир интерпретатора);

6) принцип «слева направо» (более ранние выражения вовлекаются в интерпретацию раньше других);

7) принцип оптимальности (процесс интерпретации организован так, что количество посторонних гипотез минимально, но набор результирующих интерпретаций полностью отражает степень неоднозначности высказываний, обстоятельств говорения и т.п., существенных для конкретного вида интерпретации);

8) принцип параллельности (интерпретация протекает по «квантам»).

Важно отметить, что синтаксис, семантика, прагматика участвуют в получении интерпретации на разных уровнях — морфемы, слова, словосочетания, предложения, речевого акта, речевого эпизода (стратегии, акции) «речевой жизни».

Психологическая интерпретация. В психологических теориях сущностью интерпретации считается механизм понимания картины мира, умозрение. Анализ интерпретации сводится к выяснению механизмов формирования значения-смысла и процедурам вербализации (смысловой) интерпретации.

Психологическая интерпретация в качестве одного из инструментов понимания может иметь вид, например, метафорического концептирования, или семиотического означивания языковых элементов (включающего первичное и вторичное означивание; последнее было названо Э. Бенвенистом семантической интерпретацией), или выбора слов и выражений в фазе кодирования. В гносеологическом плане первичное и вторичное означивание можно рассматривать как старый (имеющийся) и новый (приобретенный) опыт, т.е. знания. Семиотическое означивание связывает, таким образом, реальность с языком и, следовательно, значение со смыслом. Что касается механизма выбора слов и выражений в фазе кодирования, то он прямым образом зависит от контекста. Сама языковая система предоставляет неограниченные возможности для такого выбора; ограничения накладывает сам человек, его целеполагающая деятельность, его интенции, его психологи-

ческие творческие способности, создающие ситуации, в которых он хотел бы высказываться.

Вариативность понимания текста и интерпретация. Существенно, что проблема смыслообразования связана с вариативностью понимания текста, которую также можно представить как его интерпретацию. Собственно текст и существует в интерпретациях, а понимание его выступает как некая универсальная оценочная категория, позволяющая соотнести и выявить взаимодействие таких модулей, как использование языкового знания; построение и верификация гипотетических интерпретаций; осознание нетождественности внутреннего и модельного миров; соотнесение модельного мира с запасом знаний об объективном мире, интерпретации с линией поведения интерпретатора.

Рассмотрение интерпретации как части процесса понимания позволяет моделировать ее по устным и письменным текстам, семантической организации информации, заключенной в них. В настоящее время исследователи данного феномена пришли к выводу о реальности существования интерпретационно-смысловой модели текста, вывели интерпретационные его планы (например, предметный, операциональный, реляционный, эмоциональный, или модельный, прагматический) и на их основе сделали вывод о том, что личностный смысл — это результат интерпретации содержания текста, конкретизация значения и выражения в значениях.

Когнитивный подход к пониманию интерпретации. В рамках когнитивного подхода оперирование со знаниями и системами знаний является исходной операцией интерпретации. Необходимо отметить, что существующие подсистемы знаний (уровень «вторичных образов» — представлений, уровень понятий и уровень моделей понятий и ситуаций) ориентированы на выполнение разных задач, стоящих перед человеком. Для изучения способов оперирования знаниями успешно применяется фреймовый подход, который объединяет такие категории, как сценарии (скрипты), сцены и архетипы. Архетипы представляют собой исторически сложившийся каркас понимания и поведения людей; скрипты — условия существования конкретного фрейма. Фреймы занимают промежуточное положение между сценариями и сценами, с одной стороны, и естественным языком — с другой. Они непосредственно задействованы в процессе естественной языковой коммуникации и при этом используют знания, содержащиеся в сценах и сценариях. Другими словами, фрейм как фактор языковой реализации знаний можно рассматривать как лингвистически ориентированный концепт,

представляющий собой универсальную категорию, которая объединяет разнообразные знания человека, его опыт в единую сущность. Понятие фрейма близко понятию фундаментальной реляции Дж.С. Милля и понятию семантического поля Й. Трира, Э. Косериу. Фреймы — важный элемент различных семантических теорий, ориентированных на понимание текста и высказываний и входящих, в свою очередь, в целый ряд интерпретационных теорий. Фреймы интерпретации являются важнейшим инструментом описания семантики лексем в П-семантике (семантике, ориентированной на понимание).

Таким образом, анализ понятия «интерпретация» в философских, психологических и лингвистических теориях позволяет выявить всю его многозначность и многоаспектность. Ядром лингвистической интерпретации является психологический механизм перевода значения в смысл, с помощью которого осуществляются знаковое преобразование знания внешнего в знание внутреннее, его переработка и последующая вербализация, свидетельствующая об успешности процесса понимания. Включенная в деятельность более высокого порядка, интерпретация представляет собой звено познавательной деятельности субъекта, осуществляемой с помощью имеющегося инструментария — понимания как освоения действительности.

§ 2. Интерпретация текста

Текст — объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность.

Интерпретация художественного текста. Интерпретацию художественного текста, находящуюся на стыке нескольких дисциплин, В.А. Лукин определяет как освоение идейно-эстетической, смысловой и эмоциональной информации художественного произведения, осуществляемое путем воссоздания авторского видения и познания действительности. Это область филологической науки, более других восстанавливающая исходное значение термина «филология» в его первоначальном, еще не расчлененном на литературоведение и языкознание виде.

Интерпретация художественного текста начиналась как *герменевтика* — истолкование сначала библейских, а затем и других древних текстов. В наше время наиболее влиятельное направление интерпре-

тации известно как новый критицизм (New Criticism) в США и практический критицизм (Practical Criticism) в Англии, что подчеркивает широту лингволитературоведческого подхода к анализу художественного произведения.

В большей или меньшей степени интерпретирование текста обязательно имеет место и при литературоведческом, и при лингвистическом анализе произведения, ибо художественное творчество — не просто еще один способ самовыражения, оно составляет важную, естественную и необходимую сторону коммуникативной деятельности человека, познать своеобразие которой в полной мере можно, лишь изучив все ее этапы и характеристики.

Задачи интерпретации художественного текста. Художественный текст сложен и многослоен. Задача его интерпретатора — извлечь максимум заложенных в него мыслей и чувств художника. Замысел художника воплощен в произведении и только из него может быть реконструирован. Принцип общения художника и читателя называют принципом воронки: через широкую ее часть вливается весь мир. Осознанный творцом, он выливается в конкретное произведение, исходя из которого читатель должен воссоздать все богатство действительности, сконцентрированное в художественном тексте. Однако предполагаемое полное совпадение не наступает. Интерпретатор (читатель, исследователь) постоянно и неизбежно включает свой опыт в восприятие текста. Произведение при этом остается неизменным. Не изменяются и объективно наличествующие в нем сигналы, вызывающие к жизни столь разные эмоции и ассоциации. Но каждый читатель осваивает только часть их. Наше восприятие всегда избирательно. Философы, психологи, семиотики, семасиологи давно обратили внимание на то, что из бесконечного разнообразия свойств объекта человек отбирает главные (для себя) в данной ситуации и строит свою шкалу оценок и свое поведение, отталкиваясь от них. Нечто подобное происходит при восприятии художественного объекта — литературного произведения, что естественным образом сказывается на его интерпретации.

Исходя из сказанного, интерпретацию текста можно рассматривать как дисциплину общегуманитарную и в определенной мере творческую. Раскрывая замысел художника, осознавая истинный смысл глубинных пластов произведения, повторяя путь, пройденный мастером, мы не только участвуем в процессе познания, но и получаем доступ в творческую лабораторию художника, воссоздаем его творческую индивидуальность, пересоздаем для себя отраженную им реальность.

Теория доминанты и интерпретация текста. Теория доминанты была разработана школой так называемого русского формализма в 1920-х гг. Доминантой художественного произведения в этой теории признается его идея и/или выполняемая им эстетическая функция, реализуемая в языковой материи произведения.

Языковые средства, используемые для обозначения идеи (концепта) произведения, отражающей авторскую точку зрения, занимают главенствующее, *доминантное* положение в ряду так называемых актуализированных употреблений. Отталкиваясь именно от них, можно не только выявить систему оценок автора и наметить верный путь их расшифровки-интерпретации, но и иерархически их упорядочить и функционально определить.

Каждый случай актуализации выполняет функцию как локальную, так и общетекстовую. В этом смысле действие языковых средств в художественном произведении можно уподобить пирамиде, вершиной которой является сформулированный концепт, основанием — множество контекстуальных выдвигений. Объединяясь по своим локальным функциям во все более крупные образования, они постепенно формируют концепт. В произведениях крупной формы, по-видимому, имеется несколько таких «пирамид», которые, в свою очередь, в иерархически организованной совокупности структурируют основной, главный, глобальный концепт текста.

Контрольные вопросы

К главе 1

1. Что такое методология языкознания?
2. Что такое метод в языкознании?
3. В чем отличие исследования феноменологического от исследования логического?
4. Как понимается в настоящее время эффективность в исследовании языка?
5. В чем отличие методики от метода исследования в лингвистике?
6. Что такое концепция исследования в лингвистике?
7. Что такое объект и предмет исследования в лингвистике?

К главе 2

1. Что такое части речи и члены предложения?
2. Как описывается язык в работах А.А. Потемби?
3. На каких условиях «работает» экспериментальная методика в лингвистике?

4. Что такое парадигматика и синтагматика?
5. Что такое лексическое значение слова?
6. Что такое сравнительно-исторический метод в языкознании?
7. Каковы основные методы описания, применяемые в лингвистической географии?

К главе 3

1. Что такое компонентный анализ?
2. Что такое морфемный анализ?
3. Что такое словообразовательный анализ?
4. Каковы цели и задачи типологического языкознания?
5. Каковы основные методы синтаксического анализа?
6. Каковы основные задачи формального анализа языка?
7. Что такое валентность?
8. Каковы методы анализа по непосредственно составляющим?
9. Каковы современные подходы в лингвистике к анализу текста?
10. Что такое метод стилистического эксперимента?
11. Что представляет собой стилистический анализ на современном этапе?

К главе 4

1. Что такое трансформационный метод?
2. Что такое метод актуального членения?
3. Что такое метод перекрестных рядов?
4. Что такое метод оппозиций?

К главе 5

1. В чем заключается проблема понимания в современной лингвистике?
2. Что такое интерпретация с точки зрения деятельностного подхода?
3. Каковы основные лингвистические концепции интерпретации?
4. Что такое интерпретация художественного текста и каковы ее задачи?
5. Что такое структура текста?

Проблемные задания

К главе 1

1. Существуют ли на сегодняшний день предпосылки для противопоставления феноменологического и логического исследовательских подходов к языку? В чем преимущество каждого из них? Обоснуйте свое мнение примерами из исследовательских практик.
2. Подготовьте реферативный обзор современных концепций исследования языка.

К главе 2

1. Подберите и проанализируйте примеры описания языка по частям речи. Выявите достоинства и недостатки такого описания применительно к задачам, которые должен будет решать специалист вашего профиля.
2. Имеется ли у вас опыт парадигматического/синтагматического описания языка? Подготовьте развернутое аналитическое сообщение.
3. Выберите несколько пар синонимов/антонимов и дайте их описание по методу лексико-семантических групп.
4. Подготовьте обзорный реферат по актуальным направлениям сравнительно-исторических исследований в современной лингвистике.
5. Проанализируйте самостоятельно подобранные примеры лингвогеографического описания языка или его фрагмента.

К главе 3

1. Обобщите основные методологические, методические и концептуальные различия Московской и Петербургской школ. Прокомментируйте эти различия.
2. Выберите на свое усмотрение фрагмент системы русского языка и проведите семный анализ. Прокомментируйте алгоритм своих действий.
3. Подготовьте реферативный обзор типологической классификации языков.
4. Самостоятельно подберите примеры и продемонстрируйте на них метод анализа по непосредственно составляющим. Прокомментируйте алгоритм анализа.
5. Подготовьте обзорный реферат по современным практикам дискурсивного анализа текста.
6. Подготовьте аналитический реферат по основным направлениям стилистических исследований конца XX в.

К главе 4

1. Самостоятельно подберите примеры и продемонстрируйте процедуру трансформационного анализа. Прокомментируйте ее алгоритм.
2. Подготовьте аналитический реферат на тему «Теории поля в современной лингвистике».
3. Самостоятельно подберите примеры и продемонстрируйте процедуру дистрибутивного анализа. Прокомментируйте ее алгоритм.

К главе 5

1. Насколько актуальны на современном этапе развития лингвистики практики герменевтических исследований? Обоснуйте свое мнение. Приведите примеры.
2. Подготовьте реферативный обзор основных видов интерпретации.

3. Подготовьте аналитический реферат современных направлений в интерпретации художественного текста.

Литература

- Адмони, В. Г.* Система форм речевого высказывания. СПб., 1994. С. 141—146.
- Апресян, Ю. Д.* Лексическая семантика. М., 1995.
- Арапов, М. В.* Квантитативная лингвистика. М., 1988.
- Брудный, А. А.* Психологическая герменевтика. М., 1998.
- Взаимодействие лингвистических ареалов. М., 1980.
- Винокур, Т. Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.
- Гадамер, Х.Г.* Истина и метод. М., 1988.
- Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- Гамкрелидзе, Т. В., Иванов, Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
- Глисон, Г.* Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.
- Диалог: теоретические проблемы и методы исследования. Сб. обзоров. М., 1991.
- Долинина, И. Б.* Системный анализ предложения. М., 1977.
- Интенциональность и текстуальность. М., 1998.
- Использование ЭВМ в лингвистических исследованиях. Киев, 1990.
- Каменская, О. Л.* Текст и коммуникация. М., 1990.
- Касавин, И. Т.* Миграция. Креативность. Текст. СПб., 1999.
- Климов, Г. А.* Основы лингвистической компаративистики. М., 1990.
- Климов, Г. А.* Принципы контенсивной типологии. М., 1983.
- Кодзасов, С. В., Кривнова, О. Ф.* Общая фонетика. М., 2001.
- Кронгауз, М. А.* Семантика. М., 2001.
- Логический анализ языка. М., 1999.
- Лукин, В. А.* Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа. М., 1999.
- Маковский, М. М.* Лингвистическая комбинаторика. М., 1988.
- Мартемьянов, Ю. С.* От мира к тексту. М., 2004.
- Мартынов, В. В.* Категории языка. М., 1982.
- Мартынов, В. В.* Язык в пространстве и времени. М., 1983.
- Мейе, А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938.
- Мельчук, И. А.* Русский язык в модели «смысл—текст». М., 1995.
- Методологические проблемы анализа языка. М., 1976.
- Методы сопоставительного изучения языков. М., 1988.

- Новиков, А. И., Ярославцева, Е. И.* Семантические расстояния в языке и тексте. М., 1990.
- Ольховиков, Б. А.* Теория языка и вид грамматического описания в истории языкознания. М., 1985.
- Падучева, Е. В.* Семантические исследования. М., 1996.
- Панова, М. Н.* Языковая личность государственного служащего. М., 2004.
- Пиотровский, О. Г.* Инженерная лингвистика и теория языка. Л., 1979.
- Пиотровский, О. Г., Бектаев, К. Б., Пиотровская, А. А.* Математическая лингвистика. М., 1977.
- Потапова, Р. К.* Новые информационные технологии и лингвистика. М., 2004.
- Проблемы современной стилистики: сб. обзоров. М., 1989.
- Реферовская, Е. А.* Коммуникативная структура текста. Л., 1989.
- Сартр, Ж. П.* Проблема метода. М., 1994.
- Селиверстова, О. Н.* Труды по семантике. М., 2004.
- Сидоров, Е. В.* Проблемы речевой системности. М., 1987.
- Сидорова, М. Ю.* Грамматика художественного текста. М., 2000.
- Солнцев, В. М.* Язык как системно-структурное образование. М., 1977.
- Степанов, Ю. С.* Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
- Степанов, Ю. С.* Язык и метод. М., 1998.
- Сухотин, Б. В.* Исследование грамматики числовыми методами. М., 1990.
- Тарланов, З. К.* Методы и принципы лингвистического анализа. Петрозаводск, 1995.
- Теория грамматики: сб. обзоров. М., 1992.
- Теория и методология языкознания. Методы исследования языка. М., 1989.
- Теория метафоры. М., 1990.
- Теория языка. Методы его исследования и преподавания. М., 1981.
- Тестелец, Я. Г.* Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Типологические исследования в СССР. М., 1981.
- Трофимова, Е. Б.* Стратификация языка: теоретико-экспериментальное исследование. М., 1996.
- Трубецкой, Н. С.* Основы фонологии. М., 1960.
- Тураева, З. Я.* Лингвистика текста. М., 1986.
- Части речи. Теория и типология. М., 1990.
- Члены предложения в языках различных типов. М., 1972.

Раздел V

Междисциплинарность науки о языке

Давно признанная в общем виде связь языка и иных форм социальной активности человека превращается в предмет более тщательного исследования в начале XX в. Именно в это время вопросы социальной и психологической природы языка, механизмов и принципов его функционирования привлекают к себе повышенный интерес не только лингвистов, но и философов, логиков, математиков, психологов, социологов и т.д. На языке фокусируется внимание целого ряда линий исследования человеческого познания, мышления и поведения. Такое перемещение центра тяжести в область изучения языка, особенно во второй половине XX в., приводит к своеобразному синтезу целого ряда наук на основе интереса к языку.

В данном разделе рассматриваются наиболее значимые для культуры конца XX — начала XXI в. междисциплинарные связи науки о языке с такими направлениями социально значимой активности человека, как политика и религия, журналистика и международные отношения и др.

Глава 1

Язык и философия: философия языка и философские проблемы языкознания

Лингвистическая философия (философия «обыденного языка») — философское направление, поставившее своей основной задачей анализ естественного языка строгими методами.

Лингвистические проблемы философии. С давних пор изучение языка, становление и развитие языкознания сопровождалось выяснением философских проблем, касающихся возникновения и развития языка в связи с развитием человеческого общества, отношения языка и реальности, воздействия языка на мышление и т.д. В XX в. резко увеличиваются удельный вес и число такого рода проблем. Развитие математической логики и разработка метода формализации, возникновение новой лингвистической дисциплины — семантики, становление семиотики, математической и компьютерной лингвистики открывали все новые каналы изучения языка и требовали все более глубокого выяснения соответствующих философских проблем.

Философия языка. На основе необычайно возросшего интереса к языку в XX в. происходит фронтальное обращение к проблемам знака и значения представителей самых разных философских направлений. В связи с этим возникает особая область исследования, именуемая *философией языка*. Философия XX в. насчитывает множество теорий, которые в рамках общего рассмотрения проблемы языка и символизма вообще пытаются объяснить, что такое значение как философская категория.

Э. Кассирер и философия символических форм. Одним из наиболее широких философских толкований проблемы явилась «философия символических форм» Э. Кассирера. Он проводил мысль, что в человеческой деятельности вещи приобретают символическую функцию. Термины обычного и научного языка, явления искусства, понятия мо-

рали, философские категории концентрируют в себе мысли и чувства, общие для данной культуры. С помощью символов человек переходит свои индивидуальные границы и участвует в коллективном психическом процессе, определяющем общественное сознание, общественное мнение, дух эпохи и т.д. Философия символических форм в трактовании Кассирера охватывала не только собственно познавательные, но и иные виды знаковой деятельности: художественные, мифические, религиозные, ритуальные и др., где определенным природным или искусственным предметам человек придает свой, человеческий смысл.

Л. Витгенштейн и философия языка. Фигура Л. Витгенштейна занимает в философии XX в. особое место. Его философская деятельность четко делится на два периода, вехами которых служат две его основные работы: «Логико-философский трактат» (1921) — библия логического позитивизма и «Философские исследования» (1953), играющие аналогичную роль в философии «лингвистического анализа», являющегося ныне господствующей философской школой в британских университетах и в англо-американской философии в целом.

В «Логико-философском трактате» традиционная гносеологическая проблема отношения знания (мышления) к реальности остается главной, но опосредуется тщательным изучением механизмов работы языка. Мышление приравнивается к осмысленному употреблению языка, мысль — к осмысленному предложению. Поэтому Витгенштейн считает правомерным вместо традиционного сопоставления мышления и реальности сопоставлять язык и реальность. В качестве основной задачи им выдвигается разработка семантической теории дискурсивного знания, теории значения. В противовес «менталистской» погоне за якобы неуловимыми, призрачными концептами в традиционной гносеологии изучение языковых знаков объявляется единственно возможным средством объективного познания мышления. Опираясь на мысль о неразрывном единстве языка и мышления и создавая свою теорию на базе логики, изучающей дискурсивное знание, Витгенштейн заменяет изучение мышления в традиционной гносеологии изучением языка.

Поскольку до 1950-х гг. лингвистика и философия практически не взаимодействовали между собой, постольку концептуальный базис философии языка как самостоятельного научного направления еще не был сформирован. Немногочисленные работы по философии языка того периода обнаруживают несомненное влияние либо дескриптивной лингвистики Л. Блумфилда, либо логического эмпиризма.

Несмотря на внутреннюю системность и упорядоченность, структурная лингвистика и логическая семантика имели один существен-

ный недостаток — слабую связь с реальностью и практической деятельностью людей. Отсюда вполне закономерен в 1970—1980-е гг. резкий поворот к изучению реальных условий функционирования языка, его прагматических аспектов. Важную роль в этом прагматическом повороте сыграли философские идеи позднего Витгенштейна.

Развитие этих идей пошло по крайней мере по двум направлениям. Благодаря Дж. Остину, П. Стросону, Н. Малкольму и др. они реализовались в детальном анализе фактического употребления естественно-го разговорного языка. Однако в современной философии языка существует противоположная тенденция, сторонники которой, например Д. Дэвидсон, отрицают правомерность приравнивания значения и употребления, смысла и конвенции. Это направление оказалось гораздо более плодотворным и конструктивным: в его рамках основное внимание уделяется контексту употребления языка, а не тому, что дано в самом употребляемом выражении. При этом понятие «контекст» включает различные аспекты: вербальный и невербальный, историко-культурный, психологический, социальный и др. В частности, оно могло реализоваться в виде дискурса как определенной последовательности речевых актов, связанных в глобальные и локальные текстовые структуры; в виде «фонового знания о мире», организованного посредством фреймов, сценариев, хранящихся в семантической памяти индивида и т.д.

Наконец, расширенное толкование понятия «контекст» предполагает в обязательном порядке учет индивидуального когнитивного состояния, в котором находятся конкретные носители языка. Имеется в виду то, что употребление языка осуществляется людьми с различным познавательным и жизненным опытом, на сугубо различном «мотивационном фоне», в котором отражаются индивидуальные намерения и цели, потребности и нормы, знания и убеждения и т.д.

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. в аналитической философии обозначилась еще одна задача — совместить в рамках одной теории семантические и прагматические стороны языка. Согласно новому подходу использование языка следует отождествлять не со способностью устанавливать истинностные значения предложений, а скорее с более широкой способностью интерпретировать речевое поведение других лиц.

В 1980-х гг. возникает интерес к проблемам на стыке когнитивной психологии, теорий искусственного интеллекта, представления и обработки знаний. Такого рода междисциплинарными исследованиями являются работы Дж. Сёрла, который предлагает ввести в качестве основополагающего понятие интенционального состояния, выражающего определенную ментальную направленность субъекта к действию

тельности. Он обсуждает такие человеческие интенциональные состояния, как ощущения, убеждения, желания и намерения, хотя, в принципе, число примитивных интенциональных состояний может быть большим. С его точки зрения, наша способность соотносить себя с миром с помощью интенциональных состояний более фундаментальна, чем появление языка. Так, животные, не имеющие языка и не способные осуществлять речевые акты, тем не менее обладают интенциональными состояниями. Язык же появляется как особая форма развития более примитивных форм интенциональности.

Согласно такому подходу философия языка является разделом философии сознания. Тогда фундаментальные семантические понятия, например значения, вполне обоснованно анализировать с помощью еще более фундаментальных понятий убеждения, желания и намерения.

Переход от интенциональных состояний к лингвистическим актам активно обсуждается в лингвистической философии в связи с употреблением выражения *Я знаю*. Как известно, представители этого направления, истоки которого связаны с философией «здравого смысла» Дж. Мура (например, Дж. Остин) предлагают различать по крайней мере две основные модели употребления выражения *Я знаю*. Первая описывает ситуации с внешними объектами (*Я знаю, что это щегал*), вторая — характеристики «чужого» сознания (*Я знаю, что этот человек раздражен*). Основная проблема, дискутируемая в рамках лингвистической философии на протяжении уже нескольких десятилетий, связана со второй моделью употребления выражения *Я знаю*, где обсуждаются следующие вопросы: каким образом я могу знать, например, что *Том рассержен*, если я не в состоянии проникнуть в его чувства? Можно ли считать корректным употребление *Я знаю* применительно к эмпирическим утверждениям типа *Я знаю, что это дерево?*

В рамках современных концепций философии языка полагается, что переход от индивидуального, субъективного к интерсубъективному, объективному осуществляется с помощью языка. Но сам по себе язык есть лишь эффективное средство репрезентации, кодирования различных элементов базовой когнитивной системы индивидов.

Итак, отмечаемая в 1980—1990-е гг. трансформация от философии языка к философии сознания способствовала значительному обновлению традиционной тематики, более тесной интеграции философии, психологии, логики и теории языка. Она, безусловно, оказывает значительное влияние и на решение некоторых практических задач.

Философские проблемы языкознания. В любой науке есть проблемы общего характера. Решение этих проблем тесно, часто непосредствен-

но, связано с философским осмыслением действительности. Есть такие проблемы и в языкознании. К ним можно отнести определение самой сущности языка, научное понимание назначения языка и его свойств; вопросы теории языка как системы, знаковой теории языка, соотношения языка и деятельности, языка и сознания, языка и познания и т.д. Вне удовлетворительного решения этих и других проблем данного типа трудно рассчитывать на то, что наши представления о языке получат статус полноценной научной теории.

Глава 2

Язык и политика: исследование политического дискурса

Д и с к у р с — связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах).

Политический дискурс. Это явление, с которым мы сталкиваемся ежедневно. Борьба за власть является основной темой и движущим мотивом социальной человеческой деятельности. Чем более открыта и демократична жизнь общества, тем больше внимания уделяется языку политики.

Политический язык и политическая коммуникация стали предметом лингвистических исследований в европейском языкознании сравнительно недавно. С конца 1950-х гг. интерес к этой проблематике возник в ФРГ, прежде всего в связи с изучением языка национал-социализма.

Одним из первых, кто обратился к языку тоталитарных режимов, был не лингвист, а английский писатель Дж. Оруэлл, посвятивший этому явлению «Приложение: о новоязе» в своем знаменитом романе «1984» и пустивший в обиход ставший популярным термин «новояз». Оруэлл предвосхитил многие лингвистические идеи, развиваемые в работах, изучающих заложенные в языке возможности манипулировать сознанием и осуществлять социальную власть.

Исследованию политического языка советской эпохи посвящена известная монография представителя французской школы анализа дискурса П. Серию, назвавшего этот язык «деревяннным». В отечественной лингвистике доперестроечной эпохи существовало негласное табу на исследование политического дискурса — дозволялся только критический анализ «буржуазной» прессы. Политическая перестрой-

ка спровоцировала настоящий исследовательский бум в отношении тоталитарного языка советской эпохи и постперестроечных инноваций в русском языке конца XX в.

Сегодня на повестку дня выходит теоретическое моделирование политического дискурса — выявление механизмов порождения и функционирования политических текстов, анализ политических метафор как способа осмысления мира политики, характеристика речевого поведения политика, изучение вербальных и риторических стратегий в политической деятельности.

Основные направления исследования политического дискурса. Политическая лингвистика является одним из новых исследовательских направлений современного языкознания. Эта область исследования носит ярко выраженный междисциплинарный характер: в ней интегрируются достижения социолингвистики, лингвистики текста, когнитивной лингвистики, нарративного анализа, стилистики и риторики. Например, дискурс-анализ в политической лингвистике позволяет установить связь между социологическим, культурным, межличностным и когнитивным аспектами власти. Основная задача лингвистического анализа политического дискурса — вскрыть механизм сложных взаимоотношений между властью, познанием, речью и поведением.

В настоящее время выделяются шесть фундаментальных подходов к исследованию политической коммуникации:

1) *системный* — коммуникацию рассматривает в терминах интеракции между элементами системы и связывает с понятием социального контроля;

2) *лингвистический* — как и системный, концентрируется вокруг понятия социального контроля. Язык рассматривается как средство социального контроля и ограничения доступа к политическим институтам и процессам. Сторонники такого подхода утверждают, что общественные фигуры, правомочные принимать решения, а также представители политической элиты осуществляют свою деятельность при помощи специфического языка, поэтому власти прислушиваются к их мнениям и требованиям. Члены общества, не входящие в элиту, не имеют доступа к принимающим решения в силу своей ограниченной возможности выражать политические мнения и требования;

3) *символический* — определяет политику, как и коммуникацию, в терминах обмена символами: лидерство осуществляется преимущественно через манипуляцию символами и распределение символических наград. Это направление концентрируется на анализе процессов создания и распространения символов;

4) *функциональный* — переносит центр тяжести с проблемы социального контроля на значение коммуникации для политической системы (особенно в сфере массмедиа). Помимо функции поддержания стабильности, коммуникация выполняет функции социализации (социальной адаптации к нормам политической системы):

5) *организационный* — представляет правительство как крупную бюрократическую организацию, связанную с теми же проблемами и ограничениями, что и любая другая организация. С этой точки зрения анализ политической коммуникации концентрируется на внутриправительственных информационных потоках и акцентирует внимание на факторах, ограничивающих этот поток и дифференцирующих доступ к информации;

6) *«экологический»* — исследует политическую коммуникацию с точки зрения влияния на нее политической системы. Политическая система создает среду, в которой формируются институты коммуникации и регулируются ее процессы в обществе в целом (одним из проявлений такого регулирования является осуществление государством определенной языковой политики по отношению к меньшинствам).

В рамках собственно лингвистических исследований разграничиваются два подхода к анализу политической коммуникации: *дескриптивный* и *критический*. *Дескриптивный* подход восходит к классической методике риторического анализа публичных выступлений, представленной в трудах Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана. В современной лингвистике один из аспектов дескриптивного подхода связан с изучением языковых средств, риторических приемов и манипулятивных стратегий, используемых политиками в целях убеждения аудитории.

Другим направлением дескриптивного подхода, тесно связанным не только с лингвистикой, но и с политологией, является анализ содержательной стороны политических текстов. Методы контент-анализа и когнитивного картирования позволяют выявить когнитивные диспозиции отдельных политиков — ценностные доминанты, склонность к конфликту или сотрудничеству, характер причинно-следственных связей в соответствующих фрагментах картины мира.

Критический подход нацелен на критическое изучение социального неравенства, выраженного в языке или дискурсе. В работах Н. Фэрклоу, Р. Водак, Т. ван Дейка и других представителей критической лингвистики рассматривается проблема использования языка как средства власти и социального контроля. Следует подчеркнуть, что если в рамках дескриптивного подхода исследователь остается нейт-

ральным, независимым экспертом, то для критического анализа характерна ангажированность исследователя: подразумевается, что он открыто занимает сторону лишенных власти и угнетенных.

Одной из наиболее плодотворных и относительно новых исследовательских парадигм в политической лингвистике является когнитивный подход, позволяющий от описания единиц и структур дискурса перейти к моделированию структур сознания участников политической коммуникации. Моделирование когнитивной базы политического дискурса осуществляется через анализ фреймов и концептов политического дискурса, метафорических моделей и стереотипов, лежащих в основе политических предубеждений.

Глава 3

Язык и социология: социолингвистика

Социальная лингвистика (социолингвистика) — направление языкознания, изучающее общественную обусловленность возникновения, развития и функционирования языка, воздействие общества на язык и языка на общество.

О термине «социолингвистика». За время существования в языкознании социолингвистического направления оно имело и имеет теперь несколько разных наименований: «социология языка», «социологическая лингвистика», «социологическое языкознание», «лингвистическая социология», «лингвосоциология», «социолингвистика», «социальная лингвистика» и др.

Термин «социолингвистика», наиболее употребительный в современной науке, впервые использовал в 1952 г. американский исследователь Х. Карри. Этим термином было обозначено направление, которое фактически уже существовало в языкознании и свою главную цель видело в исследовании языка как явления общественного.

Проблематика социолингвистики. Придерживаясь мнения о предпочтительности широкого понимания социолингвистики (она должна изучать весь язык, как бы просвечивая всю его толщу светом «социальности» его предназначения), целесообразно тем не менее выделить и назвать проблематику этой науки, частично уже разработанную и отраженную в соответствующих понятиях и терминах, но в основном только выдвигаемую для углубленного социолингвистического анализа. Не вдаваясь в конкретизацию, перечислим главные темы, представленные в современной социолингвистике (по работам В.Д. Бондалетова, Н.Б. Вахтина и Е.В. Головки).

- Социолингвистика как наука об общественной обусловленности

строения, развития и функционирования языка, о влиянии общества на язык и языка на общество.

- **Общественные функции языка:** их состав и зависимость от конкретно-исторических социальных условий функционирования языка.

- **Формы существования языка:** литературный язык и нелитературные формы — просторечие (нелитературное), территориальные диалекты, социальные диалекты и пр.

- **Основные виды членения языка:** социальное, функционально-стилевое, территориальное. **Общественные факторы, обуславливающие социальную и социально-стилевую дифференциацию языка:** общественная сфера, социальная среда, ситуация речи.

- **Социально-коммуникативная система, ее компоненты.** Языковая ситуация как один из важнейших объектов социальной лингвистики. Двязычие. Диглоссия.

- **Общественная обусловленность развития языка.** Социальные типы языков в различные общественно-исторические формации (языки-диалекты родовые, племенные, языки народностей, наций; межнациональные языки, языки-посредники, койне). Специфика социального членения языка в разные периоды истории общества. Национальные языки, пути их возникновения.

- **Литературный язык, его функции и признаки.** Социальный аспект языковой нормы. Стилиевая дифференциация языка, ее зависимость от экстралингвистических явлений (содержания, назначения, условий порождения речи, адресанта, адресата).

- **Речевая вариативность и ее зависимость от социальной ситуации, а также от социальных особенностей говорящих (возраста, уровня образования, профессии и т.д.).**

- **Социолингвистические классификации языков.** Критика социолингвистических типологий, предложенных зарубежными лингвистами. Классификации языков по выполняемым ими общественным функциям.

Мировые языки, их социальные функции и структурные достоинства (глобальность распространения, сознательность принятия, специфика функций, богатство и отработанность средств выражения). Вопрос о языке будущего.

- **Проблема вспомогательных международных языков.** Эсперанто и другие искусственные языки, сферы их применения. Задачи интерлингвистики.

- **Социально обусловленные изменения в структуре языка и в ее отдельных звеньях.** Понятие о прогрессе в языке. Человек и язык. Соотношение стихийных и сознательных факторов в эволюции языка.

Проблема планирования развития языка (его общественных функций и компонентов структуры). Типы и формы сознательного воздействия на язык (сохранение языка и поддержание его в состоянии коммуникативной пригодности, расширение его функций, установка на обогащение словаря, выработка орфографических, пунктуационных, орфоэпических и лексико-фразеологических норм).

- Главнейшие закономерности современного мирового лингвистического процесса. Язык в эпоху научно-технической революции и глобализации экономики. Характер и сферы воздействия научно-технического базиса на языковую жизнь общества. Развитие научного стиля языка, рост терминологии, увеличение общего (международного) фонда в научно-технических терминологиях. Зависимость темпов изменения языка от интенсивности развития общества.

Социолингвистические проблемы функционирования системы массовой коммуникации (язык газеты, радио, кино, телевидения, Интернета).

- Языковая политика: создание и усовершенствование алфавитов, развитие лексики и синтаксиса литературных языков, их функциональных стилей, кодифицирование норм литературных языков.

- Язык в развитом обществе. Национальные и межнациональные языки.

- Русский язык как средство межнационального общения. Национально-русское двуязычие. Специфические особенности русского языка как одного из мировых языков.

- Социальная диалектология как часть социолингвистики. Сложность и опосредованность связей между структурой общества и языком. Социальные диалекты как отражение социально-классовой, сословно-групповой, профессионально-производственной и возрастной дифференциации общества. Социальные диалекты, их функциональные и структурно-языковые особенности. Типы социальных диалектов. Историчность социальных диалектов. Значение социальной диалектологии для общелингвистической теории.

- Методы и приемы социолингвистических исследований. Методы и источники сбора материала. Опрос и его виды. Эксперимент, его виды. Использование анкет, программ, вопросников. Обработка материала. Выбор метода анализа, обоснование степени его эффективности. Интерпретация.

- Структура современной социолингвистики. Социолингвистика синхронная и диахроническая; частная, сравнительно-сопоставительная и общая; теоретическая и прикладная.

Место социолингвистики среди лингвистических и общественных наук.

- История социолингвистики. Истоки современной социолингвистики в европейском, американском и восточном (японском) языкознании.

Современные социолингвистические исследования в США, Франции, Англии, Германии, Италии, Японии.

- Социальный аспект изучения языка в истории отечественного языкознания.

Социолингвистика синхронная и диахроническая. В современной социолингвистике различие синхронного, одновременно существующего, и диахронического, последовательно сменяющегося во времени, осознается как непереносимое условие соблюдения принципа научности в описании языка и его функционирования в конкретных общественно-исторических условиях.

Объектом *синхронной социолингвистики* являются все формы существования языка, функционирующие в определенный период истории общества в основных сферах человеческой деятельности. Большинство работ по синхронной социолингвистике касается современного периода языковой жизни того или иного народа, государства, лингвистического региона, всего мира. Из этого вовсе не должно следовать отождествление «синхронности» с «современностью». Синхронным может быть изучение языка (языковой ситуации и ее компонентов) любого из прежних периодов его жизни, например древнерусского языка X в., древнерусского языка XIII в., старорусского языка XVII в., русского языка XIX в. Важно, чтобы подвергаемые анализу факты находились в одной хронологической плоскости, а не брались произвольно из разных эпох.

Исследование современных социолингвистических ситуаций оказывается методологически важным ввиду доступности объекта наблюдения, возможности проведения проверок, уточнений, применения эксперимента. При синхронном исследовании современного языкового материала можно с большей точностью выделить предметы и единицы социолингвистического анализа, отработать процедуру исследования, модели описания, проверить объяснительную силу выдвинутых концепций и теорий, создать понятийно-терминологический аппарат и т.д. — все то, что затем может быть использовано для социолингвистического описания других, более отдаленных от нас хронологических срезов, а также для соответствующих диахронических исследований.

Для синхронной социолингвистики существенны прежде всего те языковые явления и процессы, которые обусловлены и объясняются социальными факторами прямо и непосредственно. В числе ее про-

блем и объектов обычно называют: изучение функций языка в обществе (основных и «частных», т.е. социальных, общественных); выделение форм существования языка; вычленение сфер общения и характеристику используемых в них форм существования языка; функциональную стратификацию языка (языков) и отдельных форм их существования; изучение языковых ситуаций и состояний; разработку методов и приемов социолингвистического изучения языка (языков), например когда исследователь отталкивается от языка и движется к социальной структуре общества или, напротив, отталкивается от структуры общества и идет к исследованию функционирующего в нем языка (языков).

Идея выделения *диахронической социолингвистики* наряду с синхронной возникла по аналогии с расчленением общей лингвистики на синхронную и диахроническую.

В круг непосредственных интересов диахронической социолингвистики попадают: социолингвистический аспект проблемы происхождения языка; социально-исторические типы языков; история конкретных языков в социолингвистическом аспекте; внешние и внутренние факторы эволюции языка в их взаимодействии; истолкование понятия прогресса языка; роль стихийного и сознательного в истории языка; вопросы языковой политики и языкового строительства.

Методы социолингвистического анализа. Методы и конкретные приемы социолингвистического анализа отличаются значительной неоднородностью. Это объясняется как широтой проблематики социолингвистики, так и междисциплинарным характером данного направления, отчетливее всего проявляющимся как раз в методах, которые переносятся в социолингвистику из общественных и некоторых естественных наук.

Чаще всего социолингвисты (и лингвосociологи) обращаются к методам статистики, социологии, этнографии, истории, а также к традиционным методам языкознания, применяющимся при описании языка в социальном аспекте. Эффективность применения этих методов находится в прямой зависимости от четкости выделения объектов и единиц социолингвистического анализа; полноты учета специфики анализируемых фактов; понимания степени объективности и надежности получаемых результатов; гибкости общей стратегии и тактики социолингвистического анализа.

Методы и источники сбора материала. К числу наиболее распространенных методов сбора социолингвистических данных относятся: 1) непосредственное наблюдение; 2) анкетирование; 3) интервьюирование; 4) анализ документальных источников; 5) проведение экспериментов.

Психолингвистика — наука, изучающая процессы речеобразования, а также восприятия и формирования речи в их соотносительности с системой языка. Разрабатывая модели речевой деятельности и психофизиологической речевой организации человека, психолингвистика проверяет их путем психологического эксперимента, т.е., будучи по предмету исследования близка к лингвистике, по методам она сближается с психологией.

Основные направления в современной психолингвистике. Речь, не являясь просто манифестацией языка, представляет собой объект, а не результат изучения. Речь как объект при этом трактуется как один из видов деятельности, включенный в общую систему деятельности человека. Речь имеет собственную — структурную и функциональную — специфику. Психология, лингвистика, логика, физиология и другие науки моделируют один и тот же объект — речевую деятельность — каждая для своих целей.

Психология противопоставляет механизм и процесс. При этом формирование речевого механизма она связывает с процессом присвоения языка как объективной системы, когда язык переходит из предметной формы в форму деятельности. Отсюда другое противопоставление: язык в предметной форме и язык как процесс (речевая коммуникация).

Лингвистика противопоставляет язык как систему языку как процессу (речи).

Психолингвистика имеет дело с языком как системой и языком как способностью (речевым механизмом). Иначе говоря, предметом психолингвистики является изучение природы и структуры языковой способности человека и ее реализации в речевой деятельности.

Природа языковой способности человека и ее структура. Понятие языковой способности впервые было введено Н. Хомским. Для него языковая способность к усвоению языка, передаваемая человеку генетически, являлась врожденной и предопределяла овладение тем или иным родным языком. Здесь была психологическая трактовка понятия способности.

Языковая способность является собственно человеческим приобретением в ходе эволюции и служит фундаментальным отличием человека от высших животных; это психофизиологический механизм, обеспечивающий владение и овладение языком. Современные исследования детской речи позволили подойти к определению языковой способности с более конкретных позиций. В частности, стало возможным включить в определение языковой способности наличие неосознаваемых правил, по которым осуществляется пользование языком. Так, при овладении системой языка в детстве формируется некая обобщенная система элементов, коррелирующая с системой языка, но не тождественная ей. Языковая способность является своего рода средством хранения языка в сознании и одновременно методом реализации отраженных сознанием элементов системы языка. Языковая способность — это функциональная система, и ее компоненты включают специфические правила прескриптивного типа, по которым осуществляется выбор необходимых для решения коммуникативной задачи средств.

Языковую способность сегодня определяют как многокомпонентную функциональную систему, являющуюся следствием отражения (и генерализации) элементов системы родного языка. Это своего рода конструкт, функционирующий по определенным правилам. Таким образом, языковая способность — это некоторая система элементов и правил их реализации. В этой системе, имеющей, очевидно, иерархическое строение, есть ряд компонентов — фонетический, лексический, грамматический и семантический.

Моделирование процесса порождения речевого высказывания. Комплексное моделирование речевой деятельности — генеральная задача психолингвистики. Она состоит в построении логически непротиворечивой и адекватной объекту исследования модели речевой деятельности, которое целиком зависит от исходных посылок, т.е. от того, как ученый понимает строение речевого акта, как представляет себе процесс порождения речи и — шире — на каких позициях он находится.

Рассмотрим основные модели порождения речи в современной зарубежной психолингвистике.

Модель Ч. Осгуда. На всех уровнях этой модели проявление каждого последующего элемента обусловлено предыдущим, т.е. действуют так

называемые марковские процессы. Порождение речи осуществляется параллельно на всех уровнях по собственным закономерностям каждого из них. Первый уровень — мотивация. Единицей его является предложение. На этом уровне решается: говорить — не говорить; если говорить, то в какой форме (убеждение, вопрос, приказание), какими средствами воспользоваться для выражения этой формы. Предложение характеризуется тремя признаками: интонационной моделью, акцентуационной моделью, конструктивными маркерами. Второй уровень — семантический. Единица его — функциональный класс. Это последовательно выделяемые в предложении при анализе по непосредственно составляющим (НС) элементы: *Маленький мальчик бежит по улице*. На входе этого уровня оказываются семантические единицы, а на выходе — отрезки текста. Третий уровень — уровень последовательности. Единица его — слово. Этот уровень ведает условными вероятностями единиц в их последовательности. Слово выступает здесь как фонетическая единица; действуют марковские процессы, основанные на вероятностных зависимостях между последовательными сегментами. Четвертый уровень — интеграционный (моторный). Он соответствует моторным механизмам кодирования. Единица уровня — слог.

Модель НС. Идея этой модели состоит в применении правил деривации (вместо X поставить Y), т.е. выведения последовательности цепочек, каждая из которых получена из предыдущих при помощи применения одного правила. Порождение идет слева направо и сверху вниз. Число ветвлений влево называется глубиной предложения. Различаются модели в ветвлении вправо и влево. Русский и английский — вправо, японский и турецкий — влево.

Модель Н. Хомского. Эта модель состоит из трех общих компонентов: синтаксического, фонологического и семантического. Второй и третий служат для интерпретации синтаксического. Последний должен определять для каждого предложения его глубинную структуру (семантическую интерпретацию) и поверхностную структуру (фонетическую интерпретацию). Семантический компонент делится на два субкомпонента: трансформационный и НС (базовый). Трансформационный субкомпонент порождает поверхностную структуру, НС — глубинную. Вводятся два типа правил: ветвления и субкатегоризации. Первые определяют направление ветвления, вторые — приписывание определенным элементам дерева семантических характеристик типа дифференциальных семантических признаков. Правила ветвления составляют категориальный компонент.

Последовательность порождения: база порождает глубинные структуры; глубинная структура подается в семантический компонент

и получает семантическую интерпретацию; при помощи трансформационных правил она преобразуется в поверхностную структуру, которой далее дается фонетическая интерпретация при помощи правил фонологического компонента.

В трансформационной грамматике выделяются следующие уровни: единицы словаря; классы единиц словаря; правила распространения; правила трансформации.

Описанные модели обладают общей особенностью — они лингвистичны. Им свойствен принцип прямого отражения лингвистических единиц в психолингвистические.

Методы анализа в психолингвистике. К наиболее часто используемым в современной психолингвистике методам можно отнести следующие:

- метод субъективного шкалирования;
- ассоциативный эксперимент;
- метод семантического дифференциала;
- метод семантического радикала;
- метод подстановки;
- дистрибутивный метод;
- метод классификации;
- методы косвенного опосредованного исследования семантики.

Все названные психолингвистические методы можно дифференцировать на прямые, опосредованные и косвенные. Основной их задачей является установление семантических связей значений. Так, в методах субъективного шкалирования и классификации такие связи между значениями устанавливаются испытуемыми непосредственно в ходе соответственно шкалирования и классификации, а в методах семантического дифференциала и ассоциативного эксперимента — опосредованно, через сходство оценок значений, полученных по шкалам семантического дифференциала или через сходство ассоциаций данных на них, т.е. через отнесение к опосредствующим факторам.

Глава 5

Язык и теология

Т е о л о г и я — богословие, совокупность религиозных доктрин о сущности и действии Бога.

В своей книге «Язык и религия» Н.Б. Мечковская рассмотрела, в числе прочих вопросов, взаимосвязи языка и теологии. Вслед за автором определим, во-первых, точки соприкосновения на уровне семиотических феноменов языка и религии и, во-вторых, основные тенденции, характеризующие современное состояние взаимодействия между этими двумя феноменами. Для лингвиста сочетание «язык и религия» — одна из тем «внешней» лингвистики в ряду таких, как «язык и общество», «язык и другие семиотики», «язык и сознание», «язык и культура» и т.д.

«Внешние» связи религии и других явлений истории и культуры («религия и мораль», «религия и искусство», «религия и право», «религия и школа» и т.д.) интересны и важны для понимания всего человеческого. Однако в сочетании «религия и язык» есть еще одна проблема, причем не «внешняя», а «внутренняя», затрагивающая неосознаваемые, поэтому стихийные и влиятельные механизмы человеческой психологии и культуры. Познавательная ценность изучения взаимосвязей языка и религии обусловлена особой — «внутренней» и фундаментальной — ролью языка и религии в самом феномене человека.

Язык и религия с точки зрения семиотики. Как считает Н.Б. Мечковская, с точки зрения семиотики язык и религия — две самобытные знаковые системы, обладающие своим содержанием и своим способом передачи этого содержания. План содержания языка и план содержания религии — это два разных образа мира (две картины, две модели мира), поэтому в терминах семиотики язык и религия — это

две моделирующие семиотические системы. По характеру своего содержания язык и религия занимают в ряду других форм общественного сознания крайние точки: это полярные противоположности. Язык включает в себе самую простую, элементарную картину мира; религия — самую сложную, при этом в ее содержание входят компоненты разной психической природы (чувственно-наглядной, логической, эмоциональной, интуитивной, трансцендентной). Язык выступает как предпосылка и универсальная форма, оболочка всех других форм общественного сознания; религия — как универсальное содержание, исторически первый источник, из которого развилось все последующее содержание общественного сознания. Язык — это универсальное средство, техника общения, а религия — универсальные смыслы, транслируемые в общении, заветные, самые важные для человека и общества.

Несмотря на полярную противоположность планов содержания языка и религии, между ними существуют сложные взаимосвязи — в силу их глубокой укорененности в сознании людей, восходящей к истокам человеческого в человеке.

Религиозно-конфессиональные факторы играли и играют важнейшую роль в судьбах языков и — шире — в истории человеческой коммуникации.

Труднее увидеть и объяснить обратную зависимость — религии от языка. Конечно, эта зависимость не такая прямая и определенная, как конфессиональный фактор в истории литературных языков. Однако парадоксальным образом «заветные смыслы» оказывались как бы неотделимыми от слов, на которых они впервые были выражены. Это создавало внутреннюю и «множественную», едва ли не с каждым словом связанную, зависимость «заветных смыслов» от их языковой формы. Поэтому в истории религий вопросы языка часто приобретали жизненную важность. Перевод Писания на новые языки нередко приводил не к распространению учения, а к его видоизменению. Потребность в новых переводах или новых толкованиях могла оказаться и проявлением, и фактором различных еретических и диссидентских движений.

Драматизм и парадоксальность связи языка и религии состоит в способности языка — «всего лишь» коммуникативной техники — быть предпосылкой и формой проявления религиозных противоречий, что в конечном счете может привести к изменениям в содержании «заветных смыслов».

В основе такой связи языка и религии лежит не случайность или недоразумение архаического сознания. Дело в том, что религия — это

область повышенного внимания к слову. История религий связана с движением и изменением некоторой специальной информации — ее территориальным распространением или сокращением, той или иной трансляцией — передачей, пересказом, переводом, перетолкованием, разъяснением. Именно в сфере религии впервые, но во весь рост встала проблема понимания, ради которой, собственно, существует филология.

Глава 6

Язык и юриспруденция

Юриспруденция — правоведение, юридическая наука, правовая система.

Понятие юридического языка. Юридический язык предназначен для пользования, с одной стороны, всеми членами общества, с другой — специалистами в области права. Уже по этой причине он внутренне противоречив.

Использование языка в социальной жизни человека всегда содержит определенный потенциал «естественной» конфликтности, которая нередко выходит за пределы возможностей саморегулирования, заложенного в языке, и предполагает необходимость ее рациональной юридизации, успешное осуществление которой возможно только с учетом особенностей как самого естественного языка, так и правового регулирования социальных процессов.

Тексты, написанные на юридическом языке, обусловлены детерминантами двоякого рода и обладают в силу этого двоякими свойствами. Все это также порождает специфические противоречия в сфере законотворчества и законоприменения (в частности, при толковании законов).

Проблема вхождения естественного языка в юридические тексты. Юридические тексты строятся на основе естественного языка, но отношения его с ними разнообразны и неоднозначны. Естественный язык в своей природной ипостаси как бы органически врастает в юридическую сферу, трансформируясь в юридические тексты (документы), которые сохраняют многие признаки естественной речи, лишённые внутренних юридических условностей и значимостей: субъективные пресуппозиции и модальности, нетерминологические слова в нечетких, размытых значениях, разговорные синтаксические

конструкции, свободную композицию текста — все то, что свойственно речи людей, далеких от юриспруденции.

В то же время юридизация естественного языка в правовых текстах не может достичь абсолютной степени. И не только потому, что естественный язык даже в статусе внутренней формы для юридического так или иначе продолжает воздействовать на его восприятие, но и потому, что в юридическом тексте, как сказано выше, необходимо сохраняются непосредственные содержательные элементы естественного языка, от которых никак не может избавиться автор юридического документа, пишущий на естественном русском языке.

В еще большей мере естественная субъективность юридического языка обнаруживается при подходе к юридическим текстам со стороны их потребителей, особенно рядовых носителей русского языка, не имеющих профессионального отношения к юриспруденции. В этом случае возникает широкая, ограниченная лишь общей логикой, здравым смыслом и культурой возможность разной модусной и смысловой интерпретации высказываний, составляющих текст юридического документа.

Вопросы юрислингвистической инвектологии. Значимость внутренней формы, с одной стороны, является коммуникативной реальностью, которая дает возможность автору использовать ее для осуществления тех или иных прагматических целей, но также — право и возможность реципиенту предполагать и отыскивать эти цели, рассматривать их как реальность и настаивать на ответственности автора за ее введение в коммуникативное, социальное или психологическое бытие. С другой стороны, значимость внутренней формы — вещь в определенной мере виртуальная, эфемерная, ускользающая, необязательная, фоновая; ее актуализация и для автора, и для реципиента (в том числе персонажа) субъективна, факультативна и т.п., что дает автору-обидчику возможность ссылаться на отсутствие у него инвективного замысла и утверждать, что персонажу вовсе нет необходимости обижаться. Доказать умысел предельно трудно, и юрислингвистика (как теоретическая, так и практическая) пока не готова к обоснованию принципов анализа значимостей внутренней формы вообще и в инвективной ситуации в частности.

Естественные способы разрешения юрислингвистических конфликтов выходят за рамки естественного языка и врастают в область морали, общей и языковой культуры (и авторов, и адресатов), профессионализма авторов и редакторов, обязанных по многим причинам учитывать эту особую шкалу ранимости читателя-персонажа. Практика последних лет показывает, что стихийных путей регулиро-

вания подобного рода конфликтов явно недостаточно, требуется введение правовых механизмов, причем таких, которые в равной мере опирались бы на стихийные закономерности естественного языка и сложившуюся систему правовых норм.

Юрислингвистическая экспертиза. Исследование вопросов на стыке естественного языка и языка юридического имеет не только сугубо теоретическую значимость. В нем обнаруживается совершенно отчетливый практический аспект, связанный с тем обстоятельством, что исходный текст — предмет юрислингвистической экспертизы — чаще всего создается или интерпретируется рядовыми говорящими, пишущими, читающими по законам естественного языка и обыденных норм, а окончательный вывод эксперта должен соотнести конфликтную коммуникативную ситуацию с системой юридических норм (со статьями закона) и, следовательно, должен быть сформулирован на строгом юридическом языке. Для юрислингвистической экспертизы это важно еще и по той причине, что поведение людей в конфликтных речевых ситуациях, употребление ими слов и особенно реакции на них определяются реальными нормами, реальными значениями, которые эксперту необходимо знать. А для этого их надо выявить, квалифицировать, что и будет обозначать реализацию описательного подхода к семантике.

Сказанное касается и слов юридического метаязыка (равно как и их естественных синонимов, и членов семантического поля), таких, как: *оскорбление, обида, моральный ущерб, вред, нравственное страдание (переживание), порочить, унижать, честь, достоинство, (деловая) репутация, доброе имя* и др.; и нетерминологизированных слов естественного языка, попадающих в сферу действия того или иного закона, хотя уже сам факт, что они напрямую соотносятся с юридическим языком, так или иначе терминологизирует их, например: *рвач, хануга, халтурщик, бабник, трепло* и др., в которых соединяются аспекты клеветы (несоответствия действительности) и оскорбления (неприличной формы обозначения); *сволочь, гад, козел* и др., которые являются «чистыми» словами-инъективами вне денотации (отношения к действительности) и предназначение которых в языке связано не просто с выражением негативного отношения к «объекту обозначения» (для этого есть «приличные» формы), но и с демонстрацией пренебрежения к нему, его уничтожения и оскорбления, для чего и избираются неприличные формы.

Окказиональная юридизация инъективных слов, происходящая при исполнении закона о чести и достоинстве личности (например, при экспертизе, в судебной практике), обладает пока явно недо-

статочной практической силой. И здесь трудно рассчитывать на прецедентное право: слишком большой массив слов задействован в инвективной сфере, причем список их постоянно обновляется (лингвистам известна склонность экспрессивно-эмоциональной лексики к непрерывному обновлению, особенно в просторечии, арго); изменения здесь происходят не только количественные, но и качественные, ибо у таких слов часто меняются смысловые и функционально-стилистические признаки, а вслед за ними — качество и степень инвективности.

Глава 7

Язык и журналистика

Журналистика — общественная деятельность по сбору, обработке и периодическому распространению актуальной социальной информации; одна из форм ведения массовой пропаганды и агитации.

Принципы организации текста в СМИ. Журналист профессионально постоянно имеет дело с языком, каждый день собирая и обрабатывая материал, готовя статью для публикации, анализируя данные. Знание основных законов построения текста, функциональных особенностей того или иного литературного жанра, постижение закономерностей функционирования текста в читательской аудитории — все это и многое другое определяет успех или неудачу публикации в СМИ. Рассмотрим основные проблемы, с которыми сталкивается журналист, когда приступает к работе над своим материалом, — проблемы, так ли иначе вырастающие из общих проблем структуры и функционирования языка.

В теории коммуникации есть концепция так называемых стратегий позитивной вежливости, стратегий негативной вежливости и стратегий вуалирования. Значительная их часть приемлема для авторов текстов СМИ и позволяет сузить «зону риска».

К *стратегиям позитивной вежливости* относятся, например, имитация интереса к слушателю (читателю), вовлечение его в реальный или «молчаливый» диалог; создание атмосферы «мы с вами»; избегание прямого несогласия (не «нет», а «да, но...»).

К *стратегиям негативной вежливости*, в частности, относится «безличность», обобщенность утверждений (не «не курите», а «у нас не курят»).

К *стратегиям вуалирования*, особенно важным для журналиста, например, относятся: намеки через ассоциации; ирония; многозначная

метафора («Гарри — настоящая рыба»: скользкий? холодный? хорошо плавает?); сознательная неопределенность («кому-то сегодня сильно достанется» — всем ясно, кому...).

Помимо этого у журналиста должна быть общая установка на терпимость (толерантность), взаимность (паритетность) и самоограничение. Прежде чем дать своему тексту дальнейший ход, журналист (или редактор) обязан осуществить своего рода самоцензуру, по возможности выявив и устранив в тексте все то, что выводит его в «зону высокого риска». Но даже если журналист все это проделает, никакой гарантии никто дать не может. С одной стороны, всегда останется вероятность, что какой-то «рисковый» момент в тексте пройдет незамеченным. С другой стороны, истец, адвокат, эксперт, судья — тоже люди, причем (это относится прежде всего к истцу и его адвокату) со своими мотивами и интересами, возможно, противоречащими интересам журналиста и его защитника. Анализ материалов уже состоявшихся процессов по обвинению в унижении чести и достоинства свидетельствует, что и сторона истца, и суд, как правило, совершают довольно очевидные ошибки и просчеты, вызванные некомпетентностью или ангажированностью. Предвидеть такие ошибки и просчеты, нередко даже неосознанные, невозможно. Можно только уменьшить вероятность, степень риска.

Лингвистические приемы «смысловой защиты» текста и ухода из «зоны риска». Под «зоной риска» понимается определенный круг текстов или сообщений, которые потенциально могут быть объектом обвинений в клевете, унижении чести и достоинства, оскорблении и т.п. Конечно, любой текст СМИ, содержащий те или иные сомнительные утверждения о каком-то лице или организации, может, в принципе, быть оспорен в судебном порядке. Иначе говоря, зона риска — это такие высказывания (сообщения, тексты), в которых журналист «подставляется» под возможность судебного процесса об унижении чести и достоинства или клевете, оскорблении и т.д.

Как может автор осуществить «смысловую защиту» своего текста, сделать его минимально уязвимым для критики? Какими стратегиями он должен пользоваться, чтобы достичь своей цели, но в то же время сделать риск минимальным? Мы здесь говорим о минимуме риска, уязвимости и т.д. Даже если журналист будет соблюдать все рекомендации, никто не может дать ему гарантии, что где-то он не просчитается и какой-то «рисковый» момент в тексте не останется незамеченным. В то же время и журналист, и его защитник, и истец со своим адвокатом, и судья, и эксперт могут нарушать законы и даже элементарную логику, иметь собственные мотивы и интересы, взаимно про-

тивопоставленные, совершать довольно очевидные ошибки и просчеты, вызванные некомпетентностью или ангажированностью. Предвидеть все это никто не может, а значит, и застраховаться полностью от всего этого невозможно.

Важнейшие рекомендации по смысловой защите текста сформулированы в рамках лингвистической прагматики (теории речевых актов). Эти рекомендации (максимы, постулаты и правила) на первый взгляд могут показаться очень абстрактными. На самом деле они вполне конкретны и даже операциональны, ими нетрудно руководствоваться в практике. Например, постулат великодушия требует от журналиста, чтобы он в самом сообщении привел и аргументированно отбросил трактовки события, противоречащие его собственной трактовке, а правило приоритета действия запрещает политическому деятелю говорить, например, о «мальчишках в розовых штанах».

Помимо рекомендаций в лингвистической прагматике арсенал смысловой защиты составляют уже упомянутые выше стратегии — позитивной вежливости, негативной вежливости и вуалирования, — разработанные для целей оптимизации диалогического взаимодействия, но вполне применимые к ситуации социально ориентированного общения, в частности к деятельности журналиста.

Особым способом смысловой защиты является аккуратное и продуманное употребление инвективной (ругательной) лексики и фразеологии.

Лингвистический статус инвективной, ругательной, обценной лексики и фразеологии в СМИ. Следует различать инвективную и неинвективную лексику. Первая предполагает намерение оскорбить или унизить адресата или третье лицо, вторая является экспрессивной (содержит в себе негативную оценку и/или эмоционально-экспрессивный компонент), но такого намерения не предполагает.

Внутри инвективной лексики надо различать литературную (относящуюся к русскому литературному языку) и внелитературную, или не-литературную, например жаргонную. К последней относится и обценная лексика (мат).

В рамках литературной инвективной лексики тоже есть различные группы. Во-первых, это книжная лексика с инвективным значением (*мошеник, проститутка*), которая может спровоцировать ситуацию клеветы (например, называя человека таким словом, мы обвиняем его в нарушении законодательства или норм общественной морали; вполне возможно, что это не соответствует действительности). Во-

вторых, это эвфемизмы для подобных слов, казалось бы, щадящие адресата, но на самом деле несущие такую же инвективную нагрузку (*дама легкого поведения*). В-третьих, это переносное, метафорическое употребление таких слов (например, *политическая проститутка*), чаще связанное с ситуацией оскорбления. Наконец, в-четвертых, есть группа вполне литературных слов с инвективной семантикой, однозначно связанных с оскорблением, например: *стерва, мерзавец, подонок*. Употребление не только литературной, но и нелитературной инвективной лексики и фразеологии далеко не всегда связано с оскорблением, клеветой, вообще с унижением чести и достоинства. Здесь значима конкретная функция такой лексики, в особенности важно наличие или отсутствие умысла унижить; во всяком случае, если такой умысел не доказан, обвинить говорящего (пишущего) невозможно. Все зависит от конкретной ситуации общения, включая и характер отношений между участниками речевого акта, — например, можно ласково назвать человека сукиным сыном (и даже себя самого, вспомним знаменитое: *а́й да Пушкин, а́й да сукин сын!*), — а также от уровня речевой культуры говорящего или пишущего — бывает, он просто не способен оценить степень несоответствия своей речи требованиям общественной морали.

Особый случай — инвективное употребление слов или словосочетаний, не содержащих в своей семантике инвективного компонента, имеющих (*мальчики в розовых штанах*) или не имеющих (*завлабы*) экспрессивной окраски. Удивительно, но в устах определенной социальной группы людей даже слова *профессор, академик* могут приобретать инвективный характер, однако доказать его почти невозможно, хотя интуитивно каждый из нас (в определенном контексте) его ощущает.

Глава 8

Язык и международные отношения: международные вспомогательные языки и перевод

Интерлингвистика — раздел языкознания, исследующий проблематику межъязыкового общения. К компетенции интерлингвистики относятся вопросы многоязычия (причины его возникновения, перспективы развития и пути преодоления), взаимодействия языков и образования интернационализмов (грамматических, лексических, семантических и др.), международных языков (естественных или искусственных).

Перевод — выполняемое человеком действие по преобразованию текста на одном естественном языке в эквивалентный по содержанию текст на другом языке, а также результат такого действия.

Интерлингвистика. Удельный вес межъязыковой коммуникации в современном мире стремительно возрастает. По данным известного американского лингвиста М. Пея, в начале XVII в. (т.е. в эпоху Декарта) вероятность контакта с человеком, говорящим на иностранном языке, составляла доли процента; к началу XX в. она поднялась до 2%, в конце 1960-х гг. — уже до 20%, а к началу 2000 г. достигла 50%, тем самым сравнявшись с числом внутриязыковых контактов.

Это объясняется рядом факторов общественной эволюции: резко увеличились перемещения разноязычных масс населения (постоянные миграции, связанные с изменением мест работы, или сезонные, как массовый туризм: ежегодно более 100 млн туристов 300 млн раз пересекают государственные границы). Нарастивание международного торгового оборота влечет за собой увеличение языковых контактов (непосредственных — между партнерами по заключению торговых сделок или опосредованных — при использовании товарных знаков, номенклатуры коммерческих услуг, инструкций к применению това-

ров и пр.). Исключительно быстро растут прямые и опосредованные контакты в области дипломатических сношений, науки, техники и культуры (в XIX в. происходил один международный конгресс в год, в середине XX в. — более 3500).

Центральное место в интерлингвистической теории занимает анализ международных языков, являющихся важнейшим средством межъязыковой коммуникации. Все остальные интерлингвистические проблемы находятся по отношению к этому центральному разделу теории в подчиненном, периферийном положении.

Международные языки. Международными языками называют языки-посредники, используемые в общении разноязычных людей. Существует две категории языков этого типа: международные естественные и международные искусственные языки.

Международные естественные языки известны с глубокой древности; в современную эпоху в этом качестве выступают английский, французский, русский и ряд других языков. Для таких языков характерно то, что их первичной функцией является функция внутриязыкового общения, тогда как функция международного языка генетически вторична, производна от основной функции. Вместе с тем обе эти функции одинаково реальны, поскольку представлены в фактической языковой действительности и могут быть объектом лингвистического изучения.

Иной характер имеют *международные искусственные языки*, называемые еще плановыми языками. Такие языки (например, эсперанто или интерлингва) не имеют внутринационального употребления, для них функция языка-посредника является первичной, основной. Однако она не всегда имеет фактическую реализацию: историкам интерлингвистики известно немало проектов международных языков, которые так и не превратились в средство реального общения. С другой стороны, среди плановых языков есть и такие, которые реализовались в общении и создали определенный коллектив говорящих на них, иногда довольно значительный (эсперанто).

Таким образом, для международных естественных языков функция языка-посредника является вторичной, но реализованной, тогда как для международных искусственных языков эта функция является первичной, но не всегда или слабо реализованной.

Центральное место в интерлингвистике занимает анализ международных языков, для которых функция языка-посредника является одновременно первичной и реализованной, иначе говоря, основное внимание обращается на такие плановые языки, которые получили реализацию в общественной практике.

Уровни межъязыкового общения. Международные естественные языки можно разделить на два класса в зависимости от того, на каком уровне общения они используются — региональном или глобальном.

В современную эпоху в ряде районов мира используются региональные международные языки, причем наряду с региональными языками, сохранившими эту функцию с прежних времен (арабский), появились новые (например, суахили, используемый в ряде стран Восточной Африки). Однако более характерной для Нового времени становится категория языков глобального применения, которые называют также *мировыми языками*. Возникновение языков этого типа связано с процессами образования общемировой системы производства, международным разделением труда, расширением международной торговли, интернационализацией науки, развитием средств массовой коммуникации и т.д.

Выдвижение того или иного национального языка на роль мирового определяется совокупностью экстралингвистических и лингвистических факторов. К числу экстралингвистических факторов относятся: политическая или экономическая влияние государства (или группы государств); участие этого государства в международном торговом, научном и технологическом обмене; значительный вес той или иной национальной культуры в общемировом культурном развитии и т.д. Среди лингвистических факторов наибольшее значение имеет развитость функциональных систем языка (наличие в нем всей совокупности средств, обеспечивающих использование языка в устном и письменном общении, в художественной, общенаучной и специальной литературе), в частности разработанность отраслевых терминологий.

Число мировых языков имеет тенденцию к возрастанию, чему способствуют расширение группы промышленно развитых и политически влиятельных государств, интенсификация процессов развития науки и культуры в целом ряде стран. После XVIII в., нередко именованного веком «всеобщности французского языка», в сферу глобального использования постепенно включаются английский и немецкий, с XX в. — русский и некоторые другие языки.

В итоге к настоящему времени сложилась группа наиболее развитых международных языков («клуб мировых языков»), из которых ни один не может претендовать на роль единственного всемирного языка, но которые в совокупности опосредуют международное общение на глобальном уровне.

Социальная база и функциональный диапазон современных мировых языков значительно шире, чем у региональных языков про-

шлого. Мировые языки являются средством хранения и распространения общечеловеческой информации (в частности, научной и технической), постоянно применяются в дипломатии, международной торговле, транспорте, системах связи, туризме. Для них характерно юридическое закрепление в статусе «официальных» или «рабочих» языков международных конференций или организаций (как известно, официальными языками ООН считаются английский, французский, русский, испанский, китайский и арабский). На национальном уровне мировые языки получают статус «иностраннных», составляющих предмет обязательного изучения в общеобразовательной и высшей школе.

Таким образом, диапазон функционирования современных международных естественных языков весьма широк. Следует учитывать также, что помимо регионального и глобального уровней международного общения существует также уровень межъязыкового общения в многонациональных государствах. Языки-посредники, используемые в этой сфере, называются языками межнационального общения (не путать с международными языками).

Динамика развития мировой лингвистической ситуации. В современной языковой ситуации в контексте интерлингвистических проблем для нас весьма важны следующие два фактора.

С одной стороны, человечество переживает эпоху научно-технической революции, одним из результатов которой явился необычайно ускорившийся процесс накопления информации. С другой стороны, отмечается противоречивая динамика изменения численности этнических языков мира: общее количество таких языков сокращается при одновременном возрастании числа литературных языков. Растет и число языков, находящихся употребление в сфере межъязыковой коммуникации, т.е. международных естественных языков, в частности мировых. Есть основания ожидать, что число международных языков глобального использования в ближайшем будущем возрастет с нынешних шести (официальные языки ООН) до 10—12.

Информационный взрыв в сочетании с постоянным увеличением числа литературных и международных языков чрезвычайно усложняет современную языковую ситуацию. Фактически мы вплотную приблизились к черте, за которой использование поступающей информации окажется невозможным. Исключительную важность при этом приобретает проблема обеспечения науки средствами информационного поиска. К числу таких средств относятся и языковые, находящиеся в компетенции лингвистики и сопредельных с ней наук. Поиск информации предполагает использование разного рода искусствен-

ных языков, а преодоление многоязычия информационных источников диктует необходимость использования искусственных языков другого типа — международных языков вроде эсперанто, структура которых специально приспособлена для нейтрализации языкового барьера. Поэтому сейчас в мировой интерлингвистической литературе весьма активно обсуждается возможность применения эсперанто и других плановых языков в сфере информационного обеспечения науки. Все это объясняет в функционировании плановых языков новые тенденции, выводящие эти языки за рамки их привычного употребления в соответствии с изменяющейся ситуацией взаимодействия языков в нынешнюю эпоху.

Перевод. Перевод представляет собой сложное и многогранное явление, различные стороны которого привлекают внимание литературоведов, психологов, этнографов и лингвистов.

В чем же состоит значение перевода для лингвиста? Прежде всего перевод представляет собой чрезвычайно интересный источник данных для общего и в особенности сопоставительного языкознания. Однако в этом случае не языкознание работает на перевод, а перевод — на языкознание, расширяя его горизонты и позволяя более четко выявить как специфические черты отдельных языков, так и их общие характеристики или универсалии. В то же время многие языковеды уже давно пришли к выводу о том, что и сам перевод может стать объектом лингвистического описания. Целью такого описания должно быть создание лингвистической теории перевода.

Изучая закономерности переводческой деятельности, лингвист имеет дело с речевыми произведениями или текстами на двух различных языках — языке оригинала и языке перевода. При этом он мысленно прослеживает тот путь, который проходит переводчик, воспринимая исходный текст и создавая текст на языке перевода. Разумеется, каждый отдельный текст может отличаться индивидуальным, неповторимым своеобразием. Передача этого своеобразия, требующая углубленного проникновения в творческую лабораторию автора, как раз и является одной из главных проблем теории художественного перевода, хотя в известной мере эта задача актуальна и в других переводческих жанрах. Сопоставление многих переводов убедительно свидетельствует о том, что опыт переводческой деятельности вполне поддается обобщению и многие переводческие решения оказываются если не идентичными, то, во всяком случае, однотипными. Отсюда следует, что в основе процесса перевода при всем его многообразии лежат какие-то общие закономерности, выявлением которых занимается лингвистическая теория перевода.

Для теории перевода важно не только сопоставление систем, но в не меньшей мере и выявление контекстуальных реализаций системных различий. Более того, перед теорией перевода стоит особая задача, которая не может быть решена в рамках сопоставительного языкознания, — выяснить сам механизм процесса перевода, определить всю совокупность факторов, влияющих на переводческие решения, выявить логику этих решений.

Совершенно справедливо и то, что научный анализ процесса перевода требует выхода в эстетику и психологию, а также в этнографию и другие смежные науки. Однако задача эта в огромной мере облегчается благодаря тому, что современное языкознание, поддерживая тесные связи с названными науками, значительно расширило фронт исследовательских работ в междисциплинарных направлениях.

Одним из таких направлений является социолингвистика и тесно соприкасающаяся с ней этнолингвистика. Учет этнолингвистических и социолингвистических факторов приобретает особое значение при переводе на языки народов, находящихся на разных этапах культурного и социального развития. Ведь в конечном счете перевод — это соприкосновение не только языковых систем, но и разных культур и разных цивилизаций. В процессе перевода немалое значение имеет учет социальной дифференциации языка. В этом отношении весьма полезными для теории перевода могут оказаться данные социолингвистических исследований.

Не меньшее значение для понимания процесса перевода имеет и учет воздействия на перевод психологических факторов. Роль этих факторов, иногда именуемых субъективными, влияющими на процесс перевода и его результат, вполне поддается анализу в терминах психолингвистики. Разница между подходом к материалу в сопоставительном языкознании и в теории перевода состоит, в частности, в том, что, используя переводы в качестве объекта для обобщений, сопоставительное языкознание исключает из рассмотрения все присутствующие в них субъективные элементы, сосредоточивая внимание лишь на объективных закономерностях, которые характеризуют соотношение между сопоставляемыми системами. Теория перевода, напротив, не может полностью абстрагироваться от субъективных моментов, которые приносят в процесс перевода участники двуязычного коммуникативного акта — автор исходного текста, переводчик и читатель перевода.

Чрезвычайно важен для переводчика и учет территориальной вариативности языка. В этом отношении очень полезны могут быть данные диалектологии и лингвистической географии, изучающих особенности диалектов и вариантов языка. Так, при переводе на англ-

лийский язык выбор соответствующего варианта иногда определяется тем, какой аудитории адресуется данный текст — британской или американской.

Что касается влияния художественно-эстетических факторов на процесс перевода, то оно особенно велико в переводе художественной литературы, хотя может иметь определенное значение и в переводе публицистики, и даже некоторых жанров научной литературы.

Общая теория перевода. Общая теория перевода является междисциплинарным направлением, лингвистическим в своей основе, тесно смыкающимся с сопоставительным языкознанием, психолингвистикой, социолингвистикой, этнолингвистикой, лингвистической географией. По сути, речь идет о приложении лингвистической теории к конкретному виду речевой деятельности — переводу. Поэтому можно охарактеризовать общую лингвистическую теорию перевода как отрасль прикладного языкознания, если под последним понимать не только компьютерную лингвистику, но и любую область применения языковедческой теории к решению конкретных задач.

Общая теория перевода имеет свой ясно очерченный объект изучения — процесс перевода во всей его совокупности и во всем его многообразии с обязательным учетом всех влияющих на него факторов. Разумеется, каждая отрасль теории перевода (например, теория художественного перевода и теория публицистического перевода) конкретизирует и углубляет ее общетеоретические положения. Это и понятно, так как в общую теорию перевода входит то, что является общим для всех видов перевода, а отражение специфики тех или иных переводческих жанров — дело частных теорий.

Я.И. Рескер предложил в свое время классификацию закономерных соответствий, согласно которой последние распадаются на три группы: 1) эквиваленты; 2) аналоги (называемые в более поздних работах «вариантными соответствиями»); 3) адекватные замены.

Значительное влияние на развитие теории перевода оказала структурная лингвистика, в рамках которой было предпринято немало усилий для решения задачи автоматизации процесса перевода. На какое-то время увлечение проблемами машинного перевода привело к тому, что задачи построения лингвистической теории перевода обычного, т.е. осуществляемого человеком, были отодвинуты на задний план. В конечном счете эти работы принесли несомненную пользу для общей теории перевода, пробудив среди языковедов интерес к изучению, например, внутрилингвистических и внелингвистических факторов в процессе перевода. При этом основная задача виделась

лингвистам в том, чтобы перекодировать языковую информацию в формализованный язык компьютера. Однако безоговорочное распространение этой информации на область «человеческого» перевода пока не смогло полностью вскрыть механизм переводческой деятельности и лежащие в его основе закономерности.

С точки зрения теории порождающей грамматики перевод представляет собой комплекс структурно-лингвистических характеристик, позволяющих с достаточной полнотой описать процесс перевода. Теоретико-лингвистической его основой являются, таким образом, порождающая грамматика, в терминах которой описываются грамматические аспекты процесса перевода, и теория компонентного анализа, помогающая осмыслить некоторые лексические аспекты данного процесса. Это дает возможность построить «сетку соответствий» между единицами ИЯ и ПЯ и выявить закономерности процесса перевода.

Самое непосредственное отношение к теории перевода имеет компонентный анализ. Дело в том, что компонентная структура значений слова и конфигурация семантических полей варьируются от языка к языку. Переводчика нередко постигает участь всех билингов, т.е. людей, владеющих двумя языками и отождествляющих их компонентные структуры слов. Например, установив соответствие между английским *give* и русским *давать*, он может упустить из виду тот существенный факт, что в отличие от русского слова английское потенциально включает и семантические компоненты «безвозмездно, постоянно». Поэтому фраза *This is the watch my grandfather gave me* может быть однозначно соотнесена с русской *Вот часы, которые мне дал дедушка* без учета того, что *give* в оригинале может означать и «подарил», а не только «временно передал». Закономерности использования приемов конкретизации и генерализации становятся вполне объяснимыми в свете данных компонентного анализа.

Для теории перевода значительный интерес представляют работы лингвистов, занимающихся построением семантической модели анализа и порождения речевых высказываний. Необходимо упомянуть исследования учеников Н. Хомского, относящиеся к направлению, получившему название «порождающая семантика», а также труды отечественных лингвистов, разработавших действующую модель языка «смысл — текст». Остановимся на некоторых особенностях этой модели, имеющих самое непосредственное отношение к теории перевода.

В отличие от модели порождающей грамматики эта модель преследует цель отразить закономерности преобразования смысла в текст и

обратно, иначе говоря, закономерности процесса, который, по мнению сторонников этой концепции, лежит в основе речевой деятельности, т.е. процесса построения текста говорящим в соответствии с определенным смыслом (синтеза речевого высказывания) и извлечения смысла из текста слушающим (анализа). Из этого следует, что такая модель по определению должна стать моделью процесса перевода.

Достоинством модели «смысл — текст» является то, что она раскрывает механизм анализа и порождения речевых высказываний с учетом взаимодействия лексических и синтаксических средств.

Помимо модели «смысл — текст» следует помнить о модели «ситуация — текст». Эта модель иначе именуется ситуативной моделью языкового синтеза. Одной из первых попыток приложения этой модели к теории перевода явились работы английского лингвиста Дж. Кэтфорда. Развивая свою теоретическую концепцию под влиянием взглядов известных английских ученых Дж.Р. Фёрса и М.А.К. Халлидея, Кэтфорд исходит из того, что язык перевода и исходный язык имеют свои собственные системы значений, понимаемых как «сетки отношений», в которые входит та или иная языковая единица. Следовательно, эти системы варьируются от языка к языку и представляют собой специфическую черту того или иного языка. Поэтому процесс перевода нельзя понимать как простой перенос значений. Дело в том, что при описании тождественных ситуаций языка часто используют различный набор семантических компонентов.

Вместе с тем вполне закономерен вопрос: какой из существующих моделей перевода следует отдать предпочтение, ведь каждая из них с точки зрения отражения закономерностей перевода наряду с бесспорными достоинствами имеет и некоторые недостатки, ограничивающие диапазон ее применения?

По-видимому, для ответа на этот вопрос следует попытаться представить себе в действительности процесс перевода. В какой-то мере этот процесс характеризуется теми же закономерностями, что и речевая деятельность вообще. Процесс поиска оптимального решения при переводе также не является одноразовым актом, если это не синхронный перевод. Поиск также обычно осуществляется «методом проб и ошибок», который заключается в последовательном приближении к оптимальному варианту путем перебора нескольких возможных и отклонения тех, которые не соответствуют определенным функциональным критериям.

Такое представление о переводе вполне в духе получившей распространение в современной психологии и психолингвистике идеи вероятностного прогнозирования, согласно которой выбор того или

иного способа деятельности представляет собой, по крайней мере частично, постулирование возможных выходов из наличной ситуации, последовательный их выбор с точки зрения определенных его критериев.

Анализ переводов свидетельствует о том, что перевод определенно не осуществляется по единой модели. В процессе перевода находят применение и грамматические трансформации, и лексико-синтаксические перифразы, и семантические преобразования, соответствующие модели «ситуация — текст». При этом выбор оптимального способа анализа исходного текста и построение соответствующего текста на другом языке диктуется конкретными условиями межъязыкового коммуникативного акта. Вероятно, наряду с предварительной обработкой исходного текста путем грамматических трансформаций или лексико-синтаксического перифразирования вполне возможно и установление прямых соответствий между высказыванием на исходном языке и соответствующим иноязычным высказыванием с последующим редактированием этого высказывания на языке перевода.

Контрольные вопросы

1. Что связывает лингвистику с философией?
2. Какую роль сыграл Л. Витгенштейн в становлении философии языка XX в.?
3. Каковы особенности современного подхода к философскому анализу языка?
4. Каковы основные современные направления исследования политического дискурса?
5. Каковы основные проблемы современной западной и отечественной социолингвистики?
6. Каковы методы и источники сбора материала в социолингвистических исследованиях?
7. Каковы основные проблемы современной западной и отечественной психолингвистики?
8. Каковы методы анализа и моделирования данных в психолингвистическом эксперименте?
9. Каковы взаимоотношения языка и религии?
10. Что такое юридический язык?
11. Почему вхождение естественного языка в юридические тексты считается лингвистической проблемой?
12. Каковы лингвистические приемы смысловой защиты текста в журналистской практике?
13. Каковы основные лингвистически ориентированные теории перевода?

Проблемные задания

1. Подготовьте реферативный обзор основных направлений философии языка: а) в Европе; б) в России.
2. Подготовьте реферативный обзор современных философских проблем языкознания.
3. Подготовьте реферативный обзор современных направлений исследования политического дискурса: а) в Европе; б) в России.
4. Подготовьте реферативный обзор одной из актуальных проблем современной социолингвистики. Обоснуйте свое мнение по поводу адекватности/неадекватности решения данной проблемы имеющимися методами.
5. Подготовьте реферативный обзор современных направлений исследований в психолингвистике: а) в Европе; б) в России.
6. Подготовьте реферативный обзор одной из актуальных проблем современной психолингвистики. Обоснуйте свое мнение по поводу адекватности/неадекватности решения данной проблемы имеющимися методами.
7. Проведите анализ (по своему выбору) юрислингвистической экспертизы.
8. Проанализируйте (по своему выбору) текст СМИ на предмет соблюдения/несоблюдения принципов его организации.
9. Подготовьте реферативный обзор использования международных вспомогательных языков в практике межкультурной коммуникации.
10. Проанализируйте (по своему выбору) перевод с точки зрения отражения в нем принадлежности переводчика к той или иной школе.

Литература

- Аймермахер, К.* Знак. Текст. Культура. М., 1997.
- Анисимова, Е. А.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. М., 2003.
- Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Бардина, Н. В.* Языковая гармонизация сознания. Одесса, 1977.
- Безлепкин, Н. И.* Философия языка в России. СПб., 2001.
- Беликов, В. И., Крысин, Л. П.* Социолингвистика. М., 2001.
- Белянин, В. П.* Основы психолингвистической диагностики. М., 2000.
- Белянин, В. П.* Психолингвистика. М., 2003.
- Бессознательное / под ред. А. С. Прангишвили. Тбилиси, 1978.
- Бибихин, В. В.* Слово и событие. М., 2001.
- Вахтин, Н. Б., Головяко, Е. В.* Социолингвистика и социология языка. СПб., 2004.
- Винни Пух и философия обыденного языка. М., 1994

- Власть в русской языковой и этнической картине мира / под ред. И. Е. Ким, Е. В. Осетровой. М., 2004.
- Возрастная психоллингвистика: хрестоматия. М., 2004.
- Горелов, И. Н., Енгальчев, В. Ф. Безмолвный мысли знак: рассказы о невербальной коммуникации. М., 1991.
- Горелов, И. Н., Седов, К. Ф. Основы психоллингвистики. М., 1997.
- Дешериев, Ю. Д. Социальная лингвистика. М., 1977.
- Заблуждающийся разум? Многообразие внеучного знания. М., 1990.
- Залевская, А. А. Введение в психоллингвистику. М., 1999.
- Исследование речевого мышления в психоллингвистике. М., 1985.
- К.Г. Юнг о современных мифах. М., 1994.
- Карасик, В. И. Язык социального статуса. М., 2002.
- Карнап, Р. Значение и необходимость. М., 1959.
- Кацнельсон, С. Д. Категории языка и мышления. М., 2001.
- Келлер, Р. Языковые изменения. О невидимой руке в языке. Самара, 1997.
- Киселева, Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978.
- Клименкова, Т. А. От феномена к структуре. М., 1991.
- Козлова, М. С. Философия и язык. М., 1972.
- Костомаров, В. Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. М., 2005.
- Красиков, В. И. Человеческое присутствие. М., 2003.
- Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика. М., 2002.
- Крюкова, И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Волгоград, 2004.
- Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.
- Леонтьев, А. А. Культура и языки народов России, СНГ и Балтии. М., 1998.
- Леонтьев, А. А. Основы психоллингвистики. М., 1997.
- Леонтьев, А. А. Речевое воздействие. Проблемы прикладной психоллингвистики. М., 1972.
- Логическая семантика и модальная логика. М., 1967.
- Лурия, А. Р. Язык и сознание. М., 1998.
- Мечковская, Н. Б. Язык и религия. М., 1998.
- Научный и общественно-политический текст. М., 1991.
- Никольский, Л. Б. Синхронная социоллингвистика. М., 1976.
- Норма и социальная дифференциация языка. М., 1969.
- Общая психоллингвистика: хрестоматия. М., 2004.
- Одесский, М. П., Фельдман, Д. М. Поэтика террора. М., 1997.
- Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.
- Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
- Остин, Дж. Избранное. М., 1999.

- Панфилов, В. З.* Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982.
- Пищальникова, В. А., Сорокин, Ю. А.* Введение в психопоэтику. Барнаул, 1993.
- Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и СМИ. М., 1997.
- Проблемы эффективности речевой коммуникации: сборник научно-аналитических обзоров. М., 1989.
- Психолингвистика: хрестоматия. М., 2002.
- Семиотика и искусствоведение: современные зарубежные исследования. М., 1972.
- Сидоров, Е. В.* Философские проблемы языкознания. М., 1992.
- Слобин, Д., Грин, Дж.* Психолингвистика. М., 1976.
- Современный русский литературный язык / под ред. В. Г. Костомарова и В. И. Максимова. М., 2003.
- Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977.
- Тарасов, Е. Ф.* Тенденции развития психолингвистики. М., 1987.
- Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.
- Тюленев, С. В.* Теория перевода. М., 2004.
- Философия. Логика. Язык. М., 1987.
- Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М., 1977.
- Фреге, Г.* Логические исследования. М., 1997.
- Фрумкина, Р. М.* Психолингвистика. М., 2003.
- Шаумян, С. К.* Философские вопросы теоретической лингвистики. М., 1971.
- Шахнарович, А. М.* Общая психолингвистика. М., 1995.
- Швейцер, А. Д.* Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. М., 1971.
- Швейцер, А. Д.* Перевод и лингвистика. М., 1973.
- Швейцер, А. Д.* Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. М., 1976.
- Шейгал, Е. И.* Семиотика политического дискурса. М., 2004.
- Эффективная коммуникация: история, теория, практика. Словарь-справочник. М., 2005.

Содержание

Предисловие	5
Раздел I. Языкознание как гуманитарная дисциплина и его место в системе научного знания о человеке	7
Глава 1. Общее языкознание: теория и эмпирика	9
§ 1. Общее языкознание: статусная характеристика	9
§ 2. Кардинальные вопросы общего языкознания	12
§ 3. Поиски определения языка: цитатные цепочки	14
Глава 2. Язык как предмет философских и гуманитарных исследований	26
§ 1. «Лингвистический поворот» второй половины XX в.	26
§ 2. Языкознание: описательное — объяснительное — проективное	29
§ 3. Человеческий фактор в языке и языковой фактор в человеке. Язык и «картина мира»	34
Контрольные вопросы	38
Проблемные задания	39
Литература	39
Раздел II. Современная структура знания о языке	41
Глава 1. Познание языка в мире традиций	43
§ 1. Язык как аналог мироздания	43
§ 2. Язык как представление о мире	45

§ 3. Язык как исчисление формальных элементов	48
§ 4. Язык как демистификация мира	51
§ 5. Язык как наука о мире	52
§ 6. Изменчивый образ языка в науке XX в.	55
Глава 2. Принципы описания и классификации языков мира	59
§ 1. Соизмеримость и описательная сводимость языков мира	59
§ 2. Типологический подход	64
§ 3. Подход на основе понятийных категорий	66
§ 4. Подход на основе языковых универсалий	68
§ 5. Ареальный подход	72
§ 6. Семиотический подход	75
§ 7. Синхронный и диахронический подходы	78
§ 8. Уровневый подход	80
Глава 3. Парадигмы-доминанты и парадигмы-маргиналии в современном языкознании (вторая половина XX – начало XXI в.)	85
§ 1. Формирование парадигмального знания о языке в XX в.	85
§ 2. Генеративная лингвистика	92
§ 3. Интерпретационная семантика	94
§ 4. Логический анализ языка	95
§ 5. Функциональная лингвистика	96
§ 6. Лингвистика текста	98
§ 7. Теория речевых актов	99
§ 8. Этнолингвистика	101
§ 9. Когнитивная лингвистика	104
§ 10. Компьютерная лингвистика	106
§ 11. Контрастивная лингвистика	109
§ 12. Палеонтология языка	110
§ 13. Лингвосинергетика	114
§ 14. Кондициональная лингвистика	117
§ 15. Лингвистика измененных состояний сознания	121
§ 16. Семиосоциопсихология	123
§ 17. Теории происхождения языка и его эволюции	125
§ 18. Биолингвистика	127
§ 19. Гендерная лингвистика	129

Контрольные вопросы	130
Проблемные задания	132
Литература	133
Раздел III. Прикладные аспекты науки о языке	137
Глава 1. Письмо	139
§ 1. Языковая политика	139
§ 2. Орфоэпия и культура речи	141
§ 3. Стилеметрия и атрибуция текстов	142
§ 4. Стиховедение	145
§ 5. Дешифровка	146
Глава 2. Методика	148
§ 1. Методика обучения родному языку	148
§ 2. Методика обучения неродному (иностранному) языку	149
§ 3. Автоматизированные обучающие системы	151
Глава 3. Лингвокогнитивное моделирование	153
§ 1. Моделирование языка	153
§ 2. Моделирование уровней языка	155
§ 3. Искусственный интеллект	158
Глава 4. Терминоведение и лексикография	162
§ 1. Прикладное терминоведение	162
§ 2. Научно-техническая и учебная лексикография	163
Глава 5. Информационно-поисковые системы	165
§ 1. Автоматизация в лексикографии	165
§ 2. Машинный перевод	166
§ 3. Издательское дело	169
Контрольные вопросы	171
Проблемные задания	172
Литература	174

Раздел IV. Методы исследования языка	175
Глава 1. Эффективное исследование и его компоненты: методология и метод	177
Глава 2. Наблюдение: фиксация, описание и классификация	181
§ 1. Метод описания по частям речи	181
§ 2. Метод эксперимента	182
§ 3. Метод парадигматического описания	183
§ 4. Метод описания по лексико-семантическим группам	184
§ 5. Лингвогенетический (сравнительно-исторический) метод	185
§ 6. Лингвогеографический метод	194
Глава 3. Изучение: анализ и синтез	198
§ 1. Позиционно-морфематический метод (Московская школа)	198
§ 2. Метод изолирования (Ленинградско-Петербургская школа)	199
§ 3. Компонентный анализ	200
§ 4. Морфемный и словообразовательный анализ	202
§ 5. Типологический анализ	203
§ 6. Логико-синтаксический метод	204
§ 7. Психолого-синтаксический метод	206
§ 8. Формально-грамматический метод	207
§ 9. Синтагматический анализ	207
§ 10. Анализ по позиционным звеньям	208
§ 11. Анализ по типам синтаксических связей	209
§ 12. Анализ по непосредственно составляющим	210
§ 13. Анализ дискурса	211
§ 14. Стилистический анализ	212
Глава 4. Организация: операция и трансформация	216
§ 1. Трансформационный метод	216
§ 2. Метод актуального членения	217
§ 3. Метод семантического поля	218
§ 4. Метод перекрестных рядов (исследование формы слова)	219
§ 5. Метод оппозиции (Пражская школа)	220
§ 6. Дистрибутивный метод	221

Глава 5. Интерпретация	223
§ 1. Лингвистическая интерпретация	223
§ 2. Интерпретация текста	230
Контрольные вопросы	232
Проблемные задания	233
Литература	235
Раздел V. Междисциплинарность науки о языке	237
Глава 1. Язык и философия: философия языка и философские проблемы языкознания	239
Глава 2. Язык и политика: исследование политического дискурса	244
Глава 3. Язык и социология: социолингвистика	248
Глава 4. Язык и психология: психолингвистика	253
Глава 5. Язык и теология	257
Глава 6. Язык и юриспруденция	260
Глава 7. Язык и журналистика	264
Глава 8. Язык и международные отношения: международные вспомогательные языки и перевод	268
Контрольные вопросы	277
Проблемные задания	278
Литература	278

Учебное издание

Базылев Владимир Николаевич

Общее языкознание

Учебное пособие

Редактор Е. И. Солдаткина

Корректор Т. А. Горячева

Внешнее оформление Н. Д. Горбуновой

Компьютерная верстка С. С. Востриковой